

1000+

ИСТОРИЙ

**ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК
С ВОЙНЫ РОССИИ
ПРОТИВ УКРАИНЫ**

ТОМ I

УДК 821.161.2'06-94=161.1

ISBN 978-617-7574-62-9

ISBN 978-617-7574-63-6

Составители: Елена Бучинская, Елена Давликанова, Ирина Лылык, Оксана Яшкина и другие.

Сборник «100 историй женщин и девочек с войны России против Украины». I том. Составители: Е. Бучинская, Е. Давликанова, И. Лылык, О. Яшкина и др. /под ред. Е. Давликановой. – К. : ООО «ВИСТКА», 2022. – 170 с.

Дизайн – М. Крутько, Украина.

Обложка: М. Крутько, Е. Давликанова.

В первом томе собрана половина из 100+ историй женщин и девочек, жизнь которых навсегда изменила война – военнослужащих, защитниц из территориальной обороны, медиков, дипломаток, правозащитниц, активисток, волонтерок, предпринимателей, беженок, матерей, сестер, дочерей.... Все истории рассказаны во время интервью или записаны героинями самостоятельно. Это их судьбы, их опыт, их взгляд. Мы также чтим убитых и замученных русскими захватчиками женщин и девочек, чьи жизни были преждевременно оборваны ничем неоправданной агрессией, замешанной на имперских амбициях и «величии» на крови.

Из соображений безопасности мы не публикуем фамилии некоторых женщин и девочек по их просьбе, как и определенные детали их историй, ведь у них остались родственники на оккупированных территориях. Также, пока идет война, мы не можем представить полный спектр историй защитниц и медиков в военных госпиталях. По тем же причинам некоторые фото заблюрены. Но мы надеемся, что после Победы Украины все истории будут рассказаны полностью и помогут наказать военных преступников!

Мнения, высказанные женщинами и девушками в этой публикации, являются их личной позицией, которая приводится без цензурирования. Их точка зрения может не совпадать с официальной позицией Фонда им. Фридриха Эберта или организаций, где работают составители публикации.

УДК 821.161.2'06-94=161.1

Сборник размещен на сайте

Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Украине

www.fes.kiev.ua

© Представительство Фонда им. Фридриха Эберта в Украине, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 4

РАЗДЕЛ I.

О тех, кого забрала война
(рассказы о погибших, а также истории вдов) 8

РАЗДЕЛ II.

В оккупации и рядом с врагом.....22

РАЗДЕЛ III.

Дети войны 54

РАЗДЕЛ IV.

Два круга войны
(истории женщин в ВСУ и территориальной обороне).....66

РАЗДЕЛ V.

На дипломатическом фронте и на уровне принятия решений..... 74

РАЗДЕЛ VI.

Наши руки, плечи, крылья (истории волонтерок, активисток
и работающих женщин) 100

РАЗДЕЛ VII.

В поисках убежища от ужасов войны
(истории беженок и внутренне перемещенных лиц) 124

РАЗДЕЛ VIII.

Наши соотечественницы: защита и поддержка из-за границы..... 146

Список сокращений 166

Вступление

*На поляне красная калина, ой, да наклонилась,
Почему-то наша Украина закручинилась...*

*Не клонись ты, красная калина, белым крона зацветет.
Не печалься, наша Украина, свободлюбив твой род.
(Гимн Украинских сечевых стрельцов)*

24 февраля 2022 г. Российская Федерация по приказу В. Путина начала полномасштабное вторжение на территорию Украины. Около пяти утра население украинских городов проснулось от бомбежек и обстрелов. И хотя война, которая началась с аннексии Крыма и боевых действий в Донецкой и Луганской областях в 2014 году, ведется РФ против Украины уже восемь лет, ни украинцы/украинки, ни цивилизованный мир не ожидали пережить и стать свидетелями неслыханных зверств российских оккупантов и их военных преступлений против гражданского населения, совершенных в последующие недели.

После многих лет пропаганды РФ, нарратив о «братских народах» сменился призывом «освободить население Украины от фашистов, националистов и бандеровцев и защитить русскоязычное население» (в стране, возглавляемой русскоязычным этническим евреем, получившим на выборах беспрецедентное большинство голосов). Нацистов так и не нашли, а русскоязычное население, как и украиноязычное, встало на защиту своих городов и сел, своих домов и семей от незваных «освободителей». Поняв, что «по-братски» уже не получится, что цветами и паляницами (ред. – хлебом да солью) встречать захватчиков не будут, РФ фактически начала тотальное уничтожение не только экономики страны, но и всего украинского народа. Бомбардировки ведутся не только по военным объектам, но и по объектам критической инфраструктуры, больницам, детским садам, школам, роддомам, театрам, административным зданиям, а главное – по жилым кварталам, где живут люди, которые не смогли или решили не эвакуироваться. Российские солдаты расстреливают мирное население, насилуют женщин, похищают мэров, волонтеров, активистов, создают бесчеловечные условия для жизни, доводят города до гуманитарной катастрофы, нарушают договоренности о гуманитарных коридорах, занимаются мародерством, принудительно вывозят население оккупированных украинских городов на территорию РФ, где удерживают в лагерях.

«
Первая часть книги – истории, отражающие ужасы войны и содержащие свидетельства военных преступлений и преступлениях против человечности. Это истории о женщинах и девочках, жизнь которых унесла война; истории тех, кто находился или находится в оккупации, рядом с местами боевых действий, а также истории детей войны. Вторая часть книги посвящена женщинам и девушкам, защищающим нашу землю – военнослужащим и бойцам территориальной обороны; тем, кто защищает нашу свободу и независимость на дипломатическом фронте; это истории активисток и волонтерок, а также женщин, выполняющих свои профессиональные обязанности и таким образом помогающих своей стране; кроме того, мы собрали истории тех, кто давно живет за границей, но встали на защиту Украины.
В процессе работы мы говорили с одними женщинами и девочками, узнавали от них истории других, к которым потом также обращались за интервью. Сначала планировалось собрать сто историй, но их оказалось больше, и мы решили включить в сборник каждую из них, потому что мир должен знать, что сделала с судьбами женщин в Украине эта война «без правил», начатая РФ еще в 2014 году.»

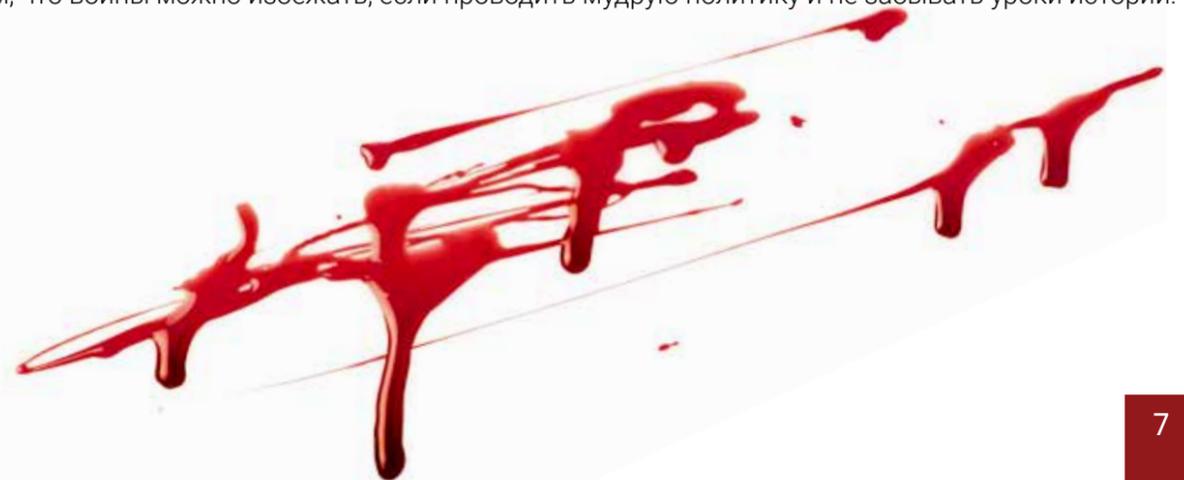
На момент выхода этого сборника историй об опыте женщин и девушек во время войны были убиты тысячи людей среди гражданского населения, из них более 100 детей, почти полностью уничтожены города Мариуполь, Волноваха, Буча, Ирпень, Гостомель...

Теме военных преступлений руководства и военных РФ, а также вины и ответственности части российского народа, которая поддерживает действия своего президента, уже названного частью международного сообщества военным преступником, будут посвящены многие исследования; будут собраны доказательства для Международного суда ООН в Гааге. О героической борьбе украинского народа не только за свою независимость и свободу, но и за будущее всей Европы, за весь демократический мир, напишут книги и снимут фильмы.

Мы же хотим сейчас представить истории женщин и девушек, чья жизнь разделилась на до и после начала войны – военнослужащих, защитниц в территориальной обороне, медиков, дипломаток, правозащитниц, активисток, волонтерок, предпринимателей, беженок, матерей, сестер, дочерей ... Это их личные истории, их опыт, их взгляд. Мы также отдаем дань убитым и замученным русскими захватчиками женщинам, девушкам и девочкам, которые стали невинными жертвами этой войны.

Только 100+ из 20 миллионов историй в 2-х томах. Этой публикацией мы хотим привлечь внимание международного сообщества на судьбу украинского народа, а также способствовать всестороннему расследованию преступлений против человечности и наказанию виновных. Эти истории должны стать напоминанием миру о том, что войны можно избежать, если проводить мудрую политику и не забывать уроки истории.

«
Все истории записаны исследовательницами после интервью, либо написаны самими женщинами и девочками (в таких случаях тексты, написанные для украинской версии публикации на русском языке, мы не переводили). Из уважения к респонденткам мы оставили оригинальную лексику и не цензурировали оценочные суждения, ведь так видят мир те, кто видели войну. Из соображений безопасности мы не публикуем фамилии некоторых женщин и девушек по их просьбе, как и определенные детали их историй, ведь у них остались родственники на оккупированных территориях. Также, пока идет война, мы не можем представить полный спектр историй защитниц и медиков в военных госпиталях. По тем же причинам некоторые фото заблюрены. Но мы надеемся, что после Победы Украины все истории будут рассказаны полностью, ведь правда за Украиной!»

РАЗДЕЛ I. О тех, кого забрала война (рассказы о погибших, а также истории вдов)

*Сегодня боль потери еще слишком
сильна. Многие не готовы говорить
о погибших родственниках, друзьях,
коллегах... но каждую украинку,
каждого украинца, погибших от рук,
пуль и бомб российских оккупантов,
Украина будет помнить.*

Ирина Цвила

*52 года, педагог, дизайнер, воительница света,
г. Киев (записано со слов ее брата Олега Цвилого)*

Олегу тяжело говорить; он курит сигарету, пытается собраться; в глазах слезы, ему очень больно. Он согласился рассказать историю сестры, потому что уверен – такие люди, как Ирина, творят историю нашей страны, они – ее гордость. О них должны знать как в Украине, так и во всем мире.

Рассказ Олега

Ирина погибла на второй день войны – 25 февраля 2022 г., хотя для нее эта война началась еще в 2014 г. Я пытаюсь понять, почему лучшие люди, такие как Иринка, идут защищать свою страну, не имея ни физической силы, ни военных навыков, а только – чистую совесть и любовь к Украине. Почему они погибают, когда так любят жизнь? И у меня только один ответ – они становятся ангелами и защищают нас с небес. Они не позволяют нам пойти не по тому пути, не позволяют сдать интересы страны оккупанту, не позволяют забыть все то, что сделали агрессоры с нашими людьми, нашими городами, селами, роддомами, драматическими театрами. Они – наш компас, наша совесть. Они отдали жизнь ради любви, любви к Украине. Ради нашего счастливого будущего в Европейской семье.

Иринка всегда была хрупкой девушкой, творчески одаренной, искренней и равнодушной. Больше всего она любила детей, животных, цветы и занималась фотографией. Ирина – учительница младших классов. До 2014 года работала по специальности, а также готовила детей к школе. Все время в доме были животные, она их находила и лечила. Были животные с поврежденным зрением, беспомощные, но все находили защиту в ее доме.

В Броварах, где в последнее время жила Ира, у нее был лучший розариум. Сажены для него ей высылали со всего мира – там были розы всех сортов и цветов. Иринка составляла из цветов букеты, икебаны, фотографировала их, а потом выпускала открытки и календари, которые пользовались большим спросом.

Впоследствии занялась ландшафтным дизайном, и это стало ее второй профессией. Увидев сказочные каскады из цветов и растений между цветными, выложенными камнем, тропинками перед домом сестры, жители Броваров и соседних городков начали заказывать дизайн своих садовых участков. Все, к чему прилагала усилия Ирина, делало мир лучше и счастливее!

Наша большая семья проживает в Киеве и области. До 2010 года мы разговаривали, как и большинство киевлян, преимущественно на русском языке. Ирина первой из нашей семьи заинтересовалась

«**Н**е грусти, – сказала Алиса. – Рано или поздно все станет понятно, все станет на свои места и выстроится в единую красивую схему, как кружева. Станет понятно, зачем все было нужно, потому что все будет правильно.»

*«Алиса в стране чудес», Льюис Кэрролл
(любимая цитата Ирины)*

историей Украины, начала разговаривать на украинском и здороваться лозунгом «Слава Украине!», что мы воспринимали сначала с удивлением, но через некоторое время все отвечали «Героям Слава!». Она передала всей семье свою любовь к нашей истории, украинскому языку, нашей идентичности. Сейчас мы все общаемся исключительно на украинском, готовы воевать и воюем за Украину, и это благодаря Иринке.

С первых дней Майдана Ирина была на баррикадах. Как фотограф она создала огромный архив фото- и видеоматериалов

тех бурных времен. А с началом боевых действий вместе с добровольцами отправилась на передовую. Она не обладала никакими военными знаниями и умениями, не владела оружием, но хорошо понимала, что армия в то время была очень ослабленной и без добровольческого движения, без поддержки гражданского общества не удастся отстоять независимость нашей страны. С 2014 года Ирина воевала в батальоне «Сечь».

После окончания активной фазы боевых действий она занималась тем, что патрулировала освобожденные украинские города (Славянск, Краматорск), занималась обеспечением внутренней стабильности и безопасности населения в этих городах, а также проводила информационную проукраинскую кампанию среди населения. Тяжелее всего Ира чувствовала себя, когда приезжала на ротацию. Киев жил своей жизнью – рестораны, салюты, клубы, бутики – и казалось, все забыли о том, что в зоне АТО умирают воины, люди страдают от обстрелов и тягостных лишений, идет война. Этот контраст ее шокировал, Иринке очень сложно было находиться среди безразличных, как ей казалось, людей. Она не могла себя найти в «мирной» жизни и, немного отдохнув, как можно скорее возвращалась в зону АТО.

Несколько лет назад Ирина все же вернулась к гражданской жизни, к своему саду и занялась творчеством.

«**Я** пытаюсь понять, почему лучшие люди, такие как Иринка, идут защищать свою страну... Почему они погибают, когда так любят жизнь? И у меня только один ответ – они становятся ангелами и защищают нас с небес. Они не позволят нам пойти не по тому пути, не позволят сдать интересы страны оккупанту, не позволяют забыть все то, что сделали агрессоры с нашими людьми, нашими городами, селами, роддомами, драматическими театрами. Они – наш компас, наша совесть. Они отдали жизнь ради любви, любви к Украине. Ради нашего счастливого будущего в Европейской семье.»

Она создавала великолепные украшения: серьги, бусы, браслеты, броши. Вместе с дочерью они разрабатывали коллекции украшений из натурального камня и живых цветов. Их творчеством заинтересовались зарубежные покупатели. Деньги за свои изделия Ирина с дочерью передавали на благотворительность и помощь военным.

Мне грустно, что сознательные, высоконравственные люди, понимающие значение слов «государство», «независимость», «национальная идентичность», идут защищать страну, а приспособленцы, взяточники, «ватники» скрываются. Что хрупкая, образованная, талантливая женщина теряет жизнь, а в это время в Буковеле нельзя было пройти между припаркованными дорогами машинами «мажоров»-мужчин, сбежавших из Киева при первых же обстрелах.

Дочь Ирины училась в Польше, но когда почувствовала неотвратимость полномасштабного нападения на Украину, приехала в Киев и сейчас помогает бороться с врагом. Мужчины из нашей семьи тоже защищают страну. Я работаю Главой правления в ОО «Альянс Украинского Единства» с 2015 года, защищаю права заключенных.

Я считаю, что Иринка была, есть и будет примером Человека с большой буквы! Ее дочь, ее братья, ее подруги и сосестры, люди, которые ее знали, продолжают ее дело. Мы победим и будем жить в Новой стране, о которой мечтала Ирина!

Фото Василины Борисюк

Юлия Здановская

21 год, просветительница в сфере математики и информатики, волонтерка, г. Харьков (записано со слов мамы Елены Винник и отца Яна Здановского)

«Моя мечта, чтобы дети в деревнях, в маленьких и больших городах любили и изучали математику и информатику, не считали их сложными дисциплинами, а наоборот – интересными и увлекательными, и чтобы где угодно дети могли получать знания по математике на уровне лучших лицеев».

Мечта Юлии

Слушая рассказ родителей Юлии, просматривая видео, в котором о ней говорят друзья, видео ее коллег из «Учи для Украины / Teach For Ukraine», читая посты профессора КНУ Богдана Рублева, который ее учил, сообщения под постами мамы Юлии коллектива Юрьевской общеобразовательной школы, где Юля работала, чувствуешь отчаяние и мучительную боль. Почему эта проклятая война уносит лучших людей? Почему она забрала талантливую девушку, которая за свою короткую жизнь уже столько сделала для украинского образования, умела организовывать и заряжать на большие и благородные дела окружающих; которая имела яркие рыжие волосы и большое искреннее сердце, и еще столько хотела и могла сделать? Для близких, для страны, для образования, для науки! Нет ответа – это крик в пустыне...

Мы, оставшиеся жить, должны ее помнить, должны строить новую страну, такую, какой ее видела Юлия.

В начале разговора с родителями получаем разрешение мамы Юлии на публикацию ее поста в Facebook, который приводим полностью.

Пост в Facebook мамы Юлии

Наше прекрасное рыжее солнышко, Юлия Здановская!

Мы всегда гордились тобой и будем гордиться вечно!

Тебя всегда любили все твои родные, друзья и даже просто знакомые, и они тебя не забудут!

У тебя было все:

- безграничная искренность и невероятной широты душа, частицы которой ты щедро раздавала всем вокруг себя;
- ум, которого я даже опасалась, потому что понимала не более трети, когда ты рассказывала, чему учишься и какие математические задачи решаешь;
- и просто девичья красота.

Я так мало времени провела с тобой, так как в 14 лет тебя пригласили в Киев учиться в Украинский физико-математический лицей КНУ им. Т. Шевченко. Я привыкла общаться с тобой по телефону, даже на каникулы ты не всегда приезжала домой. Почему? Потому что именно на каникулах проводятся олимпиады.

Ты разрывалась между математикой и информатикой, никак не могла решить, что тебе ближе. Может поэтому на олимпиадах ты иногда занимала не первое, а второе место. Сколько побед ты

одержала, знает только толстенная папка с дипломами, которая осталась на полке в твоей комнате. Самой яркой из них была победа вашей команды над россиянами в EGMO-2017 – командное первое место и твоя личная серебряная медаль. За недолгие годы обучения и участия в Олимпиадном математическом движении ты посетила стран больше, чем я за всю свою жизнь.

Все думали, что ты станешь учёной. Но у тебя была совсем другая мечта. Ты хотела изменить школьное образование в Украине, чтобы дети в каждом уголке Украины могли получать такое же качественное образование, как в лучших лицеях столицы, и чтобы обучение всегда доставляло детям радость. В прошлом году, когда ты получала диплом бакалавра по компьютерной математике в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, тебе пожелали стать профессором Гарварда. Я очень хорошо помню твой ответ: «Не хочу быть профессором и не хочу в Гарвард, а вот министром образования в Украине стать согласна».

И ты не пошла в магистратуру КНУ, где тебя все ждали, а пошла преподавать информатику и математику в небольшом поселке в Днепропетровской области, вместе с когортой таких же энтузиастов – участников программы "Teach For Ukraine". И я была абсолютно уверена, что у тебя все получится, но...

Тебя никогда нельзя было остановить, ты всегда делала то, что считала правильным. И надо признать, что ты совершала очень мало ошибок. А теперь уже не совершишь ни одной...

Ты выбрала самую мирную профессию на земле – школьной учительницы. И когда началась война, ты два дня буквально металась по дому, потому что хотела защищать свою страну и свой родной Харьков, но единственное, чего ты не умела, это – пользоваться оружием.

Но на третий день войны утром ты увидела объявление, что штабу обороны Харьковщины нужны не только военные, но и волонтеры. Стараться повлиять на твое решение не имело никакого смысла. Ты, как всегда, поступила так, как считала правильным, – пошла волонтерить. Неважно как – как потребуется. Ты сознательно осталась в родном Харькове, куда за два дня до войны приехала увидеться с семьей, но не осталась дома. Ибо хотела быть полезной, хотела сделать то, что в твоих силах, для победы.

Каждый вечер ты сообщала, что у тебя все ОК и ты идешь с другими волонтерами в убежище.

3 марта еще в 18:41 ты написала подруге в Telegram, что у тебя все супер и ты волонтеришь.

А в 18:43 связь с тобой прервалась навсегда. Только на следующий день мы узнали, что орки попали в группу волонтеров ракетой в самом центре нашего родного Харькова.

Твоя жизнь была короткой и яркой. Я уверена, что эта вспышка будет и дальше светить многим людям.

Но я совсем не понимаю, как мне жить дальше без тебя, потому что прошла неделя, а я каждый вечер смотрю на часы, ожидая твоего телефонного звонка или коротенького видео...

Гореть в аду тем, кто пришел уничтожить наш народ, нашу талантливую молодежь, наше будущее!

СЛАВА УКРАИНЕ! ГЕРОЯМ СЛАВА! СМЕРТЬ ВРАГАМ!

Родители Юлии работают волонтерами в организации «Станция Харьков». У них много работы и найти время для встречи им было очень сложно.

Рассказ родителей Юлии:

Юля работала в организации "Teach For Ukraine", которая является частью всемирной программы "Teach For All", где люди без специального педагогического образования или учителя без опыта работы едут на два года в сельскую школу и работают там штатными учителями. Она записа-

лась в эту программу еще год назад, когда заканчивала писать диплом бакалавра по компьютерной математике в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко. Ее ждали в магистратуре в лучших украинских и зарубежных университетах, но она пошла учить детей в обычную сельскую школу. Юля успела проработать в Юрьевской ОШ на Днепропетровщине полгода.

Когда Юлю пригласили на обучение в Украинский физико-математический лицей КНУ им. Т. Шевченко, она училась в Харькове в известном физико-математическом лицее. Учась в Киеве, Юля поняла, что о таком уровне образования по математике, который она получала в Киеве и Харькове, не могут мечтать учащиеся в других городах и селах. Одноклассники Юлии из киевского лицея были из разных небольших городков Украины. И все они тоже говорили, что им повезло с учебой в Киеве. Тогда Юля сказала, что мечтает о том, чтобы в каждом уголке нашей страны дети могли получать знания по математике и информатике на уровне лучших лицеев в крупных городах. И через семь лет, по окончании бакалавриата, пошла получать опыт работы в обычной школе и реализовывать свою мечту.

Еще в 11 классе Юля была идеологом и инициатором создания IT-курсов в кружке «Кванта», который они с друзьями организовали для обучения математике и информатике. Это была волонтерская инициатива. Помещение выделил КНУ, нашлись спонсоры, были предоставлены компьютеры. Юля с друзьями готовили материалы к занятиям, учили детей. Она легко находила с детьми общий язык, заряжала всех своей энергией. Она учила программированию, решению логических и математических задач посредством написания

«**Профессор КНУ Богдан Рублев, которой хорошо знал Юлю еще со времен школьных олимпиад, был инициатором создания на кафедре математики Массачусетского технологического института бесплатного образовательного проекта для старшеклассников из Украины под названием «Мечта Юлии». Так начала сбываться ее мечта. Теперь талантливые школьники 9–11 классов из Украины могут учиться и принимать участие в исследовательских проектах в одном из лучших университетов мира.**»

Фото Василины Борисюк

Фото Василины Борисюк

алгоритмов и программирования. Юля была энтузиасткой. И думала всегда не о себе, а о том, как учить и быть полезной людям.

Профессор КНУ Богдан Рублев, которой хорошо знал Юлю еще со времен школьных олимпиад, был инициатором создания на кафедре математики Массачусетского технологического института бесплатного образовательного проекта для старшеклассников из Украины под названием «Мечта Юлии». Так начала сбываться ее мечта. Теперь талантливые школьники 9–11 классов из Украины могут учиться и принимать участие в исследовательских проектах в одном из лучших университетов мира.

Из поста в Facebook мамы Юлии

Дорогая моя Юля!

Ты становишься известной во всем мире. Ты и должна была стать известной, в этом не сомневались ни твои учителя, ни друзья, ни коллеги, это несомненно, но не такой ценой!

Твою мечту о новой украинской школе, безусловно, осуществят твои друзья и единомышленники.

А за мирное небо над Украиной ты продолжаешь борьбу вместе со всеми украинцами и друзьями в других странах.

Лидия Панченко

85 лет, с. Ясногородка (рассказ Светланы Шевчук)

Лидия Федоровна родилась в 1937 году и всю свою жизнь прожила в селе Ясногородка Макаровского района. Так получилось, что ей дважды пришлось столкнуться с войной: впервые во время Второй мировой, когда до 1943 года поселок был оккупирован сначала гитлеровцами, а затем и советскими войсками, которые использовали Ясногородку в качестве плацдарма для наступления на Киев и дальнейшего его освобождения; во второй – во время этой Украинской Отечественной войны. Лидия Федоровна часто рассказывала фрагменты своих детских воспоминаний: произвол немцев, слезы родителей и, самое главное, страшный голод. О советских войсках она всегда вспоминала с гордостью, как

о героях и освободителях. Могла ли она когда-нибудь представить себе, что нация, которая всегда провозглашала себя прямым наследником СССР и считала победу во Второй мировой войне исключительно своей заслугой, придет к ней домой и заберет у нее самое дорогое – ЖИЗНЬ?!

Лидии Федоровне пришлось не раз столкнуться с болью: потеря мужа и, самое страшное, потеря любимой дочери в результате страшной болезни. Всю свою жизнь она тяжело работала уборщицей. Однако это не помешало ей сохранить жизненный оптимизм, остаться дружелюбным и светлым человеком. В память о дочери осталась любимая внучка Оксана, которая вместе с отцом и его новой

«**Представьте себе: «освободитель» намеренно стреляет из пулемета по мирным жителям!!! Как он может потом смотреть в глаза собственной бабушке, если умышленно заставил погаснуть глаза чужой? «Братский народ», русские, вам с этим жить!**»

Использованы стопкадры из видео на YouTube «Когда бабушку убило мы ходили за хлебом» – как село и зоопарк Ясногородка пережили месяц бомбардировок. <https://www.youtube.com/watch?v=JOKZ3c2cjr4>

женой до последнего жили вместе с бабушкой в мире и согласии. Не прошло и года, как они сделали новый ремонт в доме, вложив в него все свои деньги и вдохновение. Еще в начале года Лидия Федоровна говорила: «Теперь я чувствую себя полностью счастливой: в доме своей мечты и в кругу самых дорогих людей!»

Но 5 марта 2022 года ни братство народов, ни почтенный возраст пани Лидии не помешали «освободителям из великой России» выпустить в окно ее дома очередь из крупнокалиберного пулемета, оставив близким для захоронения ее изуродованное тело. В тот день российские оккупанты въехали в село, расстреляв людей на блокпосту, в том числе – местного священнослужителя. Люди говорят, что после убийства они переехали тела гусеницами.

Так получилось, что дом Лидии Федоровны просто оказался у них на пути. Представьте себе: «освободитель» намеренно стреляет из пулемета по мирным жителям!!! Как он может потом смотреть в глаза собственной бабушке, если умышленно заставил погаснуть глаза чужой? «Братский народ», русские, вам с этим жить!

Родным Лидии чудом удалось выжить – они как раз находились в то время в сельском магазине и, узнав о том, что враг вошел в деревню, успели добежать до брата, который живет на другом конце села. Зять вместе с другими мужчинами вскоре вернулись, чтобы забрать изуродованные тела и спасти одного раненого – всюду были враги. Зять Лидии Федоровны прошел войну в Афганистане и говорит, что это страшное чувство, когда враг говорит на языке, который ты считал вторым родным на протяжении всей жизни!

Забирая тело, односельчане в последний раз видели дом Лидии и машину семьи, потому что уже на следующий день на их месте осталось только пепелище – говорят, что в дом попал вражеский снаряд. Семья осталась на улице, в чем была: без вещей, без денег, без документов.

Лидию Федоровну и ее односельчан не смогли похоронить в их родном поселке из-за непрекращающихся боев. Было принято решение о временном захоронении в Фастове. Поэтому ее последняя воля – быть похороненной рядом с дочерью – зависит от нашей ПОБЕДЫ.

Татьяна Георгиевна Ходюк

82 года, мать, пенсионерка, г. Ирпень
(рассказано ее дочерью Екатериной Ильченко)

Я немного пришла в себя и пишу. Это будет мой последний пост на русском, но на это есть несколько причин.

Это дом моих родителей в Ирпене. Его построил отец практически своими руками. Так получилось, что после института он оказался в России и много лет стремился вернуться в Украину. Тогда это было не так уж просто, поскольку свободного рынка труда не было. Из Стерлитамака в Волгоград, из

Волгограда в Кишинёв и уже из Кишинева под Киев. Он отказался от квартиры и взял земельный участок, потому что хотел Дом.

Моя мама русская. Родилась в Челябинске. Там же родилась и я. У нас там по-прежнему живут типа родственники. Ее родной брат в последнем разговоре за пару недель до войны рассказывал, что ему нравится Путин, хотя не со всеми его решениями он согласен. Мама ругалась и возмущалась: как ты можешь так говорить? Он же убийца!

Когда началась война, ее родной брат не позвонил. Мне сказали, что он переживает и пошёл в церковь поставить свечку за мир.

Ночью 8 марта в наш дом попал снаряд. Мама была в доме.

В доме, в котором всегда было много гостей. Когда я была школьницей, студенткой. Мои друзья много лет вспоминали вкусности, которые Мама готовила, чтобы их угощать. В этот дом приезжали родственники из России. Им нравилось. Чистый хвойный запах Ирпеня, Киев, наша гостеприимность.

Слева наверху уцелевшее окно – это моя комната. Там была большая библиотека, которую собирала моя бабушка, мои университетские книги, фотографии. Прямо под ней – гостиная. Там всегда накрывали стол нашей фирменной бело-золотой посудой, немецкий сервиз, который отец купил на выставке в Москве ещё в 70-е годы, и которому до сих пор люди удивлялись. Ничего не осталось из моей личной истории. Ни одного предмета, ни одной фотографии. И самое главное – мамы. Осталась только ненависть.

Эта часть города находится в самом пекле боевых действий. Невозможно туда попасть, разобрать завалы, похоронить.

Рассказ Ирины Сушковой

*25 лет, редактор издания Obzrevatel, вдова
(с. Бодаква, Полтавская область)*

*(с разрешения автора публикуем ее письмо к своему
погибшему мужу Виктору Сушкову, ранее размещенное
в Фейсбуке)*

Я сейчас напишу самые страшные слова в своей жизни. Напишу на русском, последний раз, потому что на нем я говорила только с тобой. Не писать не могу, я хочу чтобы весь мир кричал, каким ты был. И без тебя я умею только одно – писать.

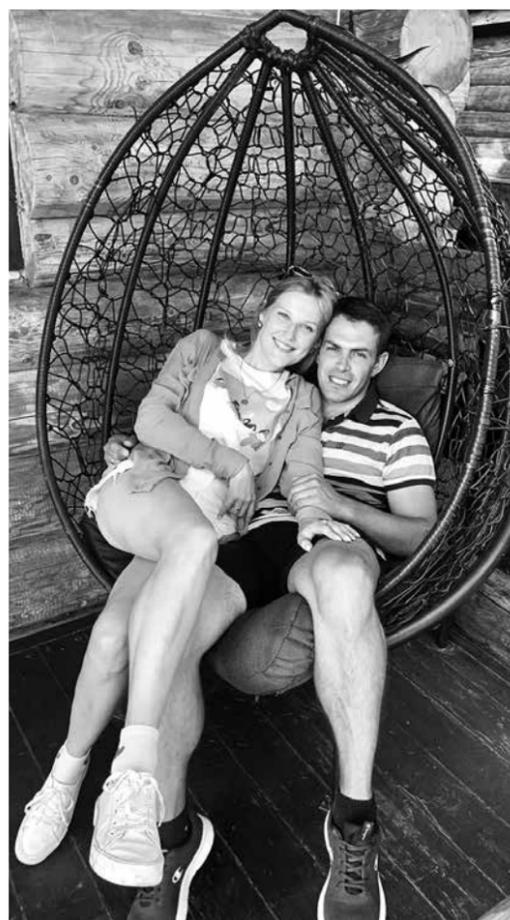
Я сижу рядом с мертвым мужем. Моя жизнь лежит рядом со мной в закрытом гробу. Моя жизнь, которая вытирала мне слезы и говорила, что никогда не оставит. Которая всю ночь гладила меня, когда было плохо. Которая хвасталась мной на каждом шагу. А я хвасталась тобой. И благодарила Бога, что ты такой есть. Меня как будто больше не существует.

«
Я сижу рядом с мертвым мужем. Я вдова в 25. Мою жизнь украли нелюди. Я проклинаю этих фашистов за тебя, родной, за наших с тобой нерожденных детей, за украденную жизнь, твою и мою.
»

Я не знаю более чистого, доброго и достойного Человека. Ты был лучшим во всем. Не потому что мой. Так и было, у тебя все получалось. Тебя везде ценили.

Мне звоном в ушах стоят все твои слова. Только ласковые, других ты не говорил ни разу. Если у нас дома появлялось что-то классное, ты в тот же момент говорил, с кем мы поделимся. Если что-то случилось, я держалась только из-за тебя. Одного «зззая!» хватало, чтобы стояла по струночке смирно.

Ты летел со службы домой с полными карманами шоколадок, чтобы я не грустила. А все, что брал с собой, вечно раздавал похвастаться, как я готовлю. Ты никогда ничего не боялся, ни разу. Ты сиял улыбкой каждый день, даже если все было плохо. «Я тепло одет и хорошо кушаю», – на все случаи жизни. Ты строил планы на год вперед, когда мы поедем к родителям. «Я тебе хоть раз в чем-то отказывал?» – отвечал ты на все мои самые глупые глупости. «Вот я тебя подлечу и все точно будет хорошо, нам еще детей рожать», «Какая работа, главное, чтобы ты

была здоровая и счастливая», «Хочу себе такую маленькую девочку», – говорил ты каждый божий день.

И всегда помогал, я могла просить, что угодно. «Ты что, командирша?» – подшучивал ты с хитрой улыбкой. «Хуже, – говорила я, – я жена командира» и целовала в нос.

Я могла тебе рассказать то, что не говорят никому и никогда, а ты всегда понимал.

После свадьбы к сердечку возле моего контакта ты добавил домик и сказал «Теперь ты – навсегда мой дом».

Я знала, какими мы невыносимыми будем в старости («зззая, опять сквородка не на своем месте», «зззая, зззая, кто кофе пил и капсулу не достал»), я знала, какие глаза будут у наших детей. Я давно придумала, что дарить тебе на первую годовщину свадьбы. А выбирать пришлось веноч на могилу. В последнем разговоре ты сказал, что охраняешь мой сон. Теперь я охраняю твой до конца своей жизни.

Ты офицер с таким внутренним кодексом чести, что этим сукам и не снилось. Ты – мое сердце! Ты – моя душа! Был и будешь. Я безмерно тебя люблю и горжусь.

Я проклинаю этих фашистов за тебя, родной, за наших с тобой нерожденных детей, за украденную жизнь, твою и мою.

Я сижу рядом с мертвым мужем. Я вдова в 25. Мою жизнь украли нелюди. Мою жизнь украли ебучая россия.

РАЗДЕЛ II. В оккупации и рядом с врагом

По соображениям безопасности мы убрали некоторые детали, которые могут навредить отважным женщинам, смотрящим врагу в лицо. Мы обязательно опубликуем их истории полностью, когда им ничего не будет угрожать.

г. Ирпень. фото @misha.djos

Светлана Лукаш

33 года, социальный работник, роженица, г. Киев

24 февраля разделило мою жизнь на до и после ...

До... У меня есть прекрасная семья: любящий муж и 5-летний сын. Я счастлива и беременна – мы ждем второго мальчика. С первых дней беременности мы с мужем приняли решение о совместных родах. Как и все будущие мамы, я долго выбираю и покупаю детскую одежду и аксессуары, планирую как и где будет стоять кроватка. Беспokoюсь, как пройдут роды и как подготовить старшего сына к тому, что он будет теперь не один. ПДР у меня 27.02, все идет по плану.

С января чувство тревоги не оставляло меня, но я все списывала на беременность.

После... 24.02.2022 меня разбудили звуки, как мне показалось на тот момент, сильного грохота. Я лежала и не могла понять, что происходит, поэтому начала будить мужа со словами: «Кажется, война началась». И в это же время нам начали звонить на мобильный и в разные мессенджеры испуганные друзья и родственники. Мы стояли и смотрели в окно – многие наши соседи бежали с сумками к машинам и спешно уезжали. А мы никуда не могли уехать, ведь через 3 дня у меня ожидалась роды. Я стояла у окна и плакала – такого чувства беспомощности я еще никогда не испытывала. Муж пытался меня успокоить, говорил, что это все ненадолго, что в XXI веке люди пользуются словами и переговорами, а не оружием.

« **Первая наша с сыном ночь прошла под сирены, при каждой из них роженицы с детьми спускались в подвал. По протоколу спускаются все, даже те, кто после кесарева сечения, с реанимации девочек спускали – женщины-акушерки буквально несли рожениц, которые не могли идти после родов. Кто мог, тот помогал тем, кто слабее. Мы все сидели на стульчиках, держа на руках малышей.** »

Два следующих дня прошли, как в тумане. Мы бегали в бомбоубежище под сирены, я практически не спала, слезы текли просто сами по себе; паника и страх не покидали меня ни на миг. Друзья, соседи куда-то уезжали. Мы с мужем даже начали смотреть видео о том, как принимать роды дома. Сказать, что мне было страшно, – это ничего не сказать! Два дня тянулись, как два года. Мне казалось, что я умерла и попала в ад, где мои самые большие страхи воплотились в реальность.

26.02.2022 я поехала в роддом на осмотр, где врач сказала, что еще рано, и у меня есть еще дней пять, предложив мне остаться в роддоме. В Киеве постоянно раздавались взрывы, гремели сирены и я не могла даже допустить мысли о том, что в такое время я буду отдельно от мужа и моего пятилетнего сына. И вот в тот же вечер у меня начинаются схватки. В Киеве комендантский час, муж завезти меня в роддом не может – это очень опасно! Мы вызываем скорую... и ждем... в больницу меня везут под звуки сирен... Интервалы между схватками становятся очень короткими, но вместо родового зала я попадаю в подвал больницы, где сидят на стульчиках измученные и заплаканные беременные в окружении больничного персонала. Мои схватки все учащались, и мой врач принял решение переместить меня в родовой зал. Я уходила и пыталась настроить себя, что мои роды должны пройти максимально легко, потому что мне нужно домой к сыну и мужу, чтобы мы были все вместе. Как только я переступила порог, начались роды (родила стоя). Едва перерезали пуповину, снова началась сирена, и всем нужно было спуститься в подвал. Я осталась с малышом одна в палате, с приглушенным светом и завешенными шторами. При этом мой кроха сын лежал под лампой, а я – в двух метрах на кушетке с капельницей в руке. Мне очень хотелось защитить его, накрыть собой, если начнется бомбардировка, но я лежала так далеко... Я сползла с кушетки и на трясущихся ногах пошла к сыну, чтобы прижать его к себе.

Первая наша с сыном ночь прошла под сирены, при каждой из них роженицы с детьми спускались в подвал. По протоколу спускаются все, даже те, кто после кесарева сечения, с реанимации девочек спускали – женщины-акушерки буквально несли рожениц, которые не могли идти после родов. Кто мог, тот помогал тем, кто слабее. Мы все сидели на стульчиках, держа на руках малышей.

Если у вас есть дети, вы наверняка помните все в малейших деталях, как рожали, как потом переживали, чтобы на вашего ребенка не дышали посторонние, чтобы он был в чистоте, если не полностью, то хоть максимально приближенной к стерильной. У нас все было с точностью до наоборот, но мы просто молились, чтобы очередная сирена не стала трагедией.

Сегодня я в безопасности, из-за военной агрессии со стороны России я была вынуждена уехать из родного города с семидневным младенцем. Я никогда не забуду и не прощу это!

Кристина Джолос

34 года, менеджер по коммуникациям, г. Мариуполь

Выбраться – это только начало... Миллионы украинцев сейчас живут на чемоданах, а некоторые планируют даже жить в них. Мы никогда нигде не будем своими. Весь опыт, любимые мелочи, а главное – самые дорогие сердцу люди остались дома. Мой дом Мариуполь – сейчас горящий ад, пропитанный страхом и безысходностью. Огромная зияющая дыра.

15 марта под обстрелами, на свой страх и риск, нам удалось оттуда уехать. Ночевали в поле, в серой зоне, не успели до комендантского часа, на улице был мороз, слава Богу, мы живы. Живы для того, чтобы кричать, что каждому, кто остался в Мариуполе, нужна помощь! Это не город-герой, это город страха, смерти и ужаса.

У нас не было гуманитарного конвоя, нас никто не вывозил, с городской администрацией коммуникации нет, мы бежали за машинами под обстрелами, объединялись в колонны, клеили на машины надпись «дети». Я лично сажала собственного сына в машину под звук прилетевшего в соседний двор снаряда. Нас никто не спасал – мы и Бог спасли себя!

В городе нет связи, воды, газа, скорых, люди с оторванными конечностями истекают кровью во дворах и им некому помочь... И это мирные люди, наши с вами знакомые и родные. Погибших просто прикапывают на месте, а родные впоследствии не могут их найти. Чаще они погибают, когда выходят из убежищ в поисках воды, в очередях к колодцам или при приготовлении супа на костре. Да! Мы собирали снег, топили его на костре и варили макароны. Моя семья была в убежище гимназии №2. Три дня назад туда прилетел снаряд, выбило часть окон, женщину в бедро ранило осколком, она всю ночь лежала на первом этаже гимназии и умоляла дать яд, чтобы не чувствовать боли, в больницу было везти некому. Каждый день и каждую ночь обстрелы, свисты, дрожащие стены и ужас от неизвестности: «куда прилетит?».

Героически работает уцелевшая часть городской больницы: оперируют, спасают. Раненую женщину через сутки забрал Красный крест, дай Бог, с ней все будет хорошо. В мой подъезд прилетели два снаряда, два – в мой двор, там мужчине оторвало ногу.

В городе почти нет бомбоубежищ, их катастрофически не хватает, нет бункеров с вентиляцией, в лучшем случае – цокольные этажи. В доме моей мамы этого даже нет. Людей нужно вывезти,

женщин, детей, стариков, дайте автобусы, зеленый коридор, договоритесь!!! Молюсь за близких, каждого мариупольца и украинского солдата. Враг пришел к нам и не оставил нам выбора, но нет ничего ценнее человеческой жизни. Это должно закончиться!

Ни продуктов, ни лекарств, ни воды, если не будет снега! Аптеки, продуктовые магазины – все разграблено или сожжено, умерших не вывозят, полиция рекомендует родственникам тех, кто умер естественной смертью, открывать окна и класть трупы на балкон, а когда появится возможность, везти в молитвенный дом.

Я знаю, вы свято верите, что понимаете, но вы никогда не поймете, если там не были. Сейчас я слышу звук сирены, и мне не страшно, потому что в Мариуполе 16 дней не было света, и когда самолеты сбрасывали на нас бомбы, нас даже не могли об этом предупредить.

Молю каждого, остановите это! Если российские танки «защищают» город, обстреливая жилые дома, в которых живьем горят люди, то что это за «защита» такая?!!! Я не разбираюсь в стратегиях войны, всем сердцем молюсь за Украину, но я не понимаю, почему уничтожают моих родных и мой город.

Не знаю, что будет дальше, но молюсь, чтобы это не повторилось ни в одном из городов Украины и мира, ни с одной семьей, ни с одной матерью. Не отводите взгляды от девочки, родившей ребенка в больнице, куда прилетел снаряд; беременной, умершей в той же больнице, не успев дать жизнь; матери, трясущейся от страха, прикрывая своим телом сына в коридоре под звук вылетающего из окон стекла; старика, который остался один почти без шансов на выживание; раненых мирных жителей, которым некому оказать помощь и умирающих в ходе уличных боев; погибших, чьи тела лежат на улицах, где они еще месяц назад жили, работали, любили, растили детей.

Вам показывают, как горят здания, но не показывают, как горят люди. Мне нужно себя сжечь, чтобы вы поверили, что это не должно продолжаться? Я умоляю вас, остановите это!!!! И пусть ваше сердце выберет жизнь.

«
В городе нет связи, воды, газа, скорых, люди с оторванными конечностями истекают кровью во дворах и им некому помочь... И это мирные люди, наши с вами знакомые и родные. Погибших просто прикапывают на месте, а родные впоследствии не могут их найти... Вам показывают, как горят здания, но не показывают, как горят люди. Мне нужно сжечь себя, чтобы вы поверили, что это не должно продолжаться? Я умоляю вас, остановите это!!!! И пусть ваше сердце выберет жизнь.

»

«
Не отвлекайте взгляды от...беременной, умершей в той же больнице, не успев дать жизнь; матери, трясущейся от страха, прикрывая своим телом сына в коридоре под звук вылетающего из окон стекла; старика, который остался один почти без шансов на выживание; раненых мирных жителей, которым некому оказать помощь и умирающих в ходе уличных боев; погибших, чьи тела лежат на улицах, где они еще месяц назад жили, работали, любили, растили детей.

»

Катерина Фуглевич

31 год, журналистка, ведущая Оперативного штаба одесского телеканала, г. Херсон

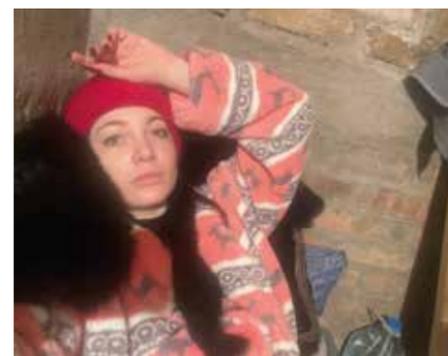
Невозможно передать словами, что такое война! В 4:30 утра, находясь в Одессе, я услышала взрывы и поняла, что мирная жизнь в Украине кончилась. Сразу исчезла телефонная связь. И я хорошо помню, как быстро проносились в голове разные мысли: о подвале в моем доме в Херсоне; о полупустом баке автомобиля; о том, что нет запасов пищи на случай чего-нибудь серьезного. Я наспех собрала вещи, документы, средства связи, все, что успела. Сбрасывала все это хаотично в две сумки. Было жутко.

Я металась в панике, когда мне дозвонилась мама. Родители живут в Херсоне. Я слышала в трубке встревоженные голоса отца и мамы: «пожалуйста, не оставляй нас», «приезжай к нам и мы будем вместе», «пожалуйста, скорее». Они уже слышали первые взрывы от обстрелов «Градами», гул реактивных самолетов.

Я знала, что Херсон, после захваченного Крыма, – стратегически важный город. Каховское водохранилище, расположенное на территории Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областей Украины, – это основной источник водоснабжения юга Украины. Путь от Одессы до Херсона был очень опасен. В полях ближе к Николаевской области началось самое страшное. Огромные клубы черного дыма поднимались с еще вчера прекрасных желтых полей – это были последствия ракетных ударов по военным частям и аэропорту. В машине я плакала и не верила, что это наяву. Я видела тысячи машин, которые ехали в обратном направлении, все ехали в Одессу, спасаясь от войны, от беды, от обстрелов и смерти. Я же ехала в ад.

Что управляло мной при принятии этого решения: во-первых – это мысли о родителях, я должна была быть с ними в трудное время и помогать; во-вторых – долг журналиста, ведь я привыкла всегда рисковать и быть в центре всех событий. С родителями я давно не виделась, так что встреча с ними была единственным радостным событием того времени – мы обнимались и плакали от бессилия перед тем, что происходило. Но надо было думать о жизни в новой реальности, и мы вспомнили о подвале, в котором когда-то хранились банки с вареньем и огурцами. Туда уже давно никто не спускался, но это было единственное возможное укрытие. Я быстро смастерила там место для относительно комфортного пребывания. Мой отец удивленно смотрел на меня и не верил, что подвал нам пригодится и что следующие 20 дней нам придется там жить.

Силы ВСУ и территориальной обороны держали оборону Херсона около 48 часов. Силы были неравны! Из Крыма в Херсонскую область въехало столько техники, что удержать оборону на Антоновском мосту, соединяющем правый берег реки Днепр с левобережьем, было просто невозможно. Часть моста взорвали и не оставили шансов спастись украинским бойцам. Мы день и

ночь сидели в подвале в стрессе и панике. Плакали и молились, чтобы не обстреливали ракетами жилые кварталы. Но, преодолев оборону на переправе, враг запустил ракеты по домам в городской черте, и люди начали бежать из нашего города. Мы же сидели в сыром подвале с земляным полом, мерзли и слушали звуки взрывов и обстрелов – залп за залпом, очередь за очередью, реактивный самолет за реактивным самолетом.

Мы одели по два свитера, шапки, в верхней одежде спали, приспособившись жить в новых условиях, в нашем подвале. Все тело дрожало то ли от холода, то ли от ужаса. Изредка мы выбирались из подвала, чтобы наспех приготовить еду. Но снова и снова слышали взрывы. Такие громкие! Казалось, они совсем рядом.

Мы думали, что это скоро закончится, но оказалось, что это надолго... как надолго, никто не знает.

В городе захватили здание СБУ, полиции, сожгли Торговый центр «Фабрика», где находился контактный зоопарк. Многих животных людям удалось спасти. Мы видели апокалиптические картины – здания, автомобили, магазины, выгоревшие вместе с товаром.

Чтобы не терять себя, я все это время продолжала работать – вести репортажи из Херсона (чаще всего из своего подвала). Выхожу в эфир на своем телеканале, активно веду страницу в Фейсбуке. Рассказываю о жизни в оккупации, о действиях русских «асвобадителей». Рассказываю, как это – жить в городе, где нет власти, нет защиты, нет прав человека, где началось мародерство, где ты абсолютно беззащитен и живешь в постоянном страхе. В городе невозможно найти еду, лекарства, воду. Все магазины закрыты. На рынках очереди за продуктами, за хлебом около 200 человек, в банкомат уже 500. Я показываю в эфире своего телеканала кадры города и рассказываю, как он впал в депрессию, как жизнь стала напоминать первобытную: есть огонь – будет теплая еда, есть электричество – будет связь, есть вода – значит не умрем.

За эти три недели я почти забыла о прошлой жизни. Война продолжается, и кажется, что уже нет сил, опускаются руки, а сон вообще пропал. А мы живем и верим в победу и мир!!! Ведь мы – самая крепкая нация! Обязательно все будет Украина! А нашим Героям Слава!

«
Мы же сидели в сыром подвале с земляным полом, мерзли и слушали звуки взрывов и обстрелов – залп за залпом, очередь за очередью, реактивный самолет за реактивным самолетом. Мы думали, что это скоро закончится, но оказалось, что это надолго... как надолго, никто не знает.
»

«
Я показываю в эфире своего телеканала кадры города и рассказываю, как он впал в депрессию, как жизнь стала напоминать первобытную: есть огонь – будет теплая еда, есть электричество – будет связь, есть вода – значит не умрем... Рассказываю о жизни в оккупации, о действиях русских «асвобадителей». Рассказываю, как это – жить в городе, где нет власти, нет защиты, нет прав человека, где началось мародерство, где ты абсолютно беззащитен и живешь в постоянном страхе.
»

Ольга

47 лет, г. Херсон

В новой жизни после победы у меня будет правило: НИКОГДА не переносить свидание на завтра! Ведь завтра может не наступить. 23-го февраля у меня должно было быть свидание с очень интересным мужчиной, но мы перенесли его на 24-е. Теперь я нахожусь в Херсоне, а он – в другом городе. Когда увидимся и увидимся ли – неизвестно.

Сегодня по факту наш город оккупирован, не просто оккупирован, а ещё и заблокирован.

Мой первый шок: конечно, это сам факт начала войны; но удивительно, как быстро россияне дошли до Херсона.

Фактически за один день они прошли расстояние от Геническа. Херсонцы очень быстро почувствовали на себе, что такое обстрелы.

Давайте честно – херсонцы не верили в возможность войны до самого ее начала, горожане чувствовали себя в этом смысле очень расслабленными. Даже территориальная оборона не была сформирована должным образом.

Те, у кого был личный транспорт, смогли вырваться еще 24-го февраля; остальные остались «в заложниках», потому что уже вечером того дня перестали курсировать поезда. Оставшиеся в городе люди принялись массово скупать продукты питания и лекарства. И сейчас я понимаю, что это была правильная стратегия, потому что фактически сегодня в Херсоне речь идет о гуманитарной катастрофе – нет продуктов питания, лекарств, средств личной гигиены.

«
У врага есть списки теробороны, полиции, журналистов, общественных деятелей и т. п. ...
Поэтому мы очень ждем ВСУ.»

Слава Богу, Херсон не подвергался авиабомбардировкам, как Харьков, Николаев и Киев. В период с 24 февраля по 1 марта, пока держался Антоновский мост, город принимал только ракетные удары. За первые дни вторжения, за период зачистки, по данным горсовета, мы потеряли 35 гражданских. Что касается наших ребят в территориальной обороне, до сих пор нет статистики, но могу сказать одно – они оказались почти безоружными перед врагами, некоторые принимали бой с коктейлем Молотова в руках против БТРов. Сколько их погибло – трудно подсчитать – очень много... Но самое главное, что в течение 1–3 марта оккупанты не разрешали родным забирать тела защитников – они просто лежали на улицах города.

Эвакуация пока невозможна. Даже если удастся прорваться сквозь блокпосты, нет гарантий, что ты не станешь мишенью для танкового обстрела. Именно так случилось с моим коллегой: к счастью, он и его семья остались живы, хоть и лишились своего транспортного средства. На данный момент есть возможность эвакуироваться только в Крым.

Наш городской голова не сдал город, более того, накануне 13 марта (Дня освобождения Херсона от фашистских захватчиков), когда агрессором планировалось провозглашение так называемой ХНР, депутаты смогли собраться онлайн и проголосовать за непризнание Херсона российским.

В первые дни после вторжения врага по городу пронеслась волна мародерства. Все магазины были закрыты, но мы смогли сделать волонтерскую сеть, главной задачей которой было создание определенного запаса продуктов и лекарств для обеспечения незащищенных слоев населения.

С 5 марта, когда мы поняли, что город оккупирован, херсонцы ежедневно в 12 часов выходили на митинги: первый такой митинг собрал 10 тысяч человек. Безусловно, мы не лезем с голыми руками на вражеские танки и БТРы, в первую очередь потому, что у каждого из нас есть родные, жизнь которых мы не хотим подвергать опасности. Подобные собрания – это возможность показать, что нас не сломить.

У нас с друзьями есть шутка, что каждый день – это «День сурка». Утром мы выходим на охоту за продуктами, после обеда встречаемся на митинге, а во второй половине дня волонтерим и проводим информационную политику, потому что первое, что сделал агрессор, – это уничтожил вышки связи, чтобы бесперебойно транслировать российскую пропаганду. К сожалению, вынуждена констатировать, что в известном смысле она работает.

Хочу ли я уехать из города? Хочу! Ибо для людей с активной позицией, как у меня, пребывание в оккупации становится опасным. У врага есть списки теробороны, полиции, журналистов, общественных деятелей и т. п. И, безусловно, я очень переживаю за свою маму и 16-летнюю дочь. Однако пока любой легальный выезд невозможен. Поэтому мы очень ждем ВСУ.

Анна Ямчинская

36 лет, мать двоих детей с особыми потребностями, музыкант, с. Клавдиево-Тарасово

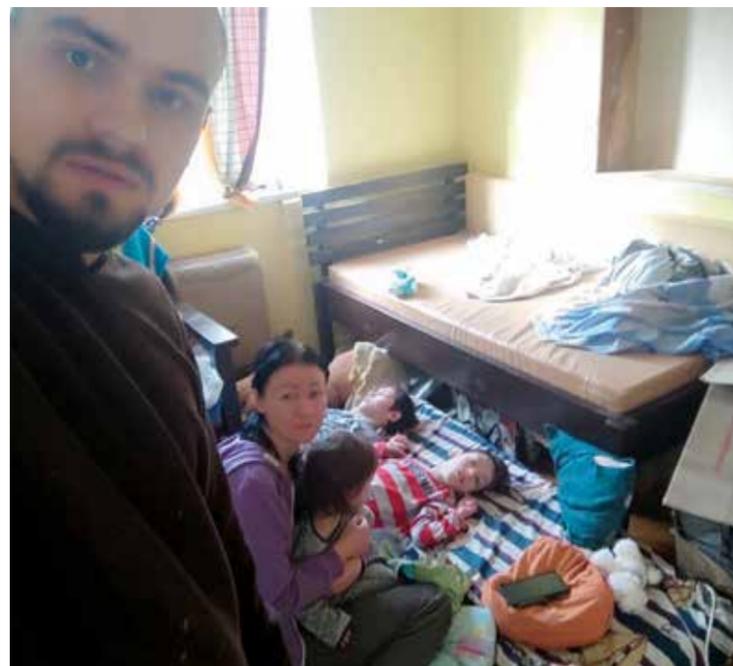
Я – мама 3 сынишек: двойняшек 13 лет и малыша почти 2 лет. У старших ребят сложная форма ДЦП с рождения. Адам и Тимур полностью беспомощны и беззащитны перед окружающим миром: не могут самостоятельно обслуживать себя, передвигаться, Тимур не может говорить. Наш день распisan поминутно, ведь каждый, казалось бы, простой и привычный бытовой процесс занимает у нас в разы больше времени. Самая большая проблема – перемещение ребят. Я физически не могу поднять подростка. Поэтому сегодня мой муж – их ноги и мои руки.

О том, что началась война, мы узнали, когда почувствовали, как вздрагивает земля от взрывов в Гостомеле. С самого начала, несмотря на заявления, что речь идет исключительно о бомбардировке военных объектов, мы понимали, что сошедший с ума агрессор на этом не остановится. Поэтому начали искать транспорт, чтобы вывезти детей. Везде паника, люди массово выезжали со стороны Гостомеля, найти автомобиль для супружеской пары с маленьким ребенком и двумя подростками с особыми потребностями оказалось невозможным. Через несколько дней уже были уничтожены мосты в Ирпене и Бородянке; в Макарове в тот же день начались бои. Соседние всегда спокойные городки один за другим превращались в «горячие точки». А мы не могли выбраться...

Пришлось остаться в полупустом доме, который готовили к продаже. В доме, где не было ни одного помещения без окон. Мы выбрали одну комнату, создав там что-то вроде крепости: муж забил досками с улицы окна и даже сделал подпорки. Конечно, мы понимали, что в случае прямого попадания ракеты нас это не спасет.

В магазине быстро раскупили все продукты, а мы оказались совсем неподготовленными к таким испытаниям. Но мир не без добрых людей. Мы всегда будем благодарны нашему соседу Али, который, имея собственную семью (трех дочерей), стал для нас настоящей опорой: приносил еду, даже молоко, которое невозможно было нигде достать. Односельчане создали отряд самообороны, что давало нам призрачное чувство относительной безопасности.

На третий день пропало электро- и водоснабжение. К счастью, у нас был газ и собственный колодец. В соседних селах при отсутствии газа люди оказались на грани выживания.

Сирен, оповещающих о воздушной тревоге, в нашем населенном пункте не было. Мы никогда не знали, когда прилетит, только слышали грохот самолетов над нашими домами, научились по звуку различать оружие, из которого бомбят, и расстояние от зоны поражения. На пятый день отключили мобильную связь, и всю следующую неделю мы оставались без доступа к новостям и коммуникации. Через односельчан получали сообщения о захвате соседних сел и о зверствах кадыровцев. Люди были жутко напуганы...

Две недели в настоящем аду. Я смогла это пережить, потому что на третий день запретила себе поддаваться эмоциям – ни страха, ни гнева, так как надо беречь силы, чтобы заботиться о детях. Однажды, моя посуда в тазу, я поймала себя на мысли, что начинаю воспринимать как должное эту сюрреалистическую ситуацию. Человек может привыкнуть почти ко всему. А я не желала привыкать! Я знала, что где-то люди свободно гуляют по улицам под мирным небом! Кроме того, у моих детей особые потребности. У нас заканчивались подгузники, хотя я пыталась использовать только один на ребенка в день, при этом осознавая высокий риск развития инфекций. Поэтому, учитывая состояние старших ребят, мы не могли больше медлить.

7 марта наш сосед узнал, что из центра поселка планируется самоорганизованный выезд односельчан. Он побежал туда и умолял заехать за нами, говорил, что у нас дети с инвалидностью, на что получил ответ: «У всех дети».

8 марта мы встали рано, чтобы подготовить детей и добраться до места сбора самостоятельно. Пока я кормила ребят, думая, что у меня

еще 30 минут времени в запасе, прибежал муж и сообщил, что авто уже приехало. Мы пытались быстро одеть детей, но это сложная задача, учитывая особенности их болезни и сцепленные конечности. Взяли несколько вещей, документы, усадили ребят в коляски и отправились к месту сбора. Мы опоздали всего на 5 минут. Нас не подождали... Пришлось в отчаянии возвращаться домой. В тот день через наш поселок прошла колонна из 40 единиц вражеской техники.

Вечером я нашла группу в Telegram, где местные договаривались об эвакуации, обсуждали наиболее безопасные маршруты. Оказалось, что все знают о нашем положении, но помочь ничем не могут, потому что автобусов больше не будет, а мест в машинах уже нет. Модератор сказала, что помочь нам может только чудо. И я решила: «Чудо так чудо!».

9 марта мы проснулись в 5 утра и без вещей, только с документами, пешком с двумя инвалидными и одной детской коляской пошли в центр поселка. Али подбегал

к владельцам автомобилей и умолял взять нас, но найти того, у кого будут места для всей нашей семьи, оказалось непросто. Наконец-то добрые люди согласились взять нашу семью, потому что родители детей, которых они должны были везти по предварительной договоренности, решили выезжать на собственном авто.

В минивене нас разместилось 8 взрослых, 4 детей и собака в багажном отделении. Инвалидные коляски и коляску младшего сына мы были вынуждены оставить.

Наконец-то мы уехали! Было очень страшно. Автоколонна насчитывала более 20 автомобилей, обмотанных

« **Б**ез вещей, только с документами, пешком с двумя инвалидными и одной детской коляской мы пошли в центр поселка. Али подбегал к владельцам автомобилей и умолял взять нас, но найти того, у кого будут места для всей нашей семьи, оказалось непросто. Наконец-то добрые люди согласились... В минивене нас разместилось 8 взрослых, 4 детей и собака в багажном отделении. Инвалидные коляски и коляску младшего сына мы были вынуждены оставить. »

белыми простынями, обклеенных знаками с надписью «ДЕТИ». Мы точно знали, что вчера такую же колонну обстреляли. Мы проезжали несколько вражеских блокпостов, дорога между ними была буквально усеяна трупами и фрагментами человеческих тел. В основном это были военные, русские военные. Проезжая поле, видели большое количество свежих братских могил с крестами из веток. Я понимала, что так наши ребята хоронят захватчиков. Даже в этом мы разные: они приходят в наши дома и убивают мирных жителей, а мы защищаем свой дом и проявляем человечность, хороня их по-человечески.

Мы ехали долго, по тропинкам среди леса. Я очень боялась, что мы увязнем в разбитой танками почве. Бегство из ада... Это такой ужас!!! Но ни разу я не заплакала. Только когда мы остановились на заправке под Житомиром, я наконец дала волю эмоциям, которые держала в себе две недели...

Я часто с благодарностью вспоминаю соседа Али. Ему тоже удалось чудом увезти семью. Итак, чудеса случаются с теми, кто их заслуживает! А кто сегодня заслуживает чуда больше, чем украинцы?! Так что мы обязательно победим! Слава Украине!

Алла Скорык

*38 лет, мама двух детей, шеф-редактор
Общественного вещателя, г. Чернигов*

Война для меня началась 24 февраля около 5 утра. Мне позвонил мой водитель, который вез людей в аэропорт «Борисполь» и сказал: «Просыпайся, началась война!». В 5.30 я собрала детей (Александру, 10 лет, и Даниила, 3 года), посадила их в машину к мужу и попросила увезти на запад Украины. Он еще не успел полностью очнуться и слушался моих указаний. А потом всю дорогу ругал и меня, и себя, что силой не засунул меня в багажник.

Заранее вещи я не собирала – надеялась, что здравый смысл победит; не покупала продуктов, лекарств, не запаслась бензином, не снимала наличные деньги. Я надеялась на свое шестое чувство, оно меня редко подводило. Но это был тот самый случай. Я отправила детей, как я думала, на 2–3 дня, что-то набросала им в чемодан, а сама отправилась на работу.

В 6 утра город был уже весь взбудоражен: слышны взрывы, уже было известно о боях на пункте пропуска, о погибших на Нежинском аэродроме ГСЧС. Стояли очереди в банкоматы, магазины, огромные очереди на АЗС. Я стала в очередь на заправку и начала делать первые включения для всеукраинских телеканалов.

По дороге в офис снимала происходящее. В это время город парализовало из-за пробок: люди пытались уехать. Около 7 утра по Чернигову помчались первые скорые. Уже сейчас я понимаю, что везли пограничников, которые приняли первый бой.

Для меня начался марафон нон-стоп. Эфиры, включения, радио, телевидение, соцсети, сайт. В офисе у нас не было укрытия, так что прятаться нам было негде. Во время тревоги разве что спустились на первый этаж. Хорошо, что там радиостудия, мы выходили в эфир и сообщали о необходимости прятаться в укрытиях по тревоге. Первая ночь. Я пошла к друзьям, чтобы не оставаться одной. И снова не угадала. Именно по их району всю ночь отрабатывала российская артиллерия. Мы заклеили скотчем окна, забаррикадировались, обложившись матрасами; пытались устроиться спать на полу, но поспать не удалось. Эти взрывы казались нам адом.

Первый шок: когда в Чернигов прилетели ракеты «Искандеры». Их за сутки выпустили пять штук. Целились в городской совет, а попали в детскую стоматологию, кинотеатр, магазин на рынке, детский сад и жилой дом. Тогда первые черниговцы лишились жилья, получили травмы и погибли.

Второй шок: когда отработала авиация. 8 бомб упали на 2 черниговские школы, жилые дома, просто на людей, стоявших в очереди в аптеку. 47 погибших. Еще больше травмированных, люди пропали без вести. Предполагается, что они просто сгорели и от них ничего не осталось. Несколько семей моих друзей потеряли жилье. И таких сотни семей за один авиаудар.

Пережив ту страшную ночь, приняла решение поселиться в доме вместе с коллегами. Так было проще работать. Это строение мы называли «землянкой». Подвала там не было, но первый этаж находился фактически под землей. Нам нравилось наше укрытие. Жили мы на адреналине: не хотелось есть, круглосуточно работали, спали по несколько часов. Из этой землянки мы сообщали черниговцам о приближающихся авианалетах, выходили в национальные и международные эфиры. Я поймала себя на мысли, что уже не реагирую на звуки взрывов, а спокойно продолжаю делать свое дело. Эмоции прорывались только, когда видела руины, в которые превращался мой город, и страдания людей!

« **8 бомб упали на 2 черниговские школы, жилые дома, просто на людей, стоявших в очереди в аптеку. 47 погибших. Еще больше травмированных, люди пропали без вести. Предполагается, что они просто сгорели и от них ничего не осталось. Несколько семей моих друзей потеряли жилье. И таких сотни семей за один авиаудар.** »

Третий шок: гибель людей в очереди за хлебом, на следующий день – в очереди за водой. Мои коллеги стали свидетелями этого ужаса. Алина сняла на видео все это. «Грады» накрыли жилые дома и простых людей, которые стояли в очереди, чтобы купить хлеб. На следующий день на центр Чернигова полетели кассетные бомбы, крушили все вокруг «Ураганы». И снова жилые кварталы. Погибли люди, стоявшие в очередях за водой и в аптеку. Мой коллега живет в этом квартале, он снял эти обстрелы на видео. Надеюсь, все эти свидетельства дойдут до Гааги!

Я же пряталась за работой. Когда работаешь, не успеваешь глубоко задумываться обо всем этом. Ночью я плакала, не могла уснуть. Думала о детях, потому что впервые рассталась с ними так надолго. Даня, которому только исполнилось 3 года, сказал мне по телефону так по взрослому: «Мама, я терплю, но когда ты приедешь?».

Затем в городе начали исчезать свет и интернет. Для меня это значило одно: сидеть в убежище и чистить картошку для защитников города. Выходить в эфиры и информировать о происходящем могла лишь в краткие моменты, когда появлялась связь.

Решение пришло само собой. Я села в авто и уехала – в тот день, когда по дороге расстреляли из российских танков несколько машин. Дорога затянулась на четыре дня. Нигде нет бензина, тянучки. Чтобы проехать 120 километров, нужно быть за рулем сутки, главное, что рядом ничего не взрывается.

С одной стороны, война забрала у меня дом, людей, которых я люблю; у детей отняла друзей и школу, русская артиллерия и авиация ровняет с землей мой родной город. С другой стороны, война подарила веру в людей. И надежду, что Украина наконец-то получит возможность идти своим путем, сможет завоевать настоящую свободу. Российский корабль уже идет туда, куда ему и дорога.

г. Чернигов. Фото Аллы Скорык

Любовь Илюша

64 года, пенсионерка, село в Черниговской области

Война меня застала в моем родном селе, где я окончила школу и откуда уехала учиться дальше на юриста (сначала в техникум в Чернигове, затем в Киевский государственный университет, по окончании которого так и осталась в Киеве). Но родное село мне снилось, и после выхода на пенсию я вернулась туда, где родилась.

Наше село находится относительно далеко от больших городов, но первые громкие взрывы того проклятого Богом дня – 24 февраля – были хорошо слышны у нас. Сельская жизнь довольно тихая, и сначала мне показалось, что вдали грохочет гром. С возрастом я стала просыпаться очень рано;

соседи еще не проснулись, так что спросить, что происходит, было не у кого. Когда позже узнала, что началась война, долго не могла прийти в себя: как такое может происходить в 2022 году? Как россияне, наши соседи, постоянно уверявшие нас и весь мир, что такое невозможно, что мы – братья, несмотря на некоторые разногласия, теперь целенаправленно сбрасывают бомбы на нашу Землю!!! Сначала казалось, что это какое-то недоразумение и через несколько дней мирная жизнь вернется... Но все случилось с точностью до наоборот. Уже через несколько дней в соседнем селе стояли вражеские танки (моя родственница их считала и передавала информацию нашей теробороне).

Приходило все более четкое осознание реальности происходящего и закипала ненависть. Ее подпитывало поведение захватчиков: мародерство и насилие. Я долго не могла придумать, чем я, больная пенсионерка, могу быть полезна в этой ситуации? Пошла на почту, думала отправить домашнюю провизию нашим ребятам, но почта не работала (закрывается до сих пор). Тогда же сельский голова призвал собирать картофель, овощи, консервацию, сало для наших защитников...и люди выстроились с продуктами в длинную очередь! Это вызвало такую гордость за моих односельчан, что не передать словами! Тогда я поняла, что с такими людьми мы обязательно победим! Пусть в нашем селе в большинстве своем остались люди старшего возраста (преимущественно женщины), которые никогда не держали оружие в руках, но общее горе всех объединило в стремлении быть полезными и нужными! И я поняла, что каждый может помогать фронту и стране тем, чем может: поддерживая ближнего, делясь продуктами, дровами, посевным материалом, топливом.

Мы – доброжелательная, хлебосольная, искренняя нация, поэтому обязательно победим!

Каждое утро я помогаю по хозяйству своей мачехе. До войны между нами бывало разное: мы и ссорились, и не разговаривали месяцами... Но сейчас, когда за порогом враг, я считаю своим долгом ей помогать: и ведра с водой принести, и живность накормить, и помочь по дому, и рассказать новости с фронтов. Людям, которые ищут спасения в нашем селе от войны, ношу картофель, овощи, консервацию, собираю хворост на растопку. И люди отвечают мне такой же добротой: Таня приносит яйца, парное молоко; Шура делится консервацией... И никто не рассчитывает при этом на оплату, и даже обижается, когда кто-то заводит речь о деньгах.

Сейчас у меня во дворе появляются первые цветы, позже обычного. То ли просто поздняя весна, то ли человеческое горе залило слезами землю. Во всяком случае, солнце согреет мир, высушит слезы и даст надежду на будущее! Мы обязательно победим, потому что вместе, потому что друг за друга, потому что мы – украинцы! Вышла во двор, а первые крокусы уже красуются в солнечных лучах... так будет и с нами!

г. Чернигов. Фото Аллы Скорык

Катерина Романенко

40 лет, продавец, г. Киев

О том, что началась война, я узнала от своего парня, который работает на складах в пригороде Киева. Он позвонил мне около 5 утра и, рассказав о взрывах, просто сказал: «Береги детей. Я могу не добраться к тебе...». Вспоминая сегодня эмоции, которые я испытала в тот момент, я могу точно сказать, что это был не страх – это была боль, отчаяние, отрицание реальности – я не могла поверить, что такое вообще возможно. Первые дни я и моя семья (двое несовершеннолетних детей, моя мать и семья брата) пытались выполнять все рекомендации, которые нам давали по телевидению. Мы решили узнать, где находится бомбоубежище. Оказалось, что в нашем спальном районе это проблема и нужно бежать

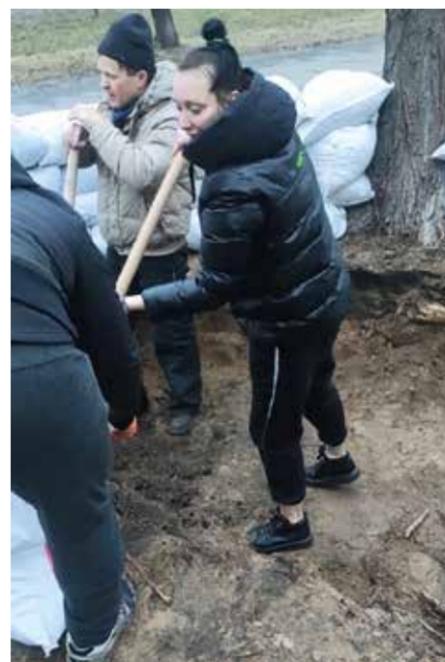
500 метров, чтобы оказаться в забитом людьми подвале районной поликлиники, который только очень отдаленно напоминает настоящее бомбоубежище. Кроме того, сердцем чувствовала, что не должна занимать место женщин с маленькими детьми. Поэтому мы приняли решение, что моя дочь (13 лет) и мама будут находиться в бомбоубежище, а мы с моим молодым человеком и сыном (14 лет) вернемся домой.

Ночь, когда в моем сердце поселился страх, я запомню навсегда...

Ночь 1 марта. Каждая минута полна отчаяния, небо содрогается от взрывов, пули свистят прямо за моим окном. На протяжении всей ночи в окрестностях моего дома шли бои. Затем тишина, гул скорой помощи (12 автомобилей) и снова тишина...

Утром во дворе я увидела многочисленную изуродованную технику и насчитала более 10 трупов. Тогда мое сердце пронзил страх за моих детей. Очень быстро было принято решение отправить их с бабушкой в безопасное место – на запад Украины. Семья брата уехала вместе с ними. Сама себе часто задаю вопрос: «Почему я осталась?». И дело совсем не в привязанности к дому, и даже не в том, что моя больная спина не выдержала бы скитаний и эвакуационных поездов – я остро чувствовала, что должна остаться, что для меня это единственно правильный путь.

Когда я убедилась, что моя семья в безопасности, у меня будто открылось второе дыхание – боль в спине прошла, я наравне с мужчинами начала готовить мой город к встрече с врагом: мы копали окопы, заполняли мешки песком и землей, создавали блокпосты буквально из ничего. Мы работали

днем и ночью. Если бы мне, «женственной до кончиков ногтей», кто-нибудь сказал, что у меня есть ресурс на подобные свершения, я бы никогда не поверила. Но это правда! Сегодня мы помогаем пожилым людям нашего микрорайона с продуктами и лекарствами, заботимся об оставленных своими «хозяевами» животных, пытаемся найти им новый дом. Мы взяли к себе попугая, которого предыдущие владельцы бросили умирать на улице.

Иногда мне бывает по-настоящему страшно, например, когда на соседней улице ракета попала в многоэтажный дом, или когда я вижу, как каждый день один за другим уезжают из города мои соседи... Но я сделала свой выбор. Мне кажется, что победа Украины состоит именно из таких маленьких побед над собой, над своими страхами. Украина сегодня делает меня лучшей версией себя. Слава Украине!

Елена Шершньова

33 года, психолог, ТВ-экспертка, г. Киев

Вечером 23 февраля на мой подоконник сел черный ворон. «Плохой знак», – подумала я. А в 5 утра нас разбудила сирена воздушной тревоги – началась война.

Я, мой муж и наш 3-летний сын торопливо оделись и побежали к бомбоубежищу. Казалось, все, что происходит, – не на самом деле. Шок, страх, отчаяние затуманили сознание. В укрытии пряталось много семей, почти все – с детьми. Взрослые были напуганы, а дети – наоборот, полны любопытства. Маленькая девочка, стоявшая рядом со мной, тихонько сказала: «Я знаю, что происходит. Когда такой громкий звук – великаны пукают». Мне вспомнился фильм Роберто

Бенини «Жизнь прекрасна». Главный герой, отец маленького мальчика, пытался создать для сына иллюзию игры среди созданного фашистами ада – мир, в котором нет нацистов, обстрелов, бомб, а есть прятки, интересные соревнования. А в украинских реалиях – еще и великаны.

В бомбоубежище мы провели следующие 4 дня и ночи. Выходили только в коротких перерывах между воздушными тревогами, чтобы взять хоть какой-то еды и подышать свежим воздухом. Постепенно мы даже привыкли к взрывам и решили вернуться в свои дома. Правда, обустроили их под новые реалии: перетащили матрасы в коридоры, заклеили окна скотчем, спрятали пижамы подальше – все равно спим в одежде, чтобы в любой момент быть готовыми покинуть помещение.

1 марта агрессор обстрелял Киевскую телебашню. Среди погибших оказался мой коллега Евгений Сакун, оператор телеканала Kyiv LIVE, с которым я сотрудничала. Смерть коснулась близкого окружения. Я и не думала, что могу испытывать такой ужас.

В последующие дни я получила еще не одно печальное известие. Близкого друга нашей семьи, Николая Галибаренко, хладнокровно расстреляли у его дома в Новобогдановке. «Почему? Чем оккупантам мешал 72-летний дедушка?» – пульсировали в голове вопросы. А «правильный ответ» оказался очень прозаичным. Женщина, выбравшаяся из ада в Новобогдановке, рассказала подробности тех дней: российские военные устроили в их местности «привал» – заходили в дома, наугад расстреливали людей, насиловали женщин, запирали в погребах детей... Пили, ели, грабили... Так что ответ был самым циничным и страшным – нашего близкого человека убили просто так.

Почему? Чем оккупантам мешал 72-летний дедушка?» – пульсировали в голове вопросы.

А «правильный ответ» оказался очень прозаичным...нашего близкого человека убили просто так. Женщина, выбравшаяся из ада в Новобогдановке, рассказала подробности тех дней: российские военные устроили в их местности «привал» – заходили в дома, наугад расстреливали людей, насиловали женщин, запирали в погребах детей... Пили, ели, грабили...

Приблизительно в то же время без вести пропала моя коллега с телеканала «Украина» – Ирина Самсоненко. Она пыталась выехать из оккупированного Ирпеня и попала под обстрел. А когда начала убегать, ее взяли в плен. Также исчезла связь с мамой моей близкой подруги, Валентиной Сохацкой, которая находилась в Мариуполе, когда он был осажден. Казалось, что несчастья множатся и заполняют собой все время и пространство... Но от этого желание остановить этот ужас стало еще сильнее.

Сегодня я остаюсь в родном Киеве. Как и многие другие украинцы в тылу, я работаю, волонтерю. Провожу бесплатные психологические сессии для людей, переживших обстрелы, бомбардировки, насилие, оказавшихся вдали от детей, для тех, кто потерял близких и свои дома. В сотрудничестве с украинскими СМИ я оказываю украинцам информационную поддержку. Сейчас очень важно знать, как наша психика справляется со стрессом. Как справляться со страхом, отчаянием, гневом. Как уберечь себя психологически. Ибо только в стабильном психологическом состоянии мы сильны, эффективны и способны побеждать. А я уверена, что мы непременно победим. Слава Украине!

Татьяна Малышева

36 лет, радиоведущая, г. Киев

Каждую ночь, в течение трех недель я засыпала на полу бомбоубежища с мыслью, что сегодня ночью я умру, завтра я не проснусь, потому что ракета или бомба попадет в укрытие и на меня упадет потолок. Именно эта мысль мучила меня на протяжении двадцати одной бессонной ночи.

23-й день войны в Украине, полномасштабной войны (фактически россия напала на Украину восемь лет назад, оккупировала Крым, создала фейковые республики ЛДНР). Сегодня я впервые за все время надела свою пижаму и буду засыпать не в бомбоубежище, а в тепле, а это – роскошь.

С ноября 2021 года постоянно в СМИ обсуждалась угроза нападения России на Украину, говорили о том, что на границе дислоцируется более ста тысяч российских солдат, стягивается техника, проводятся военные «учения». Россия напала на Украину 24 февраля 2022, около четырех часов утра. В семь часов утра позвонил дедушка моего мужа (на тот момент он находился в деревне в Киевской области), там неподалеку была воинская часть, вот ее и начали бомбить. От этой информации у меня подскочило давление. Но я начала собираться на работу. В тот день у меня должен был быть эфир о том, насколько столичные бомбоубежища приспособлены для людей с инвалидностью.

Приехала на работу первой из моих коллег; зайдя в кабинет, почувствовала какую-то тяготящую пустоту, тревогу, грусть, страх, будто впала в ступор... В то время на радио уже продолжался (с ночи) специальный марафон, где мои коллеги сообщали о текущей ситуации в стране: какие населенные пункты бомбили, сколько людей погибло, что разрушено.

В тот день мой эфир не состоялся; работала как редактор, помогала коллегам с поиском информации. На моем радио вещание не прекращалось: к эфиру присоединялись разные специалисты, включались региональные корреспонденты...

В течение дня постоянно звучали сирены, нужно было периодически бежать в бомбоубежище. Звук сирены просто въедается в твои внутренности и переворачивает их изнутри, твою душу выворачивает наизнанку; тебя пронзает страх, парализует на несколько мгновений. Но нужно идти в укрытие, чтобы сохранить свою жизнь.

Боже, как было страшно в тот день... Я рада, что моя бабушка Валя не дождала до этого ужаса и не видит геноцида украинского народа, устроенного русскими фашистами, которых возглавляет существо Путин. Именно он приказал напасть на Украину: бомбить ее, убивая тысячи людей, уничтожая целые города...

« **Я очень боюсь ночи, ведь именно ночью россияне интенсивно бомбят украинские города, где дети и взрослые укрываются не одеялами на ночь, а их накрывает бетон и обломки разрушенных домов. Для кого-то утро так и не наступит...** »

Моей бабушке было шестнадцать лет, когда она поехала в город Черкассы, сделать фото на паспорт. Здесь ее и схватили немецкие солдаты, отвезли в Германию на фабрики-заводы. Она пережила Голодомор, войну...

24 февраля я возвращалась домой в киевском метро, в метро европейского мегаполиса. На станциях подземки люди уже размещались на карематах, надувных матрасах (да, именно тех, на которых летом купаются в море, отдыхают). И на одной из станций увидела, как на полу спит мама с ребенком. В этот момент у меня из глаз полились слезы. Я не понимала, почему дети с мамами должны спать на полу, в мегаполисе, в 21 веке, на холодном полу киевской подземки (станции столичного метрополитена в настоящее время используются как объекты укрытия).

В эту ночь я осталась дома. Коллега писал, что лучше находиться в укрытии, потому что быть в квартире небезопасно. Я едва дождала до утра: сирены, звуки взрывов... это просто невыносимо – твою психику ломает, мозг не понимает, как такое может происходить в реальности, ты хочешь, чтобы звуки взрывов прекратились, ты хочешь в безопасность.

Я дождалась семи утра, чтобы перебежать в бомбоубежище. В связи с введением военного положения действовал комендантский час, нельзя находиться на улице с 20.00 и до 7.00, но когда раздастся сирена, то можно идти в объект укрытия. Взяла «тревожный чемоданчик», документы (паспорт, загранпаспорт, рабочие удостоверения) всегда со мной. Также взяла еду и коврики для занятий спортом, надо же на чем-то сидеть/лежать. И, конечно, мою любимицу – кошку Несси. Ей девять лет, это абсолютно домашняя кошка, которая ужасно боится чужих людей.

В укрытии были сотни людей, семьи с детьми, пожилые. Кто с собаками и котами, кто с домашними кроликами и хомяками. Все спешили в безопасность: были озадачены, в глазах читался страх, желание выжить.

И тут настала моя первая ночь, проведенная на полу в убежище среди сотен незнакомых мне людей. Там же находилось много детей, которые были напуганы, они кричали, хотели домой, где уютно и привычно.

В укрытии ты не слышишь звук сирены, но уведомления приходят с мобильного приложения «Киев цифровой» а также из телеграмм канала КГГА (городской администрации). Я все время ждала, когда придет уведомление об отбое воздушной тревоги.

Я не знала, уцелел ли мой дом, увижу ли я его утром в целости; это страшно.

В тот вечер пришла женщина, которая приготовила суп и угощала всех, кто был в убежище, предлагала чай. Я этот чай запомню надолго, он был таким вкусным и своевременным.

Новости я читала нон-стоп. Я должна была знать, что и где сейчас происходит, куда полетела очередная российская ракета, какой ущерб она нанесла. Однажды я узнала, что мой район бомбили, попали в дом на соседней улице.

Понемногу ступор прошел. Надо было что-то делать. Перечислила средства на нужды ВСУ, волонтеров, помогающих территориальной обороне. Начала распространять в своих соцсетях информацию и новости из официальных источников. Параллельно приобщилась к украинским кибервойскам: мы блокировали российские ресурсы с дезинформацией, а подобных страниц в instagram немало. Работы хватает, ведь это еще один фронт, на котором нужно активно работать.

Я очень боюсь ночи, ведь именно ночью россияне интенсивно бомбят украинские города, где дети и взрослые укрываются не одеялами на ночь, а их накрывает бетон и обломки разрушенных домов. Для кого-то утро так и не наступит...

Миллионы уехали из Украины, миллионы стали переселенцами. Это реальность миролюбивой Украины в 21 веке.

Вот сейчас пишу этот текст и слышу, как за окном воет сирена. Я очень хочу, чтобы больше никогда в моей стране в ней не было нужды.

Какие мы, украинцы? Несокрушимые, непокорные, свободные, свободолюбивые, искренние.

Наша сила в единстве. Мы победим! Верю в украинцев и ВСУ!

« **В** укрытии были сотни людей, семьи с детьми, пожилые. Кто с собаками и котами, кто с домашними кроликами и хомяками. Все спешили в безопасность: были озадачены, в глазах читался страх, желание выжить. »

г. Ахтырка и г. Тростянец. Фото Виктории Никитиной

Светлана Ющенко

41 год, мама двух детей, начальник сектора связей с общественностью и СМИ Академии ГПтС, психолог, волонтерка Единого волонтерского центра и Единой семьи Черниговщины

Полномасштабная война пришла к нам 24 февраля. Меня разбудил звонок коллеги в 5.30 утра. Мы подняли детей и произвели ревизию тревожных чемоданов. Дети были напуганы и растеряны. Я все еще по инерции собиралась на работу, а муж уехал заправить машину. Тогда мы и представить не могли, что нас так быстро начнут бомбить.

Мы с детьми добрались до убежища, битком набитого людьми; маленькие дети, плач, растерянность. Ситуация

стала еще более пугающей, когда стало известно, что обстреляли психоневрологическую больницу. Мы с мужем занимались волонтерской деятельностью с 2014 года, возможно, именно это помогло нам быстро принять правильные решения. Первым делом детей и родителей мы отправили за двести километров от Чернигова.

Уже вечером нам стали поступать просьбы о помощи. Мы собирали теплые вещи, возили чай и еду на позиции, одежду, берцы. Дальше ситуация все более усложнялась. Вой сирен стал регулярным, начались массированные обстрелы жилых кварталов. В одном только доме по ул. Черновола погибли 54 человека, среди них – моя коллега; еще больше людей было ранено... Каждое новое известие об обстреле раскрывало нам глаза на жестокость врага, который уничтожал детские сады, школы, больницы. Только несколько аптек и магазинов в городе работали. Очереди безумные. Стало сложно доставать лекарства для нуждающихся. Мы собирали запросы от людей, связывались с провизорами и развозили заказы. Так же обстояло дело и с продуктами питания. Это большая ответственность! Когда обещаешь достать и привезти что-то очень нужное, люди надеются на тебя и верят, что их не бросят, не подведут. А мы никогда не знали, доедем ли до места назначения, потому что гул самолетов над головой иногда отнимал у нас самих надежду.

Доставать бензин становилось все труднее, а без него нереально выполнить обещания (как-то прямо возле АЗС, на которой мы запраивались, взорвалась ракета).

«**Стало сложно доставать лекарства для нуждающихся. Мы собирали запросы от людей, связывались с провизорами и развозили заказы. Так же обстояло дело и с продуктами питания. Это большая ответственность! Когда обещаешь достать и привезти что-то очень нужное, люди надеются на тебя и верят, что их не бросят, не подведут. А мы никогда не знали, доедем ли до места назначения, потому что гул самолетов над головой иногда отнимал у нас самих надежду.**»

Люди поддерживали друг друга как могли, самоорганизовывались, делились последним. Коммунальные службы работали, поддерживая город в чистоте. Если свет исчезал, быстро восстанавливали подачу электроэнергии.

Решение покинуть город далось нам очень непросто, но известие, что дети, которых мы отправили с родителями, могут оказаться в окружении, подтолкнуло – пора! Собирались ночью, в темноте искали и складывали необходимые вещи. Знакомые сообщили, что появилась возможность уехать из окруженного города. Пока оккупантов отбросили, надо ехать! Не выспавшиеся из-за регулярных воздушных тревог, истощенные, мы отправились после окончания комендантского часа забирать знакомых по городу и формировать автоколонну. Самому маленькому пассажиру, которого мы забирали, было всего три недели. Выезжали под выстрелы, проверяя маршруты, чтобы не нарваться на российские войска. Волновались мы еще и за папу, который должен был вывезти внуков в оговоренное место; боялись, вдруг они туда не доберутся.

Через день я смогла обнять своих детей. Дальше мы ехали в никуда – не знали, где будем ночевать и где жить. Главное было вырваться из зоны активных боевых действий, потому что Украина охвачена войной в приграничных регионах. Мой сын звонил друзьям, но не мог дозвониться. Он все время спрашивал меня о своем друге Андрее, в дом которого попал снаряд. Я молчала о тех ужасах, на которые мы посмотрелись с мужем, о самолетах, которые сбрасывали бомбы на жилые массивы. Мысль о том, что накануне мы завезли лекарства, еду и детское питание с памперсами в убежище для людей, которые остались в городе, немного придавала нам сил. Сначала мы планировали вывезти детей в безопасное место на западе Украины, но когда ракетами обстреляли Ивано-Франковск, поняли, что лучше ехать за границу.

Сейчас мои дети в безопасности со своими друзьями-сверстниками у знакомой, которая за ними присматривает. Их любезно приняли в Германии, семья из поселка Зоритц. Там они видят другую жизнь, там улыбаются люди, помогают им!

Мы остались в Украине, потому что должны выстоять и помочь тем людям, которые страдают от войны – кому-то вырваться из ада боевых действий и оккупации, кого-то принять у себя, найти медикаменты, бинты и продукты питания для госпиталя.

Но новости из Чернигова неутешительны. Город оцеплен, отключены свет, газ, вода, отопление. Больницам критически не хватает генераторов и лекарств. Враг не дает даже на кладбище проехать, людей временно хоронят в городе, чтобы потом перезахоронить. Например, в очереди за хлебом погибли 14 человек. Семья, которая хотела выехать из города на машине, была расстреляна. Уничтожают инфраструктуру. И это не военные объекты! Пришедшие под лозунгом «Освобождение от фашизма», россияне сами убивают и уничтожают все вокруг.

«**Чернигов мужественно держится, потому что защищает путь на Киев. Держится, чтобы эти изверги не прорвались в столицу. Если эта раковая метастаза пойдет дальше, она расплзется по всей Украине. Не думаю, что Европа хотела бы иметь границу с Россией, больной безудержной агрессией и ненавистью к соседям...те ценности, которые насаждает Россия, – это агрессия, насилие, террор, а своим гражданам она внушает «вы ничего не можете изменить!».**»

Власти города и области делают все, чтобы обеспечить хоть какую-то жизнедеятельность. Чернигов мужественно держится, потому что защищает путь на Киев. Держится, чтобы эти изверги не прорвались в столицу. Если эта раковая метастаза пойдет дальше, она расплзется по всей Украине. Не думаю, что Европа хотела бы иметь еще более длинную границу с Россией, больной безудержной агрессией и ненавистью к соседям. Так что умоляю, бойкотируйте их энергоресурсы! Нельзя покупать газ, имеющий цвет крови. Откажитесь от всего русского!!!

Сейчас я не знаю, есть ли у меня дом, будет ли куда возвращаться, выживут ли мои близкие и знакомые. Все труднее выходить с ними на связь. Последний мост, через который у людей был шанс эвакуироваться, подорван.

У меня иногда опускаются руки, но я не теряю надежду – верю, что война закончится нашей победой, потому что нельзя обмануть весь мир, потому что правда на нашей стороне, потому что верю в ценность человеческой жизни и свободы! А те ценности, которые насаждает Россия, – это агрессия, насилие, террор, а своим гражданам она внушает «вы ничего не можете изменить!».

Так что не игнорируйте этот геноцид украинского народа! Запретите работу российских телеканалов у себя в стране, потому что это один из основных источников опасности, которую мы когда-то проигнорировали.

«
Семья, которая хотела выехать из города на машине, была расстреляна. Уничтожают инфраструктуру. И это не военные объекты! Пришедшие под лозунгом «Освобождение от фашизма», россияне сами убивают и уничтожают все вокруг.

г. Бородянка. Фото © Oleg Veremienko

РАЗДЕЛ III. Дети войны

*Тяжелое время!
Горькое время!
Беда ведь не спит...
Ох, мой ребеночек!
Жить — слезы лить.*

*Стыдно смиряться,
Судьбе покоряться!
Твой час придет
С судьбою диться,
Сон пропадет...*

(Леся Украинка, «Колыбельная»)

Последнее мирное лето в Киеве, 2021 г.

Двойня Элина и Диана

3 года (рассказ их мамы), г. Киев

Я проснулась от того, что одна моя дочь попросила попить молочка. Было где-то 5:30 утра. Краем глаза увидела, что настойчиво дозванивается коллега; на улице слышен шум; в комнату заходит мой муж и говорит: «Началась война!». Эти слова эхом долго звучали в моей голове, ноги и руки просто занемели от страха, а сама я будто «падала» в бездну, из которой до сих пор не могу выбраться. Я смотрела на двух своих трехлетних дочерей, одна еще так мило и мирно спала в своей кроватке.

До сих пор отказываюсь верить, что это выпало на нашу долю. Война! В 21 веке! Во времена диджитализации, искусственного интеллекта, андронного коллайдера. Война!!! А дальше отчаяние, шок, поиск правильных решений... Стараешься быстро собрать самое главное, но ноги и руки тебя не слушаются.

За что это нашим детям? Почему? Зачем?

Они только начинают познавать этот мир, тянут к нему свои маленькие ручонки, смотрят своими любознательными глазками. Почему наши дети вместо того, чтобы играть на детских площадках, должны бежать, прятаться в укрытие, бояться звука воздушной тревоги.

Когда мои дети впервые услышали сирен, первым, что пришло мне в голову, было сказать им, что это сигнал, чтобы мы успели скрыться от злого волка, как в их любимой сказке о трех поросятах. Надо взять ценные вещи, крепко держать маму и папу за руку и прятаться. Вот уже месяц, как мы прячемся от «злого волка» по каждому сигналу тревоги. Девочки с собой берут самое главное, то мишку, то зайчика, то шоколадку, то «лялю». Особенно страшно, когда «волк» приходит ночью.

- Мама, мне страшно...
- Не бойся, солнышко, я с тобой.

В этот момент я обнимаю своих двух маленьких дочерей и мне тоже очень страшно. Сначала слышно сирену, потом небо беспокойно гудит, а потом слышны взрывы. Так страшно, что ты не можешь ни двигаться, ни дышать. Но нужно быть сильным, ради малышей.

«
Иногда кажется, что дети в 3 года еще не отдают себе отчет в том, что такое война, днем могут играть, бегать, смеяться. Вот только садятся рисовать, смотрю, а рисуют черным.
Я помню истории моей бабушки, ее воспоминания о войне. В начале Второй мировой ей было всего 4 годика, почти как моим дочкам сейчас. Мне эти рассказы казались чем-то таким далеким, заоблачным и невозможным... Но теперь мои дети – тоже дети войны.»
»

Я никогда не забуду багряно-синий цвет неба, когда мы быстро бежали к вокзалу, на поезд, взяв с собой самое необходимое. Если у тебя малыш, то это необходимое сводится к потребностям ребенка: специальное питание, любимые игрушки. Чтобы приготовить детскую смесь, надо брать и саму смесь, и бутылочки, и термос с горячей водой. Детский туалет или подгузники, водичка, печенье, теплое одеяло... что еще?

Сам факт, что в один момент тебе приходится все бросить – свой дом, свою привычную прекрасную размеренную жизнь, свои вещи – и бежать от войны, трудно принять до сих пор. Это чувство полного отвращения, ненависти, боли, отчаяния, хочется выть, но ты крепко держишь детские ручонки и бежишь в поисках убежища.

Сегодня на детской площадке девочки играли, бегали, смеялись. Потом ко мне подошла одна из них и говорит: «Мама, смотри, там тарелочки и чашечки...», и начинает плакать.

Я обнимаю ее, поворачиваю голову и смотрю на детскую песочницу. Там лежат детские игрушечные тарелочки и чашечки совсем такие, как остались у девочек на их игрушечной кухне, у нас дома.

– Мама, я хочу домой...

Маленькие глазки полны слез и я плачу вместе с ней.

– Я тоже, мое солнышко, я тоже очень хочу домой...

Иногда кажется, что дети в 3 года еще не отдают себе отчет в том, что такое война, днем могут играть, бегать, смеяться. Вот только садятся рисовать, смотрю, а рисуют черным:

– Зайчик мой, что это?

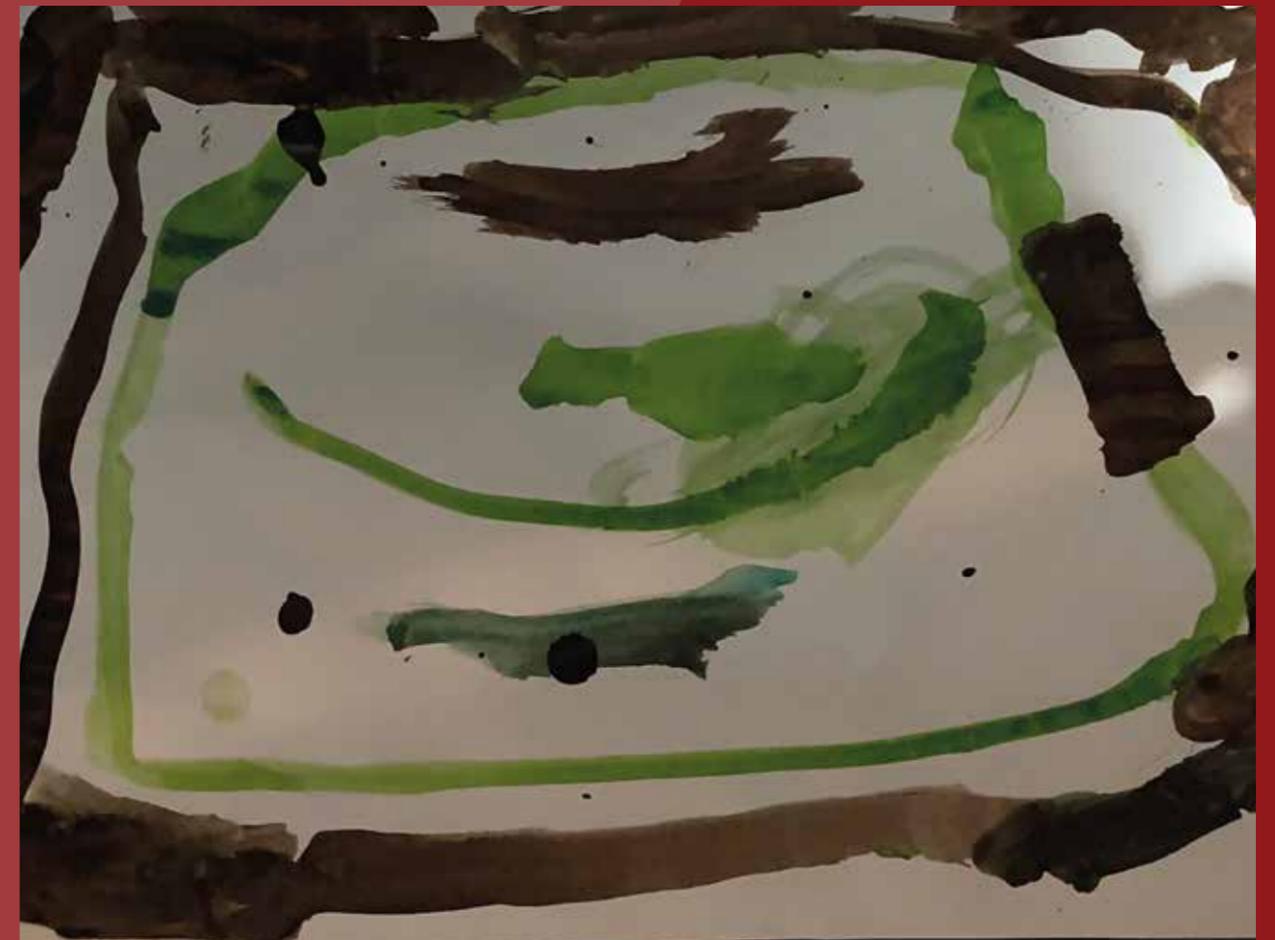
– Это волк и ночь.

Мои дети войну называют волком, из-за которого им, как героям их любимой сказки, пришлось покинуть свой дом; из-за которого они оставили все свои любимые игрушки; пугающий, не дающий спать спокойным мирным сном; из-за которого грустят мама и папа.

Я помню истории моей бабушки, ее воспоминания о войне. В начале Второй мировой ей было всего 4 годика, почти как моим дочкам сейчас. Мне эти рассказы казались чем-то таким далеким, заоблачным и невозможным... Но теперь мои дети – тоже дети войны.

Никогда не забудем!

Никогда не простим!

Антонина Купченко

7 лет, г. Одесса (записано со слов Антонины с согласия мамы Наталии)

Мама говорит, что я удивительная, хотя мне так не кажется. Мне 7 лет. Я хожу во второй класс гимназии. Зовут меня Тоня.

Папа говорит, что я – ураган Антония, потому что не люблю сидеть на месте. Мы с ним всегда играем в догонялки, а еще я люблю, когда папа меня кружит или подбрасывает.

Я уже взрослая и самостоятельная. У меня растут два «настоящих» зуба (показывает щель вместо передних зубов). А еще я умею готовить яичницу и омлет. Родителям нравится, они всегда улыбаются, когда едят то, что я готовлю.

« **Пока не начались занятия в школе, я каждый день ходила с мамой в волонтерскую организацию готовить для военных. Там много людей. Все со мной шутят и называют «наш босс».** »

До недавнего времени я занималась танцами и каратэ. Мама говорила, что там я хоть немного устаю и даю ей и папе отдохнуть после работы. А по выходным меня отец отводил на занятие рисованием и ментальной арифметикой. У меня много рисунков. Мама ими украшает стены моей комнаты.

Я очень хочу стать актрисой; дома ставлю спектакли. И мама говорит, что хорошие актрисы хорошо знают английский. Вот я и стараюсь его учить – я даже ходила на специальные курсы.

Пока мои друзья с нашего двора не разъехались, мы каждый вечер собирались и катались на роликовых коньках или велосипедах. У меня много друзей, но сейчас никого нет – Олег в Молдове, Карина в Румынии, а где Таня я и не знаю.

У меня дома есть белый кот и чёрная кошка. Недавно в нашем доме появился еще один кот, его бросили наши родственники, уехавшие от войны за границу.

В последнее время слово «война» часто повторяют родители. Мама иногда плачет, а папа стал мрачным и не играет со мной, не улыбается, как раньше. Я до сих пор пугаюсь, когда слышу воздушную тревогу, прячусь в ванной комнате. А недавно мы видели, как сбивали ракетой беспилотник – это было очень похоже на салют – и я сначала думала, что кто-то что-то празднует.

Фото до войны

Мы никуда не уехали. Пока не начались занятия в школе, я каждый день ходила с мамой в волонтерскую организацию готовить для военных. Там много людей. Все со мной шутят и называют «наш босс». Мы рано просыпаемся, идем готовить и возвращаемся около четырех часов. Мои занятия танцами и каратэ прекратились. В выходные мы с отцом не ходим на рисование и арифметику, а идем с мамой делать то, что можем для армии.

Сейчас начались занятия в школе. Они идут дистанционно. Я рада увидеть своих одноклассников хотя бы по Интернету. Но надеюсь, что мы скоро вернемся и сможем снова вместе кататься на велосипедах.

Надя (имя девочки изменено)

14 лет, г. Мариуполь (записано со слов ее родственницы Елены Константиновой)

Моя племянница Надя вместе с мамой, к счастью, вырвались из Мариуполя. Это было очень страшно – не иметь с ними связи в течение нескольких недель. В это время мой близкий друг потерял свою старшую дочь – 20-летнюю Татьяну Котлубей. Она погибла в Мариуполе в результате прямого попадания российской ракеты в частный дом в самом центре города, где она жила. Ее парень остался в Мариуполе, чтобы найти свою любимую, хотя ему предлагали эвакуацию. Когда он добрался до этого дома, он, рискуя своей жизнью,

руками раскапывал обломки, чтобы найти девушку и ее близких, чтобы хоть как-то похоронить.

По новостям я услышала, что на Драмтеатр, где находилась Надя с мамой, упали российские ракеты. Видела, что от него осталось. Эти недели я прожила в аду. Позже одна из моих подруг, которая тоже уже, к счастью, вышла из Мариуполя, рассказала мне, что на момент атаки на Драмтеатр она была на водонапорной башне (это такая архитектурная достопримечательность Мариуполя), потому что только там можно было поймать связь, и видела, как на Драмтеатре что-то прилетело с воздуха.

В последний раз с Наденькой мы виделись на Новый год. Надя очень умная девочка, имеет способности к изучению иностранных языков. Собиралась поступать в Мариупольский лицей в следующем учебном году. Получила стипендию на бесплатные курсы английского языка от Посольства США, начала в школе изучать немецкий. А через год заняла второе место на конкурсе среди школьников, который проводил Мариупольский гуманитарный университет, за перевод сказки на немецкий язык.

Надежда – серьезная, вдумчивая девочка. Когда начались бомбардировки и обстрелы города, они были на Левом берегу, который первым попал под русскую артиллерию. Сначала они пробовали спускаться в подвал. Но в подвале было холодно и сыро, а обстрелы не прекращались. Поэтому мама с Наденькой сидели все время в коридоре своей квартиры следуя правилу «двух стен». Когда Надя звонила, то говорила, что ей очень страшно. Квартира была на последнем этаже многоэтажки. При каждом обстреле ребенок обнимал кошку и замирал... Они проводили ночи в коридоре в надежде, что это спасет их от градов. В какой-то момент ее мать собрала вещи, чтобы переехать к бабушке, которая жила неподалеку. Надя сказала, что она никуда не уйдет без кошки, поэтому кошка была все это ужасное время вместе с Наденькой.

Обстрелы с каждым днем усиливались. Остаться в доме стало невозможно. В это время они услышали сообщение об эвакуации жителей Мариуполя на свободную от оккупантов территорию

Украины, которая должна была проходить от Драматического театра. Надежду с мамой и бабушкой с Левого берега, где они жили, на правый, где находился Драматический театр, вывез сосед. В его машине выехало 11 человек – Надя с мамой ехали к своему спасению в багажнике.

Автобусы для эвакуации жителей Мариуполя российские изверги не пропускали. Надя с мамой и бабушкой так и не дождались эвакуации. Как и многие другие семьи, также приехавшие в надежде на спасение, они поселились в Драматическом театре. Жили они в правом подвале Драмтеатра в течение двух недель. Потом Надя рассказывала, что кошка первую неделю так тихо и спокойно себя вела, что никто даже не догадывался, что она живет в сумке Нади.

Еду привозили в Драмтеатр волонтеры. Воду Надежда с мамой находили, выходя из подвала, если был снег, то его топили. Мама Нади позвонила мне аж 13 марта – с 5 марта никакой связи с ними не было. Она плакала, говорила, что выжить под постоянными обстрелами невозможно, что они все время сидят в подвале. Она умоляла узнать, будет ли все-таки эвакуация, есть ли у них надежда выбраться живыми из этого ада. Я знала, что 25 коммунальных автобусов из Мариуполя, которые должны были вывозить людей, прицельно расстреляли. Следующий звонок 15 марта, когда первые автомобили могли покинуть Мариуполь. Мама Нади говорила, что уговаривает всех, кто едет из города, вывезти их из Мариуполя, но их втроем никто не хотел брать. Я предлагала посадить в машину одну Надю, в Бердянск, – там я могла ее встретить. Но мама Наденьки говорила, что не может расставаться с дочерью. Я начала вечером искать машину, предлагая любые деньги, чтобы кто-нибудь согласился вывезти моих родных из Мариуполя. Какую-то машину я нашла, но не была уверена, что это не мошенники.

А на следующий день после нашего разговора на Драмтеатр упала бомба... Честно говоря, в своих мыслях я их похоронила. Я видела эти фотографии... Связи с родными снова не было.

Через 12 дней я увидела Надю и ее маму на русском канале. Они дали интервью. Как говорила потом мама Нади, это был единственный способ сообщить нам о том, что они живы. Этот российский журналист им и рассказал, откуда идет эвакуация, что нужно пешком добраться до западной окраины Мариуполя. В день, когда обстреливали не так интенсивно, они втроем решили уйти – это был единственный шанс спастись. После месяца в подвалах Надя шла и говорила «Ой, небо! Какое оно голубое. Ой, птичка!».

«
Еду привозили в Драмтеатр волонтеры. Воду Надежда с мамой находили, выходя из подвала, когда был снег, то топили его. Мама Надейки позвонила мне аж 13 марта – с 5 марта никакой связи с ними не было. Она плакала, говорила, что выжить под постоянными обстрелами невозможно, что они все время сидят в подвале. Она умоляла узнать, будет ли все-таки эвакуация, есть ли у них надежда выбраться живыми из этого ада. Я знала, что 25 коммунальных автобусов из Мариуполя, которые должны были вывозить людей, прицельно расстреляли.»

Уже потом Надя рассказала, что когда упала бомба на Драмтеатр, они были в той части, которая уцелела. Когда они вышли из подвала, пошли в ближайший храм и там просидели 12 суток. Надя рассказывала, что за эти 12 суток они видели свет только тогда, когда находили какую-то свечу, и очень этому радовались. А так 12 суток почти ничего не видели.

Мама Наденьки позже рассказала, что те два раза, когда она мне звонила по телефону – 13-го и 15-го марта, ей нужно было подниматься на водонапорную башню, чтобы поймать сигнал, рискуя попасть под очередной обстрел. Ей было страшно бежать к той башне, но она узнала, как спастись, они были в полном информационном вакууме, – они видели только стены подвала.

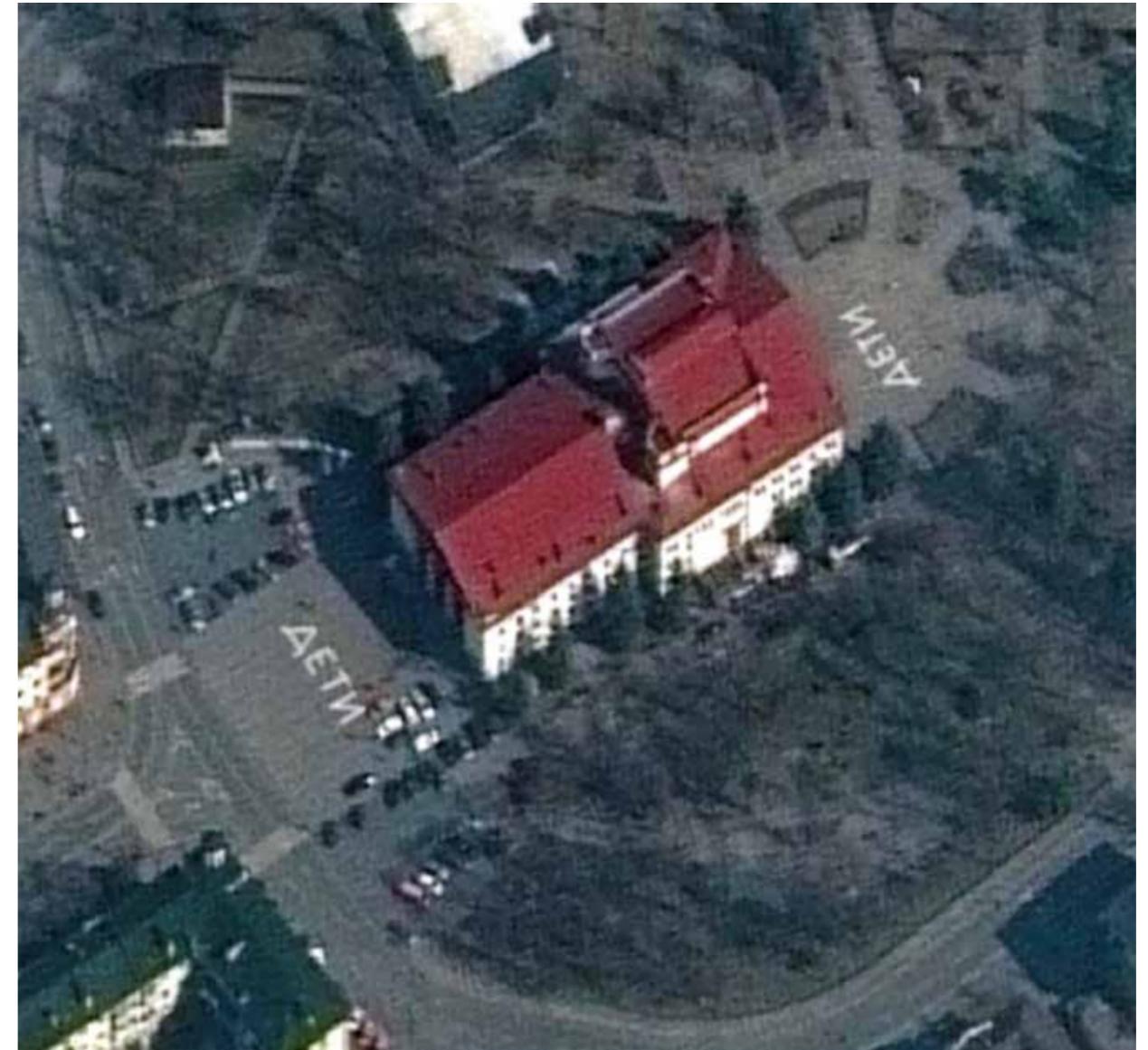
Связи с Наденькой и ее мамой не было, пока они не уехали из Украины в Россию. Когда связь появилась, то мама Нади не знала, что со страной, есть ли она, что вообще произошло за то время. К тяжелому стрессу, вызванному месяцем пребывания в подвалах, также добавился ужас от того, о чем она узнавала по дороге в Россию.

Надя же писала мне очень структурированно, очень спокойно: «Мы едем. Мы здоровы. С нами кошка. Нас везут в Ростов. Мы пытались уехать в Запорожье, но у нас ничего не получилось. Мы использовали российскую программу для беженцев. Я не могу привести маму в чувство. Не удается ее успокоить». Спрашивала о родственниках, о своей бабушке. Она говорила: «Да, было страшно, но ничего». На все реагировала очень взвешенно. Сейчас Надя с мамой, с бабушкой и кошкой живет в хостеле.

Я сама в 2014 году уехала из Донецка и знаю, что если ребенок на первый взгляд кажется спокойным, то позже этот стресс у него проявится. Знаю, что дети, которые пережили то, что пришлось пережить Надежде, нуждаются в психологической помощи. Что первый месяц думаешь, как вообще выжить, а через два-три месяца отдаешь себе отчет, что потеряла все – дом, друзей, школу, знакомых, свой двор, свой парк – все к чему привыкла и любила.

Пока Надя не хочет вспоминать то, что она пережила в Мариуполе. Мечтает вернуться в свой город – в свой дом. И не знает, что возвращаться уже некуда.

Драматический театр в Мариуполе. Надпись «Дети» видно из космоса. Снимок со спутника 14 марта 2022 г.

Источник: Махаг

Влада, 16 лет

школьница, г. Вышгород

Еще 23 февраля вечером я испытывала какое-то беспокойство. Особо тревожно стало после просмотра вечерних новостей. Но нужно было ложиться спать, чтобы набраться сил перед школой.

Утром я проснулась от того, что в квартире была какая-то непонятная суета. Я очень хорошо помню тот момент, когда я встаю с кровати и чувствую, как пол под ногами словно вздрагивает. И именно тогда меня как волной накрыло осознание катастрофичности всей ситуации – началась война.

Очень быстро было принято решение уезжать всей семьей из нашего города. За эти последние 10 минут в квартире я успела собрать самые важные вещи и позвонить по телефону нескольким друзьям, которые жили вблизи нашего города. Около 5:20 пришло сообщение от классного руководителя, что в школу мы не идем. Но и без того весь город уже не спал, все понимали – все планы отменяются. Наверное, это утро навсегда запечатлится в памяти самым ужасным воспоминанием за всю жизнь.

События следующих нескольких дней я помню очень плохо, потому что они постоянно повторялись: ночевали в незнакомых местах, затем воздушная тревога, бомбоубежище, проверка новостей. Как только сирена прекращалась или взрывы и выстрелы затихали, мы собирали свои вещи, упаковывали в машину и продолжали ехать в направлении западных регионов Украины. Все это напоминало какой-то затяжной ночной кошмар, который все никак не кончался.

Единственное, что немного поддерживало, – постоянная связь с моими друзьями в общем чате. Хотя иногда приходилось ждать бесконечно долго чей-то ответ – сообщения, что все нормально, что все в безопасности. А вот один ответ мы ждем до сих пор. Одна из моих подруг не выходит на связь еще с 6 марта вместе со всей семьей, и никто не знает, что с ними, где они.

Где-то на пятый день войны мы добрались до границы, но отец должен был остаться из-за военного положения и полной мобилизации.

В общем, выезд за границу для нашей семьи – очень сложное решение, ведь мы с мамой должны оставить всю свою жизнь, всех наших близких здесь, где война, в стране, где я росла, с которой связывала будущее... А теперь какие-то люди заставляют нас оставить все позади.

Сейчас, будучи за границей, я постоянно читаю новости. Трудно оторваться от того, что связывает тебя с домом. Но ведь нужно и встречаться с новой реальностью. Конечно, привыкать к новому

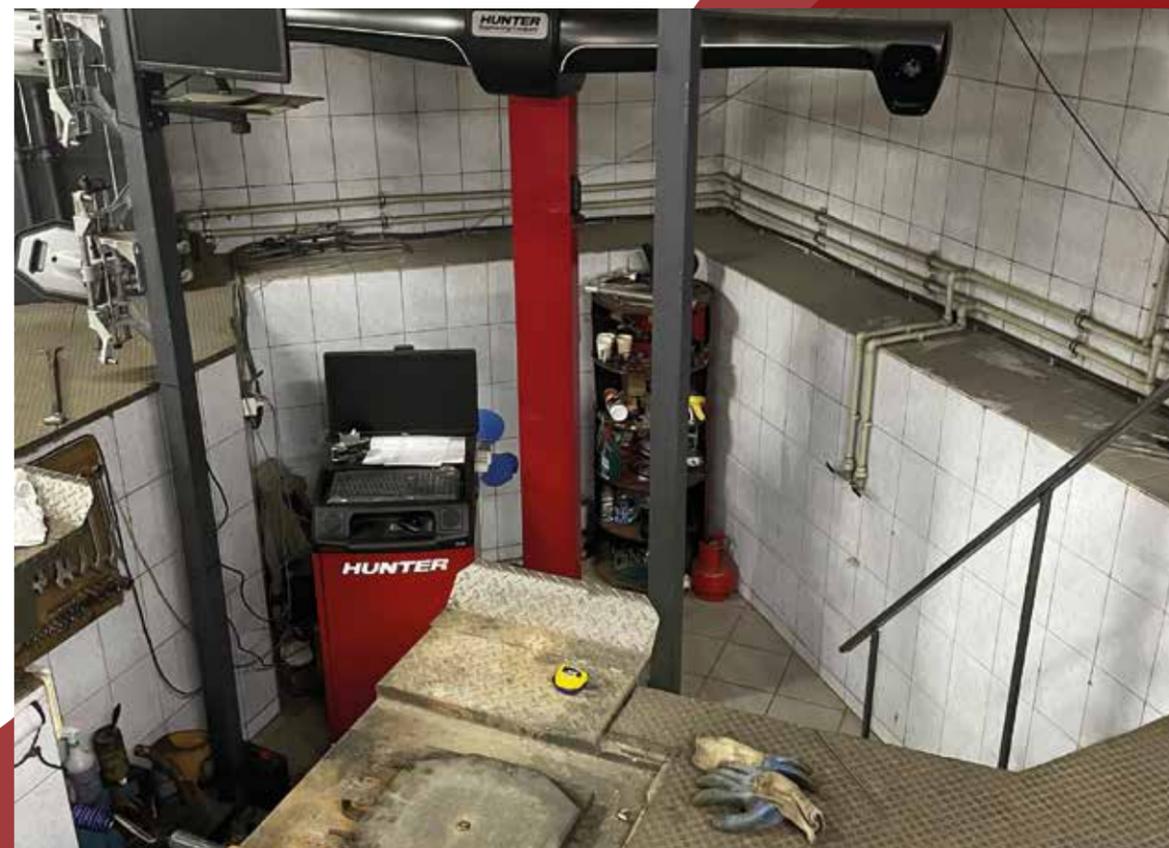
непросто: все те привычки, над которыми я раньше никогда не задумывалась, сейчас приобретают совсем другой смысл.

А еще война на каждом человеке оставляет отпечаток. Сейчас обычный звук стиральной машины может вызвать бурю эмоций, напоминая звук вертолета, еще недавно вызывавший панику. И это страшно – понимать, что конкретно моей семье еще очень повезло уехать из нашего города в безопасное место, хотя другие изо дня в день переживают то, с чем не должен сталкиваться ни один человек!

В этом году я должна была заканчивать школу и поступать в университет ... не знаю, удастся ли теперь поступить в то учебное заведение, которое для себя выбрала ... но знаю, что у многих украинских школьников и школьниц уже никогда даже не будет такой дилеммы, потому что их жизнь преждевременно прервала бессмысленная и беспощадная война.

« В этом году я должна была заканчивать школу и поступать в университет ... не знаю, удастся ли теперь поступить в то учебное заведение, которое для себя выбрала ... но знаю, что у многих украинских школьников и школьниц уже никогда даже не будет такой дилеммы, потому что их жизнь преждевременно прервала бессмысленная и беспощадная война. »

Убежище на время воздушной тревоги

РАЗДЕЛ IV. Два круга войны (истории женщин в ВСУ и территориальной обороне)

Пока идет война, из соображений безопасности мы публикуем лишь несколько сокращенных историй украинских защитниц, не публикуем их реальные имена и другие данные. Но после победы напечатаем полное издание, чувствуя их подвиг перед украинским народом, о котором должен услышать весь мир!

«Уголек»

снайпер, 35 лет, отдельная бригада морской пехоты им. контр-адмирала Михаила Остроградского (написано с разрешения ВМС ВС Украины)

Многие считают, что снайпер – это совсем не женская профессия. Однако украинские девушки своим примером доказывают, что такое мнение ошибочно. Знакомьтесь, это снайпер с позывным «Уголек». В армию девушка попала потому, что хотела, чтобы ее младший брат, тоже военный в ВСУ, гордился ею.

В 2017 году «Уголек» попала на службу в один из батальонов морской пехоты. За годы службы она неоднократно выполняла боевые задания на востоке Украины.

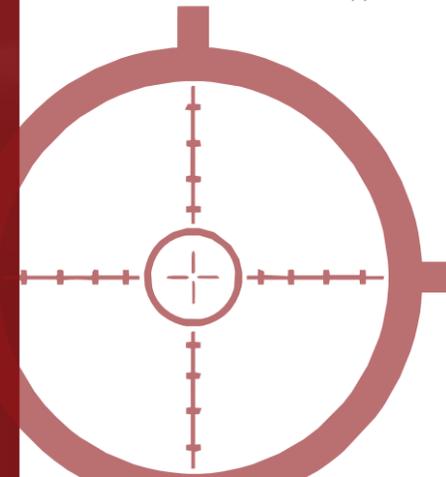
«**Э**то не люди. Фашисты, и те не были такими подлыми, как эти орки. Мы обязательно победим. Мы обязательно победим. Лично я буду стоять до последнего! Радует, что у некоторых наших людей наконец-то открылись глаза, и теперь они понимают, кто есть кто!»

В январе этого года срок ее контракта истек и она решила сделать перерыв. Но он оказался недолгим. Буквально через месяц началась полномасштабная война

и «Уголек», взяв свой рюкзак, который даже не успела разобрать, вернулась в морскую пехоту защищать свою страну в качестве мобилизованной:

- Мочить их всех надо! Это не люди. Фашисты, и те не были такими подлыми, как эти орки. Мы обязательно победим. Лично я буду стоять до последнего! Радует, что у некоторых наших людей наконец-то открылись глаза, и теперь они понимают, кто есть кто!

Мы точно победим! Слава Украине!

Людмила

26 лет, военнослужащая, г. Донецк/Киев

Я сама из Донецка. Там родилась и выросла. Воспитывали меня мать и бабушка. В 2015 г. им пришлось уехать, а бабушка умерла через четыре года вдали от родного дома. Совсем немного не дожила до своего 80-го дня рождения...

Война для нас началась в 2014 г.. В то время мне было почти 19 лет, и я проходила службу в Донецком следственном изоляторе. С детства мечтала служить, стать настоящим офицером. Честь и достоинство для меня – это не просто слова. Видела кругом много произвола и мне хотелось что-то изменить. «Хочешь изменить мир – начни с себя!»

Сначала я участвовала в митингах за украинский Донецк. Мирное сопротивление российской оккупации не дало ожидаемых результатов, поэтому в июле 2014 г. я начала служить в добровольческом батальоне. Нас учили быть универсальными: и в медицине разбираться, и обладать навыками владения оружием, и управлять автотранспортом в боевых условиях.

Прошла несколько горячих точек. Там я узнала, что такое настоящая дружба и настоящая цена жизни. За время службы получила контузии, но тогда никуда не обращалась – было сложное время, каждый человек на вес золота.

Через несколько лет из полка перевелась на инструктора полиции, делилась ценным опытом и навыками, но впоследствии нас расформировали, поэтому я перешла в конвойную роту полиции. Этот шаг подтолкнул меня к пониманию, что я должна быть там, к чему лежит душа. И тогда я уволилась и подписала контракт с ВСУ.

«
Вернулась в свою воинскую часть,
где я нужна, потому что мне
неловко отсиживаться понимая,
что я могу быть полезной.»

После прохождения подготовки исполнилась моя давняя мечта – я попала в морскую пехоту! Для меня это стало приятным сюрпризом, ведь больше женщин туда не взяли. Службу я проходила в должности наводчицы. У меня был модный пулемет калибра 12.7 мм. Было очень интересно, много учений на суше и море. Мои боевые братья мне во всем помогали.

В июне 2019 г. с морской пехотой мы выехали на ротацию в зону боевых действий, где я получила контузию средней тяжести. Была на позиции, прикрывала из пулемета, и прилетел снаряд. Не хотела ехать в госпиталь, но старший позиции приказал, потому что увидел, в каком я состоянии. Сейчас я очень благодарна за это! Месяц лечения, прохождение медицинского осмотра, и я снова вернулась к своим на позицию. Добыла ротацию уже без приключений.

В 2020 г. поступила на офицерские курсы в Военную академию, чтобы пройти обучение и получить офицерское звание. А уже через год выпустилась и получила распределение в ряды Военно-Морских Сил. Для меня это было очень знаково и важно. Ведь во время службы в морской пехоте погибли очень близкие друзья, и я вернулась, чтобы продолжить их и свой путь.

Во время учебы сложилась и моя личная жизнь. Мой муж – тоже военный, офицер. Он прошел со мной путь со времен службы в морской пехоте, поддерживал меня во время учебы.

Второй круг войны 2022 года застал меня в киевской больнице, где я лечу время от времени последствия контузий. В начале марта уговорила врача выписать меня, забрала вещи и снаряжение и вернулась в свою воинскую часть, где я нужна, потому что мне неловко отсиживаться понимая, что я могу быть полезной.

Алина

27 лет, доброволец, депутатка Киевсовета и волонтерка (АРМИЯ SOS), г. Киев

Месяц войны.

Восемь лет войны.

В моей жизни глобально ничего не изменилось.

Подразделение находилось на фронте задолго до 24 февраля – с 2014 года.

Мой тревожный чемоданчик – упакованный рюкзак с вещами, медикаментами и броней, который пролежал в шкафу год.

В декабре 2021 г. я просто доложила туда документы и вещи своей собаки.

И хотя прошло уже два года, как я вернулась с войны в гражданскую жизнь, эта жизнь не «огражданила» меня. И с 24 февраля очень быстро вспомнилась обычная полудикарская кочевая военная жизнь.

Месяц полномасштабной войны принес потерю друзей, боевых товарищей, которые должны были бы прожить долгую жизнь, уничтожить врага и приближать победу. И это убивает меня морально практически каждый день. Некоторые мои друзья находятся сейчас в Мариуполе. И я хочу выть от своей беспомощности.

Месяц полномасштабной войны принес много боли от того, что погибают дети, их мамы, новорожденные и даже еще не рожденные украинцы/ки.

Моя ярость и ненависть к россиянам заполнила все клетки и сосуды тела задолго до полномасштабного вторжения. И это проявлялось в моей полной категоричности ко всему, связанному со страной-агрессором. Потому что этот месяц не открыл мне глаза ни на что, ибо они были открыты уже 8 лет.

Просто 24 февраля война нанесла шрамы уже всей Украине. И теперь, что такое авианалеты, фосфорные бомбы, ракетные удары, «солнцепеки» и другая убийственная техника массового поражения, знает и «чувствует» на себе вся страна в центре Европы.

Этот месяц полномасштабной войны сплотил нас всех и в то же время научил не бояться желать смерти врагу. Ибо «русня – не люди» – это теперь аксиома для целого нашего народа.

Месяц войны. Восемь лет войны. Мы победим!

«
Просто 24 февраля война нанесла шрамы уже всей Украине. И теперь, что такое авианалеты, фосфорные бомбы, ракетные удары, «солнцепеки» и другая убийственная техника массового поражения, знает и «чувствует» на себе вся страна в центре Европы.
»

г. Чернигов. Фото ©Vlad Logvinenko

Аня

31 год, врач, кинолог, г. Киев

Для меня, как и для многих украинцев, война началась с Майдана 2014 года. Я всегда занимала активную гражданскую позицию, а в тот период решила, что став медиком, смогу принести гораздо больше пользы своей стране. Тогда же у меня появился мой «малыш» – бельгийская овчарка Малинуа по имени Зарис – самое умное создание на земле.

ВСУ в тот период вели активные действия на Востоке, им удалось освободить многие территории. Так остро встал вопрос поиска наших погибших парней, причем речь шла в первую очередь о поисках под землей. В то время в Украине только один пес имел соответствующие подтвержденные навыки, поэтому заметив способности Зариса к поисковой работе, мы приступили к тренировкам. Сложнее всего, можно сказать,

почти невозможно, было найти необходимые образцы трупного запаха. Но мне все же удалось! Полтора года мы потратили на поиски материалов и обучение, однако оно того стоило – мы достигли рекордной глубины закладки в 25–30 метров и начали активно работать «в поле».

В 2018 году гуманитарная программа «Груз 200» на Востоке Украины была приостановлена. Узнав, что в зоне разграничения есть потребность в медицинском персонале, поставив единственное условие, что Зарис будет со мной, я уехала. В первую ротацию я даже не знала, куда именно я еду – просто понимала, что я должна это сделать. Мы выезжали в те места, на те вызовы, куда обычные скорые отказывались, просто боялись, ехать. А там тоже жили люди, которые нуждались в нашей помощи.

Параллельно я учила Зариса искать взрывчатку. Наш опыт не остался без внимания соответствующих структур, куда меня неоднократно приглашали в качестве экспертки. Последняя наша ротация на Востоке длилась почти год – очень долго... Мы даже не успели выдохнуть, когда начали приходить известия об угрозе нападения России. Но после второго фальстарта все меньше верилось в ее вероятность.

В ту ночь я вернулась домой около четырех часов, моя мама тоже только закончила работу. Мы даже посмеялись по поводу очередной даты начала войны и легли. Через час я вскочила от привычных мне звуков, которые не спутаешь ни с чем другим. Первые мысли: «Я на Востоке. Нужно хватать броник и бежать...». Но открыв глаза, я поняла, что произошло событие, которое скоро изменит жизнь всего мира.

« **До войны многие европейские производители кормов интенсивно экспортировали свои товары в Украину. Сейчас имеем со многими из этих компаний исключительно негативный опыт общения. Они отказываются помогать. Думаю, что история не простит подобной позиции, – эта война действительно демонстрирует миру, кто есть кто!** »

ские производители кормов интенсивно экспортировали свои товары в Украину. Сейчас имеем со многими из этих компаний исключительно негативный опыт общения. Они отказываются помогать. Думаю, что история не простит подобной позиции, – эта война действительно демонстрирует миру, кто есть кто!

На днях починят мою «жестянку», и мы с Зарисом вернемся в Украину, где снова будем полезны ВСУ: на сегодняшний день Зарис умеет искать погибших, взрывчатку и табачные изделия, нередко становящиеся объектом контрабанды, а иногда и своеобразной валютой военных времен. Сейчас есть много запросов на подобную работу. А потом... Война закончится, и мы все же получим наш долгожданный рекорд Украины как собака-донор. Пока мы сдавали кровь 49 раз.

Обзвонив все возможные структуры и получив временный отказ, я поняла, что нас позовут, когда мы станем нужны, то есть когда начнется настоящий ад. Поэтому решила воспользоваться временным коридором и вывезти семью. Мама, бабушка, дядя и четыре собаки затолкались в старенький «Ланос» – и мы уехали. Только 2 месяца прошло с момента, как я получила водительское удостоверение, а друг отдал мне свою старую «жестянку» для обучения. Все это ощутимо прибавило стрессовости ситуации. Это было настоящее боевое крещение!

В настоящее время благодаря волонтеру, с которым мы познакомились на Востоке, моя семья находится в безопасности в Варшаве. До конца недели я тоже остаюсь здесь. Нам удалось организовать гуманитарную помощь для животных, ведь они также нуждаются в помощи. В большинстве городов Украины заканчиваются запасы кормов и лекарств. Благодарю наших польских друзей, которые полностью взяли на себя финансирование и организационные вопросы. До войны многие европей-

РАЗДЕЛ V. На дипломатическом фронте и на уровне принятия решений

«Сегодня украинский народ защищает не только Украину, мы боремся за ценности Европы и мира, жертвуя своей жизнью во имя будущего»

*Президент Украины
Владимир Зеленский*

Елена Галушка

33 года, член правления Центра противодействия коррупции, г. Киев

С начала ноября прошлого года я внимательно отслеживала заявления разведок и мнения экспертов по поводу возможного широкомасштабного вторжения России в Украину, к которым я отнеслась очень серьезно. И еще в декабре мы с коллегами обсуждали, что Киев могут бомбить. Конечно, тогда это выглядело совершенно невероятным, но все же немыслимое стало реальностью.

«

То, что Россия делает в Украине, – это военные преступления. Фактически Россия нарушает Женевские конвенции. Российские солдаты пытаются и убивают гражданское население, они атакуют гражданские объекты, максимально нарушают правила войны и за это они обязательно должны быть привлечены к ответственности. Не только Путин, но и все, кто выполняет его преступные приказы, должны понимать, что они будут привлечены к ответственности на своем Нюрнбергском трибунале.

»

22 февраля, за два дня до начала войны, в своей речи Путин фактически открыл карты по поводу своих намерений начать войну. Он очень много говорил о демократии в Украине, об антикоррупционной деятельности – он перечислил все органы, которые мы создавали (НАБУ, САП, Конституционный суд, НАПК). Он даже упомянул, что сейчас происходит очищение Высшего совета правосудия комиссией с участием международных экспертов. Мы ясно видим, что одна из причин этой войны – это желание Путина помешать построению настоящей демократии в Украине. А это то, чем мы занимались последние восемь лет. Это то стратегическое направление, куда медленно, но уверенно двигалась Украина. Война это движение остановила. Россия сейчас уничтожает не только демократию, но и нашу страну, ее суверенность, самих украинцев.

Реформы, которые Украина осуществляла после Майдана, заложили очень важную институциональную базу для полноценного функционирования демократии. Многие реформы стали приносить ощутимые изменения к лучшему. Даже сейчас во время войны мы видим, как работает децентрализация, как в местных громадах руководители становятся настоящими лидерами военного времени. Реформы уже начали приносить результат. Это важная работа, результатами которой я очень горжусь. И после победы мы продолжим это делать.

Сейчас мы с коллегами переехали в Варшаву, где учредили Международный центр украинской победы. Мы осуществляем адвокацию среди иностранных партнеров, которые должны помочь нам победить. Ключевые направления нашей работы:

- адвокация военной помощи для Украины. Это важнейшее направление, потому что стране нужно не просто много оружия, нам нужно конкретное оружие, которое поможет нам победить.

Прежде всего это средства ПВО и противоракетная оборона, которые защитят наши города и не позволят повторить трагический опыт Мариуполя. Кроме этого, нам нужны танки, артиллерия, боеприпасы и т. п.;

- адвокаты санкций. Мы настаиваем на том, что Россия должна быть наказана максимально сурово за то, что она делает с нашей страной. Мы начали кампанию **Block Putin Wallets**, которая нацелена на требование к западным правительствам наложить санкции на российских олигархов и членов их семей, заморозить их активы, депортировать их из западных стран. Но сейчас мы расширили санкционную кампанию и требуем полного эмбарго на импорт российского газа и нефти в страны Европы. Адвокатируем за включение России в черный список FATF (Financial Action Task Force on Money Laundering). Это Международная группа по противодействию отмыванию грязных денег, и решение этого органа, основанного странами Большой семерки, сделает практически невозможными международные транзакции с резидентами России;
- адвокаты «плана Маршалла», то есть плана восстановления Украины после победы. Уже сейчас мы видим, что затраты на восстановление страны будут очень велики и нужно начинать думать, откуда мы будем привлекать эти средства и как мы будем восстанавливать страну;
- документирование военных преступлений и адвокаты создания трибунала. То, что Россия делает в Украине, – это военные преступления. Фактически Россия нарушает Женевские конвенции. Российские солдаты пытаются и убивают гражданское население, они атакуют гражданские объекты, максимально нарушают правила войны и за это они обязательно должны быть привлечены к ответственности. Не только Путин, но и все, кто выполняет его преступные приказы, должны понимать, что они будут привлечены к ответственности на своем Нюрнбергском трибунале;
- улучшение гуманитарной политики. Сейчас гуманитарная помощь населению, которое в ней нуждается, осуществляется во многом силами украинских волонтеров, украинским бизнесом, тогда как международная гуманитарная помощь часто не достигает цели. Ситуация должна измениться.

Мое личное мнение – нужно требовать от западных партнеров полного эмбарго на энергоносители из России как можно скорее. Потери западных экономик, о которых постоянно говорят наши западные партнеры, не сопоставимы с тем, что сейчас переживают украинцы и украинки. С одной стороны, западные правительства отмечают, что им удалось заблокировать 2/3 золотовалютных резервов России и, казалось бы, Россия не будет иметь возможности финансировать войну, но по состоянию

на 1 апреля с начала войны (24 февраля) только Германия перечислила России более 5 млрд евро. Россия должна из каких-то ресурсов финансировать войну, так что чем дольше страны Европы будут затягивать это решение, тем больше трагических историй, как в Мариуполе, мы получим. Это практически геноцид украинцев за деньги Европейского Союза. Если начать работать сейчас над диверсификацией поставок газа, если Германия учтет опыт Украины и не будет спешить прекращать работу атомных электростанций в рамках своих реформ, то совместными усилиями врага можно уже «обескровить» финансово.

Как человек очень много критиковавший Президента Зеленского, я должна сказать, что, как и большинство его критиков, открыла его с совершенно другой стороны во время войны. Хотя я не считаю, что после победы все реформы будут проходить без труда, я все же ожидаю, что после победы работать над реформами и мобилизовать власть будет проще. Нам фактически придется восстанавливать страну. Поэтому задачи, которые будут стоять перед нами, будут сложнее и потребуют большей сплоченности и взаимодействия всего общества с властью. Также в этом контексте мы ожидаем скорого решения Европейского Союза по рассмотрению нашей заявки на членство. И это, на мой взгляд, также будет стимулирующим фактором внедрения всех реформ, которые мы начали еще до войны.

Наше будущее – это Победа, а затем ОЧЕНЬ МНОГО работы по восстановлению нашей страны. Членство в Европейском союзе и НАТО. Счастливая и спокойная жизнь в военно- и экономически сильной стране без страха российской агрессии.

А также я вижу Украину как ролевую модель для других стран, которые ищут свой путь трансформации, пытаются вырваться с российской орбиты. Все то, что мы сделали после Майдана в стране, и все то, что мы сделаем после победы, – пример реализации нестандартных решений стандартных проблем, с которыми сталкивается большинство населения нашей планеты: коррупция, корпоративизм в судебной системе, проблемы с полицией. И когда мы предложим эффективные решения этих проблем, то в дальнейшем их можно будет мультиплицировать в других переходных демократиях, в других странах, которые хотят провести подобные реформы.

Я считаю, что статус Украины как геополитического игрока очень сильно изменится после нашей победы, и страна обретет настоящую субъектность.

Галина Янченко

33 года, заместитель председателя фракции политической партии «Слуга народа» в Верховной Раде Украины IX созыва, Глава ВСК по вопросам защиты прав инвесторов в Верховной Раде Украины, Секретарь Национального инвестиционного совета при Президенте Украины, мать двоих детей, г. Киев

Как и ко многим украинцам, война пришла в мой дом 24 февраля в пять утра, когда в своей постели я проснулась от взрывов в Киеве. У меня сын и дочь, 5 и 10 лет. Мы поняли, что худшее случилось. Уже в 6:30 я была в правительственном квартале, как и многие депутаты. Мы съехались, чтобы провести оперативное заседание Верховной

Рады и утвердить Указ Президента о введении военного положения.

В первые же часы я поняла, что столкнувшись с широкомасштабным вторжением российских оккупантов Украине нужно готовиться к неслыханным доселе вызовам. Стало очевидным, что миллионы людей будут бежать от обстрелов и бомбардировок, покидая свои дома. Они будут искать убежище в других регионах Украины и за рубежом.

Так родилась инициатива «Убежище» («Прихисток»). Это такая децентрализованная онлайн-платформа prykhystok.gov.ua, на которой люди могут предлагать другим помощь, в том числе бесплатное жилье. Через знакомых и социальные сети мы бросили клич – нужны были люди для реализации нашей идеи. Многие откликнулись и к разработке платформы присоединилось более 50 волонтеров, среди которых IT-специалисты и дизайнеры. Буквально за ночь был разработан сайт. Волонтеры согласились работать в колл-центре.

Сегодня это наиболее посещаемая и самая популярная платформа по предоставлению бесплатного жилья (убежища) украинцам, которая доступна на сорока языках. Благодаря этой инициативе более 40 тысяч внутренне перемещенных лиц и беженцев смогли найти бесплатное жилье у людей из разных регионов Украины и других стран, без прямого участия и помощи властей.

Несколько дней назад правительство предложило нам принять участие в разработке программы частичной компенсации расходов на коммунальные услуги для людей, бесплатно принимающих беженцев из других регионов. Все, кто на нашей платформе регистрирует свое жилье, участвуют в программе автоматически. Сейчас сайту предоставлен домен gov.ua для того, чтобы эта инициатива получила статус официальной инициативы, что повысит доверие к ней.

«**Стало очевидным, что миллионы людей будут бежать от обстрелов и бомбардировок, покидая свои дома. Они будут искать убежище в других регионах Украины и за рубежом. Так родилась инициатива «Убежище» («Прихисток»). Это такая децентрализованная онлайн-платформа prykhystok.gov.ua, на которой люди могут предлагать другим помощь, в том числе бесплатное жилье...Благодаря этой инициативе более 40 тысяч внутренне перемещенных лиц и беженцев смогли найти бесплатное жилье у людей из разных регионов Украины и других стран.**»

Так что инициатива, которая родилась и воплотилась благодаря работе десятков волонтеров буквально за ночь, теперь вышла на общегосударственный уровень. Сегодня очень важна синергия работы общества, волонтеров и нашего правительства.

Вторая инициатива, в которую я вовлечена – это глобальное движение за бойкотирование транснациональных компаний, оставшихся работать в России. Как и многие люди по всему миру, я считаю, что такие компании, которые до сих пор платят налоги в РФ, финансируют военную машину Кремля. Пока такие компании будут оставаться в России, они будут фактически участниками убийств населения Украины. Цинично и лицемерно продолжать зарабатывать в России, потому что эти деньги окроплены кровью украинских детей и женщин. Мы объединились и создали группу «Бойкот раша». Эта группа имеет своих поклонников в Европе, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатах Америки и Канаде. Мы разрабатываем визуальные материалы и призываем всех людей бойкотировать такие компании. Мы объясняем, что такие компании – это бренды, которые не понимают, что такое социальная ответственность; это циничные торгаши, которым безразлично на чем они зарабатывают и какие последствия будет иметь их деятельность.

Сегодня совместными усилиями волонтеров мы запустили ролик о торговой марке Colgate. Компания решила схитрить – заявила, что выходит с российского рынка, однако оставляет продажу товаров первой необходимости, которые в принципе и является ядром ее бизнеса. Креативщики сделали ролик, в котором рекламный слоган Colgate «Smile For Good Protection» показан на фоне всех ужасающих событий в Украине: бомбардировок украинских городов, разрушений жилых кварталов, гибели мирного населения, попыток медиков спасти тяжелораненых.

Третья инициатива, над которой я работаю, с моей точки зрения, не менее важна. Мы занимаемся подсчетом убытков. Россия нанесла ужасающий ущерб инфраструктуре, городам, людям. Конечно, никто не может компенсировать потерю жизней, которые отняли российские «мясники», но мы считаем, что за разрушенные города должны заплатить россияне. Они просто стерли с лица Земли 90% строений в Мариуполе. Мы работаем ради того, чтобы иметь возможность построить новые дома для людей, больницы, школы, детские сады. Сейчас мы собираем информацию о разрушенных объектах и привлечем экспертов из строительной отрасли для оценки необходимых для восстановления ресурсов. Сколько времени нужно? Какие программы разработать, чтобы мы могли отстроить страну и люди могли вернуться в свои дома после того, как Украина победит? Вот над этими вопросами они и будут работать.

Это основные направления моей деятельности. Вообще я задействована в семи проектах. Это внедрение санкций против российских граждан, обеспечение питанием эвакуированных, мы также

«**Как и многие люди по всему миру, я считаю, что такие компании, которые до сих пор платят налоги в РФ, финансируют военную машину Кремля... Цинично и лицемерно продолжать зарабатывать в России, потому что деньги окроплены кровью украинских детей и женщин. Мы объединились и создали группу «Бойкот раша». Мы объясняем, что такие компании – это бренды, которые не понимают, что такое социальная ответственность, это циничные торгаши, им безразлично на чем они зарабатывают и какие последствия будет иметь их деятельность.**»

рассматриваем вариант организации временных городков для людей и сотрудничаем с канадскими разработчиками и архитекторами. Я провожу большую информационную работу, включаюсь ежедневно в эфиры европейских, американских, канадских, мексиканских и других медийных каналов, чтобы рассказывать всю правду о войне в Украине. Мы работаем без выходных – у нас нет субботы-воскресенья, есть один сплошной рабочий день. Мы все сегодня стараемся сделать больше и лучшее для людей и для победы Украины.

Конечно, я постоянно думаю о детях. Они находятся в безопасности, насколько это возможно в наше время. Я очень соскучилась, но я не знаю, когда я увижу их и увижу ли когда-нибудь, потому что никто не может гарантировать, что со мной ничего не случится сегодня или завтра. Боюсь, что могу их никогда больше не увидеть. Только этого я боюсь...

 Теперь официально. Наш #ПРИХИСТОК «переехал» на адрес gov.ua и стал государственным веб-ресурсом. Переход будет происходить плавно, адрес ip.ua также будет активным в ближайшее время, а все представленные объявления – действительными.

Счастлива, что удалось собрать крутую команду волонтеров (после победы хочу всех вас найти, познакомиться с вами лично, обнять и поблагодарить). Итого за месяц мы с нуля подняли профессиональный и мощный сервис, благодаря которому более 55 тысяч украинцев нашли бесплатное временное убежище.

И тем не менее, каждый день мечтаю, чтобы скорее наступил момент, когда украинцы смогут вернуться в свои дома и им больше не придется искать временное убежище.

Этот день обязательно придет. А пока закатываем рукава и фигаем на prykhystok.gov.ua дальше.

#BoykottRussia #StopWarInUkraine

Nestlé прекратит продажи KitKat и Nesquik в России из-за агрессии в Украине. Но есть еще не менее 30 торговых марок от Nestlé, которые остаются на российском рынке. К примеру, Lion. Nestlé должно прекратить пополнять бюджет РФ и спонсировать войну в Украине.

Компания #SiemensHealthineersAG продолжает свою работу в России, «чтобы не лишать россиян лечения от рака». В то же время Россия лишает больных раком в Украине любого лечения, сбрасывая на больницы авиабомбы. Siemens Healthineers AG, хватит финансировать войну в Украине! Не молчите, напишите об этом компании #SiemensHealthineersAG:

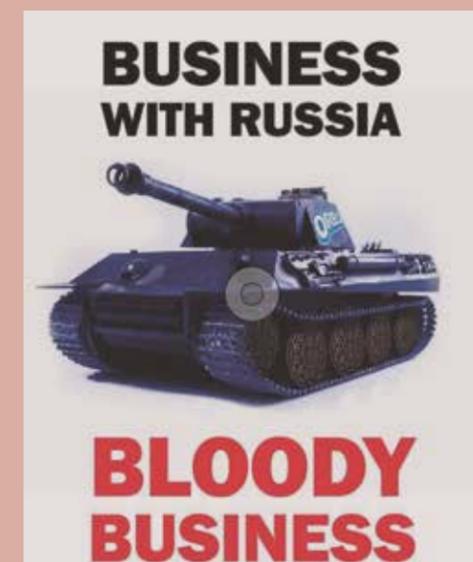
#BoykottRussia #SaveLivesInUkraine

«Одна планета, одно здоровье» – слоган компании #Danone, который не совпадает с тем, что они делают в реальной жизни. Danone не просто не остановил бизнес в России, но продолжает активно зарабатывать на жизни наших с вами соотечественников, спонсируя страну-агрессора. Я призываю всех потребителей мира к бойкоту Danone, выбирайте бренды, для которых человеческая жизнь – ценность.

Магазины Calvin Klein и Tommy Hilfiger в России временно закрыты, коммерческая деятельность приостановлена, но не прекращена. В отличие от польской LLP Group, которая окончательно ушла с российского рынка. К сожалению, временно приостановить войну невозможно. Каждая компания, все еще имеющая офис в России, спонсирует массовые убийства в Украине. Напишите об этом #CalvinKlein:

Еще одна идея для правдивой рекламы для Oreo. Производитель этого печенья Mondelez International не планирует покинуть российский рынок и продолжает торговать, как он заявляет, «продовольствием». Каждое проданное печенье Oreo превращается в запчасти к российскому оружию.

Галина Янченко разом з Alojzy Malarski та ще 31.

3 квітня о 16:24 · 🌐

Честно говоря, я думала, что привыкла к жестокости этого страшного месяца войны. Но нет! Новые фото из Бучи, Ирпеня и других освобожденных территорий Киевщины показывают то, что находится за гранью понимания, как на такое способен человек.

Мужчины, убитые выстрелом в голову со связанными за спиной руками. Женщины, которых изнасиловали и замучили до смерти, но сначала пытали, издевались, выгоняли голыми на улицу. Братские могилы в пригороде Киева на 280 человек (!). Убитые невинные дети и заминированные детские площадки... До сих пор не могу прийти в себя!

Эти преступления российской армии - живое доказательство того, что в Европе уже возродился нацизм. Опять же, через 80 лет после Второй мировой войны. Сегодня украинцев убивают просто за то, что они украинцы.

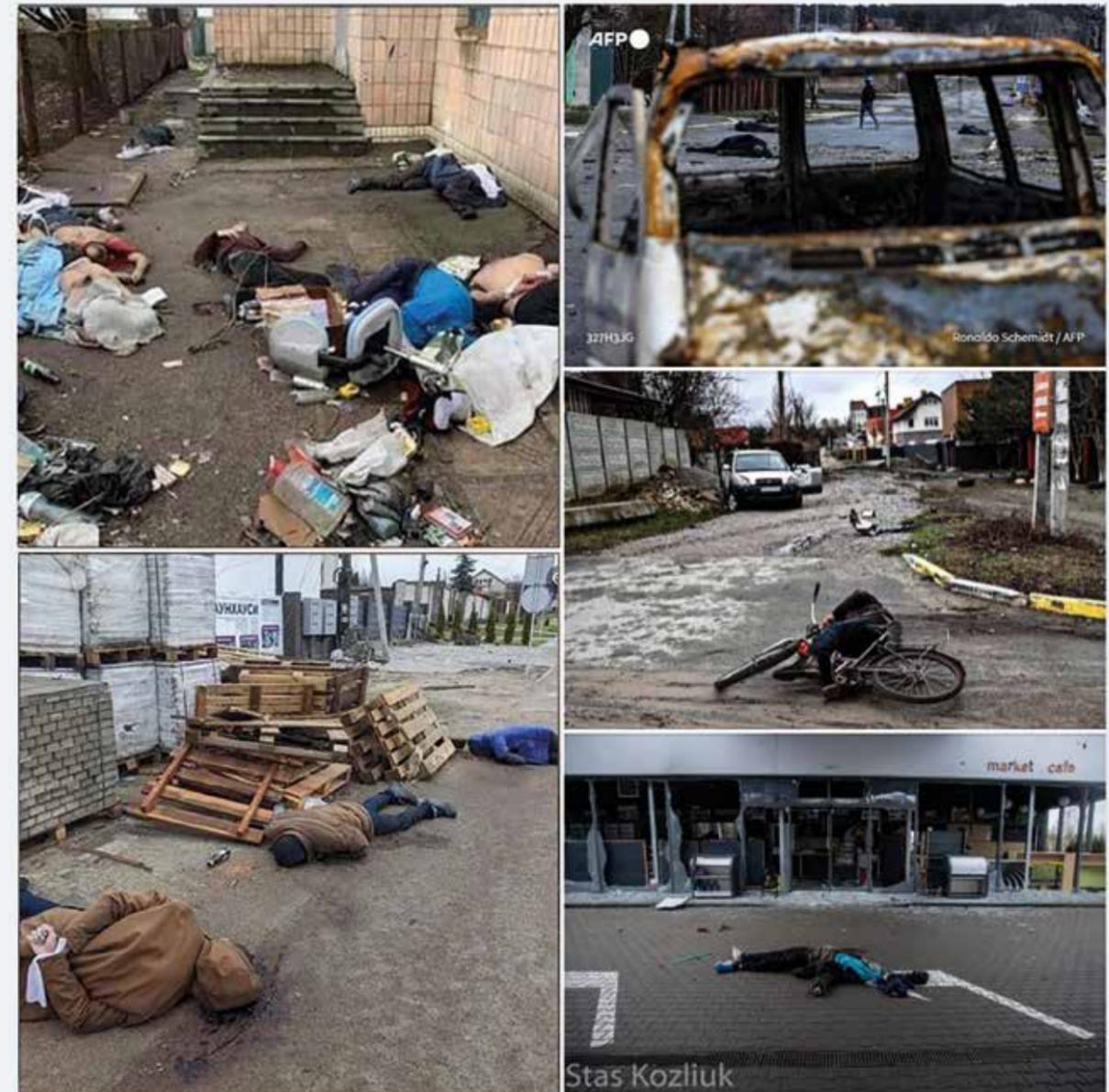
Путин не просто новый Гитлер, он хуже Гитлера. Он уничтожает целое государство в Центральной Европе на глазах у всего цивилизованного мира. Он пытается стереть с лица земли нашу мирную страну, которая никому не объявляла войну.

Нам нужно оружие и поддержка, чтобы остановить уничтожение Украины. Нам нужно закрытое небо и мощные системы ПВО, чтобы защитить себя от ракет и российских бомб. Путин без них просто старый псих. Сегодня он успешно блефует и запугивает мир.

Расскажите об этом, западные СМИ. Я надеюсь, что западные политики услышат меня и будут действовать соответственно. Единственное, что делает президента России Путина могущественным, — это страх в глазах западных политиков и лидеров. Он не видит этого страха в глазах украинских политиков и в глазах украинцев, и это его очень нервирует.

Вместо этого каждый день, пока наши коллеги из ЕС и США действуют медленно и оценивают «риски», желая избежать Третьей мировой войны, она уже началась в Центральной Европе. В Украине. Какой смысл бояться того, что уже произошло?

Каждый из вас может помочь нам остановить это! Пишите вашим главам государств, членам правительства, представителям в парламенте с требованием оказать мощную военную помощь Украине и закрыть небо. Ввести более жесткие экономические санкции против России, чтобы предотвратить дальнейшее финансирование войны!

🙄👍🙄 89

23 коментарі Поширили: 52

Александра Матвийчук

38 лет, Центр гражданских свобод, г. Киев

Первая эмоция, которую я испытала с началом войны, – ГНЕВ! Мы жили в своей стране, никого не трогали, посвящали себя развитию демократических институций, постоянно развивались... И для того чтобы остановить Украину на этом пути, РФ показательно по четырем фронтам начала наступление, убивая гражданских людей, игнорируя международное гуманитарное право, пытаясь нас уничтожить только за то, что мы считаем, что имеем право на демократический выбор.

С первого дня войны мне поступало множество предложений уехать из Киева, на которые я отвечала: «Не надо мне помогать с эвакуацией, лучше помогите нам выстоять!». И главная при-

чина, по которой я приняла решение остаться в городе, – это любовь, сменившая гнев. Любовь к нашим украинским ценностям, которые мы сегодня отстаиваем. Честно говоря, не только россия, но и Запад не знал нашей силы, все были убеждены, что в первую неделю все закончится, что счет идет на дни. Но вместе мы доказали, что люди гораздо смелее и сильнее любых армий.

В первый день войны мы возобновили работу Евромайдана SOS. Волонтерские инициативы работают по разным направлениям. Первое направление, с которого мы начали, назовем условно «логистическое». Мы по всей стране собираем базу инициатив, которые закрывают потребности в эвакуации, обороне, оказании помощи людям и животным, проводим информирование и контактируем с людьми, которым такие инициативы могут пригодиться. Каждый человек, каждая украинская семья сегодня проживает свою уникальную историю, которая становится историей всего украинского народа, украинской нации; историю, пронизанную болью и питающуюся надеждой.

Относительно моей семьи – моя мать сейчас находится в безопасности, ей удалось эвакуироваться за границу, а вот с моим отцом я не имею связи несколько недель. И это моя личная боль. Будучи врачом, он остался на временно оккупированной врагом территории, и у меня пока нет никакой информации о том, что с ним, как он.

«
Меня пригласили выступить на открытии мероприятия ОБСЕ со вступительной речью для 57 стран-участниц. Я выступала онлайн, потому что не хотела оставлять Киев в такое тревожное время.
»

Фото с мероприятия ОБСЕ

Мы активно работаем на международной арене через диаспору, международные правозащитные сети, партнеров и друзей по всему миру. Постоянно ведем тематические кампании, особенно по «закрытию неба», по SWIFT, начинаем новую – по гуманитарным коридорам. Это огромная проблема, потому что РФ не дает разрешения на их открытие и расстреливает людей, пытающихся выбраться или получить гуманитарную помощь. Недавно мы обратились в международные организации с просьбой обеспечить международное присутствие в горячих точках.

У нас 24 часа в сутки работают Facebook, Twitter, чтобы сообщать не новости, а именно полезную для людей информацию. На Youtube мы размещаем информационные материалы на разных языках благодаря группе переводчиков-волонтеров. Целая команда людей без усталости монтирует видеоматериал. За границу мы транслируем информацию о нарушении прав человека.

И еще одна недавняя, но важная инициатива – мы занимаемся документированием военных преступлений, сейчас прицельно собираем видеосвидетельства об умышленных нападениях на гражданские объекты и гражданское население. Враг использует военные преступления как тактику ведения этой войны. Сегодня мы можем констатировать, что это целенаправленные обстрелы гражданских объектов: храмы, школы, больницы, детские сады. Это не ошибка, это распространено во всех городах, где наступает армия агрессора. Отдельно в сотрудничестве с государственными органами стали делать базу пленных и пропавших без вести.

Важное место в каждой из этих инициатив занимают женщины. Женщины в эти сложные времена присутствуют везде: присоединились к территориальной обороне, принимают важные решения, занимаются логистикой, на передовой оказывают медицинскую помощь, документируют военные преступления. Куда ни глянешь – повсюду женщины. Женщины сегодня действительно на передовой – за ценности свободного мира!

Видя волну солидарности, охватившую Украину, когда люди помогают друг другу, рискуя собственной жизнью ради людей, которых они никогда не видели, понимаешь, что это действительно фантастика – украинцы демонстрируют свои лучшие черты, о наличии которых они, возможно, сами не догадывались. Они сегодняшние становятся лучше себя вчерашних.

«
Активно работаем на международной арене через диаспору, международные правозащитные сети, партнеров и друзей по всему миру. Постоянно ведем тематические кампании, особенно по «закрытию неба», по SWIFT, начинаем новую – по гуманитарным коридорам. Это огромная проблема, потому что РФ не дает разрешения на их открытие и расстреливает людей, пытающихся выбраться или получить гуманитарную помощь. Занимаемся документированием военных преступлений, сейчас прицельно собираем видеосвидетельства об умышленных нападениях на гражданские объекты и гражданское население. Враг использует военные преступления как тактику ведения этой войны.
»

Olexandra Matviychuk

28 березня о 16:29

Обращение Евромайдан SOS по поводу незаконного перемещения граждан Украины из Мариуполя и других украинских городов на территорию Российской Федерации

26 марта 2022 года

После вторжения Российской Федерации на территорию Украины 24 февраля 2022 Мариуполь оказался в блокаде российских войск. По сообщениям местных властей, инфраструктура города уничтожена на 80%; там наблюдается масштабная гуманитарная катастрофа.

Изюм, Волноваха, Ирпень, Иванков, Буча, Гостомель, Чернигов и другие украинские города оказались под прицельным огнем российской армии, которая несколько недель срывает попытки украинской стороны ввезти гуманитарные грузы и эвакуировать гражданское население.

В свою очередь Российская Федерация прибегает к военным преступлениям посредством незаконного перемещения гражданского населения из Мариуполя, Волновахи, Гостомеля и т. п. на территорию Российской Федерации.

По официальным сообщениям, жертвами такой практики уже стали несколько тысяч мариупольцев, среди которых примерно половина – жители Левобережного района Мариуполя. У части из них отсутствуют или изъяты документы, удостоверяющие личность. Этих людей вывозят на территорию РФ напрямую или через временно оккупированные территории востока Украины. Эти действия сопровождаются дезинформационной кампанией: российские военные сообщают о якобы установлении контроля над рядом украинских городов и о неспособности неоккупированных принять эвакуированное население.

Поступают сообщения о так называемых фильтрационных пунктах для дальнейшего перераспределения по разным городам России. Подобный лагерь уже функционирует во временно оккупированном Докучаевске Донецкой области. Людей допрашивают сотрудники ФСБ по поводу наличия родственников в Вооруженных Силах Украины и правоохранительных органах.

Описанные выше действия являются грубым нарушением международного гуманитарного права, в частности, статьи 49 Женевской конвенции (IV) о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года, статьи 85(4)(а) Дополнительного протокола (I) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года, обычного МГП и других положений.

К тому же, такое перемещение населения нельзя считать эвакуацией,

поскольку Российская Федерация тот момент не являлась государством-оккупантом Мариуполя. Даже если речь идет о принудительном перемещении населения из районов, находящихся под контролем российских оккупационных сил, оно также является противоправным, ведь: (1) перемещение осуществляется за пределы оккупированной территории без военной необходимости, людей отправляют в самые отдаленные уголки Российской Федерации с целью «поднятия экономики»; (2) изъятие паспортов и других украинских документов, удостоверяющих личность, свидетельствуют о том, что эта мера не временная, поскольку граждане Украины не имеют возможности вернуться; (3) захватчики разлучают семьи, отбирают средства связи и принуждают к труду; (4) Россия неоднократно отказывалась открывать гуманитарные коридоры для эвакуации жителей охваченных боевыми действиями населенных пунктов в более безопасные регионы на подконтрольной правительству территории Украины; (5) зафиксированы многочисленные случаи, когда российские войска обстреливали жителей, пытавшихся уехать в более безопасные регионы на подконтрольной правительству Украины территории. Все эти обстоятельства дают основания утверждать, что российские захватчики совершили военное преступление, предусмотренное статьей 8(2)(b)(viii) Римского устава Международного уголовного суда.

24 марта этого года Международный комитет Красного Креста обратился в Министерство иностранных дел РФ по поводу открытия офиса в Ростове-на-Дону на территории Российской Федерации.

Мы считаем, что в случае открытия офиса Международного комитета Красного Креста на территории государства-агрессора его основной задачей должна стать защита прав граждан Украины, незаконно перемещенных на территорию Российской Федерации, прекращение их дальнейшей транспортировки в отдаленные районы Российской Федерации, помощь с восстановлением документов, налаживание связей с их родными и скорейшее возвращение на территорию Украины.

Отдельно обращаем внимание на необходимость принятия БДИПЧ ОБСЕ, Постоянным советом ОБСЕ в Вене, Комиссаром Совета Европы по правам человека, мониторинговыми и конвенционными механизмами Совета Европы, географическими и тематическими мандатами ООН, Советом ООН по правам человека, Верховным комиссаром ООН по правам человека, Офисом ООН по координации гуманитарных дел, Международным комитетом Красного Креста и т. д. активных мер по защите граждан Украины, незаконно перемещенных на территорию Российской Федерации, и соблюдение международного гуманитарного права российской стороной.

Обращение открыто для подписания общественными организациями. Если Вы хотите поддержать обращение, пожалуйста, заполните эту форму: <https://forms.gle/BPgjetuCguDzjZ819>

Olexandra Matviychuk

27 березня о 17:37

Евромайдан SOS: список пропавших и задержанных Россией активистов и кампания совместных действий в их защиту

26 марта 2022 года

Евромайдан SOS обращает внимание на преследования представителей местного самоуправления, журналистов, религиозных деятелей, волонтеров и общественных активистов, которые находятся на временно оккупированных после вторжения России в феврале 2022 года украинских территориях.

Мы получаем обращения от пострадавших представителей гражданского общества и их родных, которые стали жертвами угроз, физического насилия, насильственных исчезновений, произвола и других форм преследования на территории Мелитополя, Херсона, Бердянска, Каховки, Славутича и других населенных пунктов.

В 2014 году Россия уже проводила такую умышленную политику с целью быстрого получения контроля над украинскими территориями. Тогда пророссийские незаконные вооруженные формирования физически уничтожали или заставляли выехать за пределы региона активных людей, которые мирным путем могли сопротивляться оккупации.

Сегодня Россия проводит эту политику сознательно, потому что не может удержать оккупированные ею города из-за активного сопротивления местного населения.

Учитывая растущее число случаев захвата заложников, эти действия следует рассматривать как запрещенный метод ведения войны. Это подтверждается специфической целью таких действий, направленных на принуждение представителей гражданского общества к сотрудничеству с представителями страны-агрессора или прекращение публичной деятельности правозащитников, журналистов и других лиц, находящихся под защитой в соответствии с нормами международного гуманитарного права.

Евромайдан SOS напоминает, что в условиях международного вооруженного конфликта категорически запрещено задержание гражданских лиц в соответствии со статьями 34, 49 Конвенции о защите гражданского населения от 12.08.1949 г., статьи 75 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., что касается защиты вооруженных конфликтов (Протокол 1) от 08.06.1977 года.

К тому же представители гражданского общества рассказывают о примененных к ним угрозах, незаконном физическом насилии и ненадлежащих условиях содержания, что нарушает гарантии обращения с гражданскими лицами и имеет состав военных преступлений.

В связи с вышеизложенным Евромайдан SOS призывает:

1. представителей гражданского общества Украины и других стран присоединиться к кампании в защиту людей, оставшихся один на один с оккупантом, и для этого заполнить эту форму: <https://forms.gle/enr5822SvPrjZC6Y7>

2. людей, ставших свидетелями задержания человека или имеющих любую другую информацию о преследованиях на оккупированных территориях, сообщить об этом в форме: <https://forms.gle/d9g8q51BikCE5pnN9>

3. БДИПЧ ОБСЕ, Постоянный совет ОБСЕ в Вене, Комиссара Совета Европы по правам человека, мониторинговые и конвенционные механизмы Совета Европы, географические и тематические мандаты ООН, Совет ООН по правам человека, Верховного комиссара ООН по правам человека, Офис ООН по координации гуманитарных дел (UN OCHA), Международный комитет Красного Креста обеспечить международное присутствие на временно оккупированных после вторжения России в феврале 2022 года украинских территориях и предпринимать активные действия для защиты представителей гражданского общества от преследований.

Ниже предоставляем публичную часть списка представителей гражданского общества, которые на 26 марта 2022 года исчезли или незаконно удерживаются Россией (список неполный и постоянно обновляется):

1. Татьяна Безлюдная, депутат поселкового совета села Андреевка Черниговской области.
2. Дмитрий Васильев, секретарь Новокаховского городского совета, город Новая Каховка Херсонской области.
3. Владимир Караберов, председатель Мангушской территориальной общины Мариупольского района Донецкой области.
4. Алексей Карцан, староста села Гремяч Новгород-Северского района Харьковской области.
5. Виктор Маруняк, староста Старозбурьевской ОТГ Старостинского округа Голопристанского городского совета Скадовского района Херсонской области.
6. Евгений Матвеев, мэр города Днепрорудное Запорожской области.
7. Александр Мусиенко, глава Чулаковской ОТГ Голопристанского района Херсонской области.
8. Юрий Палюх, секретарь Скадовского городского совета, город Скадовск Херсонской области.
9. Александр Пономарев, народный депутат Украины, пропал без вести в городе Бердянск.
10. Сергей Прийма, председатель Мелитопольского районного совета, город Мелитополь Запорожской области.
11. Иван Самойдюк, первый заместитель городского головы города Энергодар.
12. Николай Сикаленко, глава Циркуновской ОТГ Харьковского района Харьковской области.
13. Владимир Тюрин, заместитель руководителя Щастинского городского ВГА, город Счастье, Луганская область.
14. Александр Шаповалов, городской голова города Берислав, Херсонская область.

15. Николай Маслий, депутат городского совета города Купянск, Харьковская область.
16. Татьяна Свириденко, председатель Иванковского поселкового совета Вышгородского района Киевской области.
17. Александр Заровный, чиновник Олешковского городского совета Херсонской области.
18. Михаил Резников, пастор Церкви евангельских христиан-баптистов, город Мариуполь, Донецкая область.
19. Андрей Фоменко, служитель Церкви евангельских христиан-баптистов, город Мариуполь, Донецкая область.
20. Василий Вырозуб, священник Православной Церкви Украины, Одесская область.
21. Дмитрий Бодю, епископ Христианской евангельской церкви «Слово жизни», город Мелитополь, Запорожская область.
22. Сергей Цигип, общественный деятель, город Новая Каховка, Херсонская область.
23. Макс Левин, фотожурналист, пропал без вести на линии фронта под Киевом.
24. Михаил Кумок, издатель редакции «Мелитопольские ведомости», город Мелитополь, Запорожская область.
25. Владимир Васильевич Храпун, волонтер Красного креста, Киевская область.
26. Юлия Иванникова-Кацемо, волонтер красного креста, Киевская область.
27. Николай Будаковский, староста Андреевского старостинского округа, Черниговская область.
28. Александр Медведев, председатель Сновской ОТГ, Черниговская область.
29. Григорий Божко, бизнесмен, бывший депутат Черниговского облсовета, Черниговская область.
30. Дмитрий Афанасьев, депутат Корабельного райсовета, Херсонская обл.
31. Дмитрий Такаджи, председатель пгт Нижние Серогозы, Херсонская обл.
32. Ольга Петровна Сухенко, староста села Мотыжин Макаровской ОТГ
33. Игорь Викторович Талалай, волонтер (вывозил людей из Мариуполя в Днепр), пгт Мангуш, Донецкая область.
34. Юлия Паевская, волонтер и парамедик, город Мариуполь, Донецкая область.
35. Олег Мирошник, Беловодский поселковый голова, Луганская область.
36. Василий Митько, Никольский поселковый голова, Донецкая область.

Olexandra Matviychuk

24 березня о 13:59 · 🌐

Глобальная инициатива «Разорвать круг безнаказанности за военные преступления России» (сжатое название «Трибунал для Путина») Сегодня ровно месяц как Украина борется с новой волной вооруженной агрессии России. Кремль использует военные преступления как тактику ведения войны. Иностранцы обозреватели говорят об огромных потерях, а мы сопереживаем боли и страданиям мирного населения. Такие действия не оправдываются никакой военной необходимостью.

Российская Федерация и ее руководители избежали ответственности за военные преступления в Чечне, Молдове, Грузии, Сирии, Африке. Руководители российского режима ни разу не были наказаны, и это поощряло их к новым преступлениям. Мы объединяем наши усилия, чтобы на этот раз разорвать круг безнаказанности.

Украинский Хельсинский союз по правам человека (УХСПЧ), Харьковская правозащитная группа (ХПГ) и Центр гражданских свобод (ЦГС) создают глобальную инициативу для привлечения к ответственности за международные преступления в рамках вооруженной агрессии Российской Федерации против Украины.

Мы работаем вместе с самыми авторитетными в своих регионах общественными организациями: Чугуевской правозащитной группой, Северной правозащитной группой, Черкасским правозащитным центром, Херсонским областным фондом милосердия и здоровья, Херсонским отделением Комитета избирателей Украины, Территорией успеха в Кропивницком, Одесским областным отделением общественной организацией «МАРТ» в Чернигове, Образовательным домом прав человека в Чернигове, Подольской правовой лигой, Правозащитной группой «СИЧ» в Днепре, Центром правовых и политических исследований «СИМ» во Львове и другими (список обновляется). К инициативе присоединились общественные приемные УГСПЛ в Краматорске, Торецке, Мариуполе, Покровске, Черновцах, Черкассах, Запорожье, Ужгороде.

Мы будем совместно документировать события, в которых усматриваются признаки преступлений по Римскому уставу Международного уголовного суда (геноцид, преступления против человечности, военные преступления) во всех регионах страны, ставших объектом нападения Российской Федерации.

В частности, собирать доказательства и факты об умышленных нападениях на гражданских лиц, находящихся под защитой, и на гражданские объекты, об умышленных убийствах, пытках и жестоком обращении, изнасиловании и других формах сексуального насилия, насильственных исчезновениях, использовании охраняемых лиц в качестве «живых щитов», преследовании определенных групп (рома,

члены ЛГБТ-сообщества, верующие), использование оружия неизбирательного действия в населенных пунктах.

Мы будем проводить работу на международном уровне, чтобы прямо сейчас использовать существующие механизмы в ООН, Совете Европы, ОБСЕ, ЕС и Международном уголовном суде для прекращения этих грубых нарушений.

Мы открыты для присоединения организаций из Украины и других стран к партнерству. Также мы будем рады координации усилий с международными организациями и сетями, государственными органами, общественными организациями, волонтерскими инициативами и группами, которые также занимаются решением этих проблем для достижения общих целей.

Контакты представителей инициативы:

Александр Павличенко pavlichenko@helsinki.org.ua

Александра Матвийчук avalaina@gmail.com

Евгений Захаров zakharove@gmail.com

г. Харьков. Фото © Vlad Logvinenko

Светлана Старцева

56 лет, заместитель директора Департамента жилищной политики и благоустройства Министерства развития громад и территорий, г. Киев

Все, что произошло 24 февраля 2022, я уже переживала в 2014 году в Донецкой области. Я родом из Донецка, вывозила из-под бомбежки родителей и все, что могла вывезти на своих плечах; много раз уже переходила линию столкновения и знаю о войне больше, чем хотелось бы. И потому, когда война пришла в Киев, я очень переживала! Я смотрела на людей, которые бежали утром 24 февраля к своим автомобилям и уезжали из города, но решила, что сама никуда не поеду. Я начала все с нуля восемь лет назад и не могу снова все бро-

сить и бежать от войны. Сейчас я работаю и пытаюсь помочь тем, кто спасается от ужасов происходящего, кто пострадал от обстрелов и потерял свои дома, города, свою жизнь.

Министерство развития громад и территорий объединяет работу территориальных громад в Украине и мобилизует их для выполнения задач, поставленных Президентом Украины, Правительством и Верховной Радой. Самым актуальным вопросом для министерства на сегодняшний день является расселение людей, вынужденных переезжать в другие регионы страны для спасения своей жизни и жизни своих близких. Мы работаем над созданием условий для проживания этих людей. Помогаем областным администрациям, которые с момента введения военного положения стали военно-гражданскими администрациями, с налаживанием коммуникационных и организационных механизмов для установления связи тех, кто бежит от войны, с теми, кто готов их принять. С этой целью 19 марта 2022 года было принято постановление Кабинета Министров Украины № 333 «Об утверждении Порядка компенсации расходов за временное размещение внутренне перемещенных лиц, переместившихся в период военного положения и не получающих ежемесячную адресную помощь внутренне перемещенным лицам для покрытия расходов на проживание, в том числе на оплату жилищно-коммунальных услуг». Это одно из первых постановлений, разработанных нашим Министерством для помощи как ВПЛ, так и тем, кто их принимает.

Сейчас мы совместно с депутатами прорабатываем компенсаторные механизмы выплат гражданам Украины за жилье, разрушенное или поврежденное в результате боевых действий. Сегодня в Верховной Раде зарегистрировано 5 законопроектов на эту тему.

Коллектив нашего Департамента и Министерства в целом, в первую очередь его руководство, участвуют в разработке этих законопроектов. Мы стремимся к тому, чтобы как можно быстрее принять закон и перейти к разработке порядка финансового возмещения. Планируется, что граждане, лишившиеся жилья в результате вооруженной агрессии Российской Федерации, смогут либо сразу приобрести жилье на рынке, либо потратить средства, которые им будут предоставлены, на строительство. И я считаю, что принятие этого Закона важно также для того, чтобы люди понимали, что государство не бросило их один на один с их проблемами.

Кроме того, мы принимали непосредственное участие в подготовке предложений к постановлению Кабинета Министров Украины «Об утверждении Порядка определения ущерба, причиненного Украине в результате вооруженной агрессии Российской Федерации», где предусмотрено возмещение ущерба всем субъектам хозяйственной деятельности, в том числе: агропромышленному комплексу; предпринимателям; энергетическому комплексу; инфраструктурным объектам,

обеспечивающим жизнедеятельность – водоканалам, теплосетям; субъектам, осуществляющим управление жилищным фондом. Сейчас разрабатываются Методика расчета ущерба и нормативно-правовая база по возмещению убытков.

Большое внимание уделяется передислокации детей. Сегодня под эгидой Министерства социальной политики, Государственной службы по чрезвычайным ситуациям и Государственной службы защиты детей создан штаб «Дети», где разрабатываются механизмы защиты несовершеннолетних.

В условиях текущего военного положения в стране крайне сложная ситуация с оплатой за энергоносители, да и все другие коммунальные услуги. По объективным причинам люди не могут их оплачивать в полном объеме. Поэтому Министерство работает и в этом направлении. Также в спектр вопросов, которыми мы занимаемся, входит ликвидация последствий аварийных ситуаций.

Сейчас мы готовим встречу с облгосадминистрациями, органами местного самоуправления, ассоциацией городов Украины, ассоциацией объединенных территориальных громад, где будут рассмотрены Постановления Кабинета министров № 332 и № 333 о получении выплат на проживание и размещение внутренне перемещенных лиц, а также об информационной работе среди населения непосредственно в территориальных громадах. Для облегчения поиска жилья волонтерами создан, а правительством поддержан, электронный сервис «Убежище» («Прихисток»): <https://prykhystok.gov.ua>.

Министерство осуществляет постоянный мониторинг разрушений и повреждений объектов инфраструктурного и жилищного строительства на основании отчетов от облгосадминистраций. Все разрушенные дома поставлены на учет, собирается информация о владельцах разрушенного жилья.

«**С**егодня, по разным оценкам, на восстановление разрушений, вызванных нападением Российской Федерации, требуется не менее пятисот миллиардов долларов.»

Сегодня, по разным оценкам, на восстановление разрушений, вызванных агрессией со стороны Российской Федерации, требуется не менее пятисот миллиардов долларов.

Для получения нашими гражданами временного жилья мы работаем сейчас по двум направлениям:

1. Собирается информация о потребностях в модульных домиках, где жили беженцы из Луганска и Донецка после военной агрессии Российской Федерации 2014-го года. В то время в Украине было шесть модульных городков, где размещались внутренне перемещенные лица. Европейские страны предлагают такие дома в качестве гуманитарной помощи для быстрого расположения на безопасных территориях в Украине. Эта помощь уже идет в нашу страну.
2. Мы ищем возможности скорейшего создания разных Фондов, в т. ч. жилищного фонда социального назначения, который органы местного самоуправления могут самостоятельно формировать из неповрежденных помещений и переоборудовать их под жилье для тех, кто его потерял.

Что касается постоянного жилья, тут тоже два направления:

1. Жилье по льготным программам.
2. Жилье по программам возмещения разрушенного или утраченного жилья.

Я верю в нашу Победу! Мы построим новую прекрасную страну. В будущее я смотрю только с оптимизмом.

Ирина Шумик

39 лет, Генеральный директор директората профессионального образования Министерства образования и науки Украины, г. Киев

После 24 февраля мы все перешли в режим работы 24/7. Сейчас для нас уже нет выходных и вечерних переработок, а также времени на отдых, а все потому, что мы осознаем ответственность и задачи, которые стоят и перед Министерством образования и науки Украины, и перед каждым из нас лично. И я, занимая должность такого уровня, чувствую большую ответственность за тех людей, которые находятся как рядом со мной, так и за моей спиной. Конечно, постоянные воздушные тревоги (я сейчас нахожусь в Киеве), морально-тяжелые сообщения о гибели людей и уничтожении городов выбивают из колеи. Но я постоянно чувствую поддержку коллег, с которыми мы общаемся по всем доступным каналам связи. Они меня вдохновляют и помогают двигаться вперед. Когда-то мой дед, родом с Волыни, говорил: «Терпи казак – атаманом будешь». И я понимаю, что сегодня не имею права быть слабой.

Министерство образования и науки создало сайт <https://saveschools.in.ua/>, на котором размещает достоверную информацию: о количестве детей войны – 7 миллионов; о количестве поврежденных учебных заведений – 649 (по состоянию на 27.03.2022), из них 74 разрушены полностью. Информация предоставляется на украинском и английском языках – мы пытаемся донести до цивилизованного мира последствия российской агрессии. Есть также данные в виде инфографики о разрушениях по каждому региону Украины с фотографиями руин учебных заведений. Пока отсутствует полная информация о Луганской, Киевской и Черниговской областях. Нет связи с людьми. В Мариуполе фактически уже ничего не осталось от учебных заведений. Информация, которую мы получаем от коллег из регионов, постоянно обновляется на этом сайте, поэтому она достоверна.

Сейчас Министерство образования и науки Украины работает над новым порядком поступления в учебные заведения для получения высшего и профессионального образования. Мы стараемся максимально сохранить прозрачность и единство подходов к оценке знаний абитуриентов. В то же время мы хотим сделать эту вступительную кампанию комфортной для молодежи, ведь в этом году они переживают большой стресс, а некоторые даже лишены возможности посещать школу.

Для организации обучения детей, которые находятся в зоне активных боевых действий или выехали за границу, у нас функционирует Всеукраинская школа онлайн. Министерство сделало доступ к этой школе свободным и удобным. Кроме того, организована трансляция школьных уроков на телевизионных каналах по единому всеукраинскому расписанию, которое публикуется на сайте Министерства. Другие частные онлайн-школы, например «Атмосферная школа» и «Optima», принимают к себе бесплатно всех желающих, что обеспечивает непрерывность учебного процесса.

Для организации обучения детей, которые находятся в зоне активных боевых действий или выехали за границу, у нас функционирует Всеукраинская школа онлайн. Министерство сделало доступ к этой школе свободным и удобным. Кроме того, организована трансляция школьных уроков на телевизионных каналах по единому всеукраинскому расписанию, которое публикуется на сайте Министерства. Другие частные онлайн-школы, например «Атмосферная школа» и «Optima», принимают к себе бесплатно всех желающих, что обеспечивает непрерывность учебного процесса.

Должна отметить, что сегодня есть учебные заведения в Херсонской и Донецкой областях, где преподаватели, находясь в оккупации, организовали дистанционное обучение. Помогает в этой ситуации то, что за два года пандемии COVID-19 было налажено дистанционное образование, так что и дети, и преподаватели имеют как инструменты, так и навыки обучения в таком формате.

И все равно мы сталкиваемся с большим количеством вызовов, в частности в сфере профессионально-технического образования. Прежде всего – это сложность проведения практических занятий, поскольку приобретение профессии основывается на овладении определенными навыками: портниха должна сидеть за машинкой – шить; повар должен стоять за плитой – готовить. Поэтому сегодня мы максимально реструктуризировали учебные программы и планы: там, где работает экономика, мы продолжаем работать в обычном формате; там, где сегодня это невозможно, мы ищем дополнительные ресурсы. Также мы разрабатываем методические рекомендации и выкладываем на сайте министерства. А сейчас ведем переговоры с международными партнерами по предоставлению доступа к онлайн-тренажерам, которые позволят отработать требуемые навыки.

Для студентов, выехавших из-за войны за границу, сегодня применяется принцип обучения по программам академической мобильности. И мы благодарны нашим европейским партнерам, которые поддерживают мнение, что наши студенты должны заканчивать украинские учебные заведения, должны учиться по нашим программам, поэтому у нас максимально происходит обмен этими программами и адаптация содержания образования. Самая большая проблема – это то, что дети находятся в стрессе, они в растерянности, не понимают, что делать, поэтому сейчас дополнительно мы готовим образовательный чат-бот, где будет обобщена информация об образовании с доступом как в Украине, так и за ее пределами.

В заключение хочу высказать свое личное мнение. В последние дни появились высказывания касательно организации образовательного процесса во время войны. Меня очень удивляет позиция «как можно говорить об учебе, школы разрушены, мы в подвалах, какое может быть обучение» и т. д. Но разве лучше бросить их на произвол судьбы – один на один со своими страхами, психологическими травмами, вызванными войной? Я не понимаю тех людей, которые считают, что так было бы правильно.

И знаете, я вот думаю, что эту «катастрофу» разгоняют сидящие в безопасности диванные эксперты и любители телевизора. Ибо те, кто на самом деле страдают, не выходят днями из подвалов, им явно не до того. Они используют все доступные возможности для развития своих детей, поют с ними песни, рисуют, учат стихи, читают книги.

Очевидно, что одно из наших преимуществ в этой войне – образованность!

«
Министерство образования и науки создало сайт <https://saveschools.in.ua/>, на котором размещает достоверную информацию: о количестве детей войны – 7 миллионов; о количестве поврежденных учебных заведений – 649 (по состоянию на 27.03.2022), из них 74 разрушены полностью. Информация предоставляется на украинском и английском языках – мы пытаемся донести до цивилизованного мира последствия российской агрессии.
»

Светлана Саламатова

54 года, президентка Геополитического альянса женщин, глава делегации, «Украинские женщины в поддержку работы ООН», г. Киев

XXI век. Европа. Соседняя страна отбирает территории, уничтожает все вокруг: убивает детей, женщин, мужчин, тысячи семей, которые живут в свободном суверенном государстве и борются за свое право на самоопределение; превращает в руины города и села, дороги и аэропорты, заводы – нашу Родину... При этом захватчики проводят тысячные митинги и концерты, цель которых укрепить боевой дух россиян, нацелить на уничтожение европейцев как врагов страны, возглавляемой марзматином-рашистом.

Нет. Это не триллер. Это действительность. Это трагедия XXI века.

Вскоре эта зараза «русских скрепов» расплзется по Европе, и уже здесь «освободители» будут убивать мирное население... Готовься, Европа! Политическими компромиссами уже не обойтись...

Сегодня я нахожусь в Румынии, куда вывезла свою семью шестого марта. У меня на попечении двое пожилых людей с нестабильным состоянием здоровья и несовершеннолетняя дочь.

Я всегда считала, что каждый человек может быть максимально полезен, когда делает то, что умеет и любит. Сегодня две мои главные задачи – сделать максимально комфортной жизнь украинок и их детей в Румынии и продолжать освещать ситуацию в Украине для международного сообщества.

На этой неделе в качестве главы независимой делегации украинских женщин в Организации Объединенных Наций имела честь представлять Украину на 66-й сессии ООН по положению женщин. Рассказывала международному сообществу о происходящем: о Мариуполе, о нарушении Россией международных норм, об УМЫШЛЕННОМ убийстве женщин и детей, о необходимости закрытия неба...

Важной темой, которую даже вынесли в рамках сессии в отдельное мероприятие, является разминирование украинских территорий. Сегодня 1/6 территории Украины заминирована, и мы должны думать о последствиях уже сейчас. Мы обязательно победим! Но нам понадобится почти сто лет

На этой неделе в качестве главы независимой делегации украинских женщин в Организации Объединенных Наций имела честь представлять Украину на 66-й сессии ООН по положению женщин. Рассказывала международному сообществу о происходящем: о Мариуполе, о нарушении Россией международных норм, об УМЫШЛЕННОМ убийстве женщин и детей, о необходимости закрытия неба...

для разминирования. Поэтому нами уже создан международный консорциум, включающий в себя ведущих специалистов в этой области и общественные организации, которые будут курировать этот вопрос.

Подобные инициативы помогут освободить нашу землю от мин оккупантов, небо – от самолетов и ракет, а сердца украинцев – от боли.

С помощью наших румынских друзей нам удалось уже многого добиться. В первые же дни мы встретились с послом Украины в Румынии Пауном Роговейем, договорились об образовательном проекте с посольством. После встречи с мэром Бухареста Клотильдой Армонд получили прекрасное помещение в самом центре города на 600 м² для организации досуга минимум тридцати украинских детей, что, в свою очередь, даст их мамам время и возможность адаптироваться и подумать о будущем. Очевидно, что уже через несколько недель, если мы еще не выиграем войну и не вернемся, чтобы отстраивать страну и восстанавливать экономику, перед нами остро встанет вопрос самообеспечения и занятости. Поэтому трудоустройство украинок является приоритетной задачей.

Хочу поблагодарить все государства мира, которые поддерживают сегодня украинцев и украинок, особенно находящихся за границей без средств к существованию и возможности вернуться в свои города и дома. Спасибо, друзья!

Нас никому не одолеть! Украинцы никогда не сдадутся!

Слава Украине!

РАЗДЕЛ VI. Наши руки, плечи, крылья (истории волонтерок, активисток и работающих женщин)

*Не колеблясь иди вперед,
Не сводя взгляда с цели,
У тебя есть ум, сердце, хребет,
Помыслы чистые, а взгляды зрелые.*

*(группа «Без ограничений»,
песня «Воля»)*

Волонтерство. Фото «Второй дом ИФ».

Ольга Шульгач-Попенко

42 года, семейный врач, г. Киев

Утро 24 февраля для меня началось как любое другое. Из-за высоких нагрузок, ставших для медиков привычными за время пандемии, я просто не слышала взрывов под утро. Мы с моей несовершеннолетней дочерью собирались в школу и на работу, когда мне позвонил мой бывший муж, проживающий в Ирпене, и сообщил, что началась война... Я ни минуты не колебалась – сразу решила, что буду оставаться в Киеве и помогать пациентам, большинство из которых за годы работы стали мне как родные.

В первый день на работу вышли только четыре врача: кто-то жил в отдаленных районах и не мог добраться до поликлиники, а кто-то наспех выехал из города. Для многих в первые дни Киев казался самым опасным местом. Многие мои коллеги в буквальном смысле застряли в Ирпене, Гостомеле, Буче.

В подвале поликлиники первые недели люди прятались как в бомбоубежище: женщины с маленькими детьми фактически жили там, покидая его всего на несколько часов в сутки, чтобы достать еду и принести необходимое ребенку. Однако после выявления у одной из семей коронавирусной инфекции было принято решение о закрытии подвала. Таким образом, единственным доступным бомбоубежищем для моих пациентов стали две станции метрополитена, расположенные на расстоянии полутора и двух километров от поликлиники.

Сегодня нас пятеро врачей, работающих с 10.00 до 18.00 семь дней в неделю. Наши функциональные обязанности очень круто изменились: кроме обычных консультаций, добавились консультации онлайн, так как мы не можем бросить на произвол судьбы вынужденных переселенцев. Если раньше врач отвечал только за назначение препарата, сегодня на наши плечи легли также вопросы логистики. Я постоянно нахожусь в контакте с волонтерами, благодаря которым осуществляется доставка лекарств пациентам. Отдельный вопрос – организация доставки лекарств людям, находящимся в других регионах Украины или за границей. Я никогда так много не говорила по телефону!

« **Наши функциональные обязанности очень круто изменились: кроме обычных консультаций, добавились консультации онлайн, так как мы не можем бросить на произвол судьбы вынужденных переселенцев. Если раньше врач отвечал только за назначение препарата, сегодня на наши плечи легли также вопросы логистики. Я постоянно нахожусь в контакте с волонтерами, благодаря которым осуществляется доставка лекарства пациентам.** »

Ощутимо изменилось содержание запросов, с которыми пациенты приходят в поликлинику. До сих пор востребованной остается услуга по вакцинированию, особенно среди тех, кто планирует уезжать в страны ЕС; часто обращаются представители ВСУ и ТрО с жалобами от банального насморка

каждую минуту была с ним на связи, когда он прорывался сквозь вражеские блокпосты глухими лесными тропинками. Я просто не могу себе этого позволить! Не могу – потому что после нашего почти получасового разговора человеку становится легче, возможно, он даже поспит несколько часов в перерывах между сиренами, а через день снова придет за новой порцией успокоения.

и до травм средней тяжести; звонят и приходят пациенты, нуждающиеся в систематическом приеме конкретных препаратов, но не имеющие возможности их достать, ведь простоять 3–5 часов в очереди не каждый в состоянии.

Военное положение заставило медиков развить в себе коммуникативные и менеджерские навыки: сегодня каждый из нас, оставшихся здесь, уже собрал множество контактов волонтеров и фармацевтов, к которым можно обратиться за необходимыми лекарствами. В некоторых случаях мы покупаем препараты за свой счет и отправляем нуждающимся. Однако, стоит отметить, что благодаря городским властям мы имеем такие запасы базовых лекарств, о которых могли только мечтать в довоенные времена, что очень облегчает нашу работу.

Но самый главный навык, который мне пришлось приобрести, – оказание психологической помощи. Наибольшее количество пациентов обращается с паническими атаками, бессонницей, чувствами страха и отчаяния. Чаще всего, это молодые люди. Кто-то уже потерял близких или не может выйти с ними на связь в течение длительного времени, кто-то переживает за своих детей, но не имеет ни физической, ни финансовой возможности их вывезти, кто-то переживает за свое имущество... всех их объединяет острое чувство беспомощности и неуверенности в завтрашнем дне.

Поэтому я не имею права опускать руки ни на минуту, я не могу показать, что мне тоже страшно, и что неделю назад, поддавшись панике, я три дня подряд пыталась вывезти свою дочь к родителям в Ровенскую область. Мы сутками находились на вокзале в ожидании поезда Лиман-Львов, единственного проезжающего мимо городка моего детства, однако ни разу поезд в Киев так и не доехал, постоянно попадая под обстрелы. На пятый день войны я как сумашедшая кричала в трубку своему бывшему мужу, отцу моей дочери, чтобы он немедленно выезжал из Ирпена, и

Дарья Драновська

37 лет, директор по персоналу Еридон-Агро, г. Киев

24 февраля я проснулась в Киеве от взрыва. От взрыва! В Киеве!!!

Думала, что приснилось. Но от второго взрыва задрожали окна и сомнений не осталось. Я бросилась читать новости и меня затошнило от ужаса. Заставить себя немного поесть я смогла только через два дня. Тот четверг был бесконечным, ужасным, невыносимым. Но что-то должно быть стабильным в жизни. Для меня это моя работа. Я работаю HR директором в аграрном холдинге, в состав которого входит одиннадцать отдельных сельскохозяйственных предприятий. Мы занимаемся важным для Украины делом: возделываем землю, доим коров и выращиваем бычков.

Поэтому если не знаешь, что тебе делать – работай! Делай то, что умеешь лучше всего! Я собралась и поехала в офис, как и большинство моих коллег. Но рабочий день закончился, когда мимо окон наших кабинетов пролетели истребители. Пришлось разъехаться по домам. Дома тоже было неспокойно, уже под вечер гремели взрывы в Гостомеле и Буче. Решение пришло не сразу. После нескольких часов споров и сомнений, решили ехать на одно из наших предприятий. Я, моя мама, семья сестры с двумя маленькими детьми – все мы с одной сумкой вещей втиснулись в машину и уехали за пределы Киева. Думали, на пару дней. Помогли коллеги – нашли дом в селе, встретили, принесли детям парного молока. Люди – они удивительные! Никогда не забуду эту поддержку от знакомых и незнакомых, но замечательных людей.

Я всегда мечтала работать рядом с домом, и вот моя мечта сбылась: я проснулась на второй день в деревне за 90 км от Киева. Но в доме без воды, без отопления и без электричества, с двумя маленькими детьми и почти без теплой одежды. Хотя были и хорошие новости – офис предприятия располагается совсем рядом, в семи минутах пешком. Правду говорят, что с желаниями нужно быть осторожнее.

В нашей новой реальности вопросы посевной, ремонта техники, привесов на откорме или надоев сменились другими задачами: получить автоматы для территориальной обороны, найти горючее для армии, предоставить погрузчик для строительства блок-поста, эвакуировать коллегу из Бучи, выдать зарплату на неделю раньше и еще масса подобных задач. Сначала удивительно было слышать такое от агрономов и инженеров, но война быстро вошла в наши будни, каждый день подбрасывая новые вызовы. И уже стали рутинными проблемы, от которых меня бросало бы в холодный пот еще несколько месяцев назад.

«
Этично ли удерживать на работе трактористов, которые крайне нужны нам на посевной, но хотят идти добровольцами в армию? А посевная уже вот-вот... Уже начинаем выходить в поля. Пугает неизвестность. Сегодня никто не уверен, что по той земле, которую обрабатывают наши трактора, не поедут вражеские танки. Мы не знаем, сможем ли собрать урожай осенью.»

Весна всегда самое горячее время для аграриев, постоянно множатся нестандартные и даже творческие задачи. Но в этом году требуется невиданная доселе креативность! Например, нужно за один день найти деньги, организовать начисление и выплату нескольких десятков миллионов бонусов работникам на месяц раньше, потому что никто не знает, что будет дальше, возможно, эти деньги смогут спасти чью-то жизнь. Нужно найти охрану с оружием, которая может сопроводить бензовозы с дизелем, потому что горючее нашли только в другой области, а там опасно. Требуется передать гуманитарную помощь в Киев: нужны броники, ведь столицу обстреливают. Армии нужны грузовые автомобили – отдаем, но надо же думать, чем их заменить. Тут же возникает вопрос – этично ли удерживать на работе трактористов, которые крайне нужны нам на посевной, но хотят идти добровольцами в армию? А посевная уже вот-вот... Уже начинаем выходить в поля.

Пугает неизвестность. Сегодня никто не уверен, что по той земле, которую обрабатывают наши трактора, не поедут вражеские танки. Мы не знаем, сможем ли собрать урожай осенью. Еще больше тревожат фермы, ведь они очень чувствительны к любым изменениям в логистике. Корма, лекарства, расходные материалы требуются каждый день. Ежедневно нужно отгружать молоко. Ежедневно должны приезжать на работу люди.

Агро – это игра в долгую. Это о вложении усилий и денег с верой в свою землю и мастерство агрономов, чтобы спустя много месяцев получить результат. Наш производственный цикл – год, поэтому мы, как правило, тщательно планируем на двенадцать месяцев вперед. Вернее, планировали. До 24 февраля. Но не сегодня. Все планирование сейчас осуществляется с перспективой максимум на один день.

Но мы все равно будем сеять! Из полутора тысяч наших сотрудников выехали за границу только три человека. Еще несколько переехали в западные регионы, а 99% остались на месте. Это не плохо и не хорошо. Это факт. Мы будем сеять! Пока есть возможность – работать будем на фермах и в полях. Мы это любим и умеем. Руководители наших предприятий уже месяц как почти не спят. Но все собраны, злы и готовы делать все, чтобы Украина была сытая, свободная и сильная!

«
Поэтому если не знаешь, что тебе делать – работай! Делай то, что умеешь лучше всего!»

Евгения Минаева

27 лет, маркетологиня, г. Львов / г. Сумы

Есть такой русский городок Суджа. Это час-полтора машиной от Сум. Мои родные Сумы, которые я все еще считаю своим домом, хоть и живу во Львове последние шесть лет. Когда я узнала о скоплении российских войск у границ Украины, то словно набат услышала. Именно в Суджу со всей Курской области стягивали технику и личный состав.

Еще за несколько месяцев до «Дня Икс» я была уверена на 90%, что полномасштабному вторжению быть. Диктаторы такого уровня не умеют понижать ставки. Более того, из-за ситуации внутри РФ, Путин нуждался во внешнем враге. По

крайней мере, именно такой логикой я руководствовалась, когда решила готовиться к войне.

Можете вообразить, какой чудачкой я казалась другим и самой себе, когда залила пару канистр топлива, закупила несколько ящиков стратегически важных товаров. Но знакомые военные разделяли мою встревоженность; именно благодаря их наставлениям я подготовилась сама и подсказала родным, что делать до и после вероятного наступления.

24 февраля я проснулась с чувством раздражения в отеле в Трускавце. Меня взбесило, что кому-то пришло в голову тестировать сигнал воздушной тревоги именно тогда, когда граждане и без того слишком встревожены новостями. Взяла в руки телефон, а там: «Женя, это война!». Как сейчас помню – первое, что увидела, это новость с заголовком «...пошли на прорыв в Сумской области».

Наш город оцепили очень быстро. Кстати, по состоянию на 20 марта Сумы мочат врага настолько беспощадно, что, думаю, россияне уже трижды должны были пожалеть, что вообще пришли туда. Как у нас шутят, вторая армия мира могла поставить весь мир на колени, но была слишком занята тем, что получала сокрушительную взбучку в селе под Сумами.

Я не буду и не хочу описывать, как моя семья выбиралась оттуда. Они здесь, все живы, все в безопасности! Нас спасло то, что мы – профессиональные туристы. А быть туристом значит иметь привычку быстро адаптироваться к невзгодам, плохой погоде, сложным маршрутам, физическим нагрузкам, дискомфорту и т. д. И на фоне этого еще больше ценить маленькие и большие обычные радости.

«
Ведь каждый волонтер – это боец второго фронта. Я не слышала, чтобы волонтеры нуждались в золотых табличках с собственными именами и перечнем побед... Индивидуальных зачетов в волонтерстве не существует... Однако важно понимать: для волонтера Имя, Репутация и Доверие – это капитал.

Как у нас шутят, вторая армия мира могла поставить весь мир на колени, но была слишком занята тем, что получала сокрушительную взбучку в селе под Сумами.

С первого дня я с головой погрузилась в волонтерство. Как раз накануне 24 февраля я должна была зайти партнером в один интересный мне бизнес, но когда на города нашей страны начали падать бомбы, поняла, что думать о работе я не могу. Какие брейнсторминги, таски, дедлайны могут быть, если мои друзья берут в руки автоматы? Я с автоматом тоже чего-то да и стою, но мозгами я пока могу больше.

Знаю, здесь пора описать, сколько всего сделала наша волонтерская группа. Честно – не могу. Вся наша работа в абзац не уместится, ведь мы превратили за месяц более полумиллиона гривен в аккумуляторы, броню, фонарики, рации, спальники, тепловизоры и т. д. Работали по 10–14 часов в день, без выходных... и продолжаем в том же духе. Ибо есть эта адская энергия, что толкает в самую гущу событий. Это какой-то азарт, жажда, мания. Находить, покупать, доставлять.

Но подробно расписывать не вижу смысла. Одно скажу – маркетинговый и управленческий опыт, навыки, полученные после обучения в бизнес-школе, сейчас очень помогают. Ведь каждый волонтер – это боец второго фронта. Я не слышала, чтобы волонтеры нуждались в золотых табличках с собственными

именами и перечнем побед. Мне вообще безразлично, вспомнят ли меня те, кому я помогла. Более того, индивидуальных зачетов в волонтерстве не существует. От слова «совсем». Просто не выйдет. Представьте, чтобы упаковать одну машину с различными нужными вещами для ТрО в «горячем» регионе, в комплектации и доставке может быть задействовано от трех до ста человек в зависимости от сложности запроса.

Знаете, как все это происходит и почему удастся? Началась война – и мессенджеры наполнились чатами. Люди из ближайшего окружения – знакомые по бизнесу, учебе, работе, хобби, совместным путешествиям и т. п. – начали ситуативно и стихийно объединяться в группы и команды без конкретных целей и ролей. Это полная анархия, но максимально результативная. В эти чаты люди пришли со своими талантами, возможностями, связями и ресурсами, которыми стали быстро

обмениваться. Это может звучать сумбурно, потому что я пишу это после бессонной ночи охоты на турникеты. Однако важно понимать: для волонтера Имя, Репутация и Доверие – это капитал. Наши имена – это ключи к дверям, которые раньше было невероятно трудно открывать.

Другими словами, де факто, волонтерское сообщество достаточно закрыто – трудно попасть туда «с улицы» поскольку мы не работаем с незнакомыми нам людьми – ни заказчиками, ни исполнителями. Личное знакомство и доверие очень важны, поскольку существуют печально известные риски диверсий, дезинформации и банальной некомпетентности. Поэтому именно доверие обеспечивает слаженную работу всего «механизма».

Если честно, я могла бы книгу написать о том, как мы сейчас живем. Про разрушенные мечты мирного времени, о том, как прекрасны наши мечты, возникшие на руинах. Как я ненавижу и обожаю свою работу волонтера: контекст – ужасный, люди и процесс – прекрасны. Как я люблю явление стихийного волонтерского бартера, иногда напоминающего новый вид платонической любви между едва знакомыми людьми с общими ценностями. Как я ненавижу захватчиков и почему готова стать в ряды ВСУ, ТрО и партизан, если будет такая возможность... И как люблю каждого из нас, украинцев... У каждого и каждой из нас теперь столько историй.

Я хочу, чтобы после победы эти истории были рассказаны и услышаны. А сейчас – нужно много работать, чтобы наша победа наступила как можно быстрее. Обнимаю вас, читатели, где бы вы ни были. Всё будет Украина!

г. Ивано-Франковск. Фото Ирины Перезовой

Ирина Перевозова

47 лет, заведующая кафедрой, профессор,
г. Ивано-Франковск

«Это какой-то сюр!...Такого в реальности не может быть!» – это были первые мысли утром 24 февраля 2022, когда раздались взрывы в районе аэропорта. Затем звонок сына и слова: «Мама! Это война? и мое: «Сыночек, набирай Дариночку и езжайте немедленно ко мне! Мы должны быть все вместе!».

Дети!... Все мамы хорошо знают это парализующее чувство страха за детей. Кто бы мне не рассказывал о стойкости, твердости духа и холодном уме – все это теряется перед страхом за находящихся в опасности детей, как своих, так и

чужих..., и не важно сколько детям лет! Когда через пару минут увидела по видеосвязи испуганное лицо семилетней дочери своей подруги из Днепра и услышала из детских уст: «Ира! На нас бомбы бросали», – мое сердце сжалось так, что дышать было невозможно. В голове только раздавалось «Боже, спаси! Боже, отведи!» Вдох, выдох, вдох, выдох... Я пыталась взять себя в руки, ведь у меня не было времени на испуг, на растерянность, на жалость к себе. Я должна действовать: определить, кто и чем из моих детей будет занят; позвонить родителям, которые на протяжении многих лет очень серьезно болеют, услышать, что у них все стабильно; позвонить брату и узнать, что в Одессе все под контролем; связаться с коллегами на кафедре, объяснить, как разговаривать со студентами; составить план действий...

А дальше сплошной поток звонков, событий, информации, людей... Людей, за которых волнуешься, которым помогаешь, которых встречаешь, которых отправляешь, которым пишешь, которым объясняешь, которых успокаиваешь...и тех, которых никогда больше не услышишь... Не услышишь, потому что ушли в мир иной... А что касается других, то сейчас нет времени, чтобы разложить, проанализировать и осознать, почему и когда образовалась пропасть между тобой и теми, кого считала друзьями в России, Беларуси и за рубежом. Не буду думать об этом сегодня, подумаю об этом завтра...

За эти дни войны произошла идентификация принадлежности Родине, усилилось понимание дружбы как человеческой, так и профессиональной: четкая коммуникация, поддержка, координация совместных действий для решения конкретной задачи – еще раз оценила силу профессиональных объединений и друзей. Можно многое написать о контуженных детях, беременной женщине и людях с нарушенной психикой, сбежавших от войны из Харькова, Херсона, Сум, Мариуполя, Киева, которых принимала за эти дни; о сотнях электронных писем к своим знакомым и коллегам в разных странах мира с просьбами приютить беженцев; о тысячах телефонных звонков волонтерам насчет передач и машин с гуманитаркой; о дозволах подругам в Буче, Мариуполе, Чернигове и Сумах, которые неделями были под завалами в подвалах и погребах; о ежедневных попытках

«

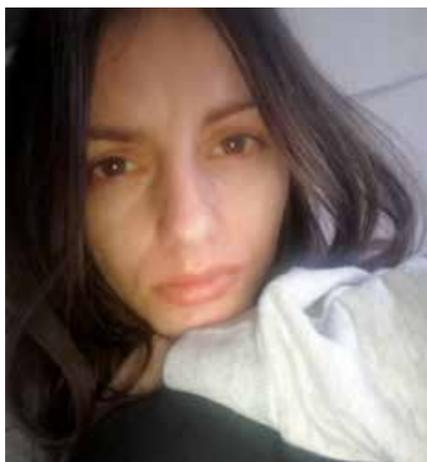
**Гибнут военные, гибнут гражданские, гибнут дети!
А так не должно быть!! Это нужно прекратить немедленно!!! И как это допустили?! Почему так тянут и долго размышляют с закрытием неба над Украиной?! Именно эти вопросы не дают спать, а не сигналы воздушной тревоги..**

»

расселить внутренне перемещенных лиц из зоны военных действий в нашем городе; о поисках лекарств, бронежилетов, касок, карематов и всего прочего на нужды теробороны и военных... Да, можно, но стоит ли, ведь я была все это время не сама и в родном городе, где, слава Богу, не стреляют! А там, куда это все отправляется и откуда убегают эти люди, идут активные боевые действия, ракетные обстрелы! Гибнут военные, гибнут гражданские, гибнут дети! А так не должно быть! Это нужно прекратить немедленно!!! И как это допустили?! Почему так тянут и долго размышляют с закрытием неба над Украиной?! Именно эти вопросы не дают спать, а не сигналы воздушной тревоги.

Очень скоро весна вступит в свои права – будет много цветов, солнца и зелени. Я мечтаю, чтобы тогда уже не было слышно выстрелов ни в одном уголке нашей страны, чтобы никто не звонил мне ночью с просьбой об убежище и помощи, а только с радостными новостями. Тогда найдутся силы сосредоточиться и на собственной борьбе – с болезнью, которая, как оккупант, хочет отнять жизнь.

Алена Кривуляк

31 год, Общественная организация «Ла Страда-Украина», г. Киев / г. Макаров

Удивительно, но я помню почти каждую минуту 23 февраля 2022 года.

Это был какой-то бесконечно утомительный рабочий день. Но сейчас я бы отдала все на свете, чтобы в тот день вернуться. Сейчас мне так хочется, чтобы он длился вечно. А тогда я даже не могла себе представить, что это был финальный день по-настоящему счастливой жизни.

День, после которого все изменилось.

23 февраля руководство на работе сказало, что необходимо провести встречу с консультантами и консультантками Национальных горячих линий, работу которых обеспечивает Общественная организация «Ла Страда-Украина». Тема встречи – «План экстренного реагирования консультантов и консультанток Национальных горячих линий в случае военных действий». Я провела эту мероприятие, но мой внутренний голос шептал: «Ну нет. Мы живем в 2022 г. О какой полномасштабной войне может идти речь? Ну не может быть рашка такой отмороженной, чтобы решиться на такое!»

« Я оказываю психологическую поддержку 24/7 всем детям, обращающимся на Национальную горячую линию для детей и молодежи. Иногда мне кажется, что это не очень значимый вклад в будущую победу, но я хочу и могу это делать. Делать хорошо! И пусть этот маленький кирпичик тоже будет в фундаменте победы моей страны! »

Около 6 часов утра 24 февраля 2022 г. меня разбудил звонок мамы:

- Аленка, как ты?! По телевизору сказали, что бомбят Борисполь!
- Ма, выключи телевизор!!! Что за фигню ты смотришь?! Чего ты вообще так рано очнулась?!!

Я накричала на маму и бросила трубку. В голове роились вопросы: «Ну что за бред? Какой телевизор? Какой Борисполь?»

Потом я очень долго ругала себя – как можно было спать так крепко, чтобы не слышать взрывов? Как это возможно?

Никогда раньше я не слышала звук сирены вживую... 24 февраля 2022 г. он просто пронзил меня насквозь – пугающий, ужасный, неприятный звук...

Что мне делать? Одеться, взять тревожный чемоданчик, спуститься в бомбоубежище... Бомбоубежище... Я бежала в бомбоубежище... Люди говорили о том, что сегодня не работает завод и не нужно идти на работу... И мне тоже сегодня не нужно идти на работу... Но как же сильно я хочу на работу ... Просто хочу, чтобы все было, как вчера... А вынуждена бежать в бомбоубежище... Бомбоубежище...

- Мам, со мной все хорошо... Извини, что я на тебя накричала утром... Я приеду сегодня домой... Я попробую... Я люблю тебя очень сильно...

Вечером я уже была в Макарове и крепко обняла своих родителей. Мне кажется, что за всю свою жизнь я не обнимала родителей так сильно, как тогда.

Обстрелы. Взрывы. Это мой родной Макаров. Поселок, где я родилась, сделала свои первые шаги, сказала свои первые слова, пошла в детский сад и в школу. Как сильно я люблю свой родной городок. Орки стирают его с лица земли. Они убивают людей. Мирных людей. Им все равно – женщины, люди преклонного возраста, дети. Им все равно кого... Ненавижу... Бездушные животные...

Снаряд попал в дом моей одноклассницы... К счастью, все остались живы... У моей одноклассницы больше нет дома...

Оккупанты убили моего друга и мою первую любовь... Люди, которых я очень хорошо знаю... Их больше нет... Это мое близкое окружение...

Я боюсь за маму... Она военнообязанная... Она медицинский работник... Она оказывает помощь нашим ребятам... Много крови... Оторванные части тела... Так страшно... Мам, я так сильно тебя люблю... Ты – моя ГЕРОИНЯ...

А что я? Я оказываю помощь и поддержку детям, которые обращаются на Национальную горячую линию для детей и молодежи. Несмотря на войну, общественной организации

«Ла Страда-Украина» удалось возобновить консультирование по двум Национальным горячим линиям – Национальной горячей линии для детей и молодежи и Национальной горячей линии по предупреждению домашнего насилия, торговли людьми и гендерной дискриминации.

Каждый день я общаюсь с детьми разных регионов, и в том числе временно неподконтрольных Украине... Каждый день я слышу: «Скажите, когда закончится война?», «Мне так страшно... Можете просто поговорить со мной?», «Они убили мою подругу... Теперь я хочу убить их...», «Я уехала с бабушкой во Львов... А мои родители остались в Харькове... Их убьют? Я боюсь за них...», «Мне кажется, что я теряю смысл... У меня все время паника... Я не справляюсь...».

Я оказываю психологическую поддержку 24/7 всем детям, обращающимся на Национальную горячую линию для детей и молодежи. Иногда мне кажется, что это не очень значимый вклад в будущую победу, но я хочу и могу это делать. Делать хорошо! И пусть этот маленький кирпичик тоже будет в фундаменте победы моей страны!

А еще все это время я живу с шестилетним Бодей. Мы оберегаем его – от войны, от новостей... От сирен только не удастся уберечь... Когда начинает вить сирена, мы начинаем играть в игру «Оденься за 15 секунд». А еще у нас есть игра «Собери чемодан» и «Кто первый в подвал?». Никогда не думала, что буду играть в подобные игры с шестилетним ребёнком. Но война вносит свои коррективы. Бодя уже очень скучает по школе и постоянно спрашивает, когда снова можно будет вернуться к занятиям? Когда можно погулять с друзьями на улице?... и еще так много «когда» на которые у меня нет ответа.

Но я знаю... Точно знаю, что все будет Украина!

Наталья Купченко

50 лет, администратор, г. Одесса

До 24 февраля 2022 года мне казалось, что я – счастливый человек. Семь лет назад у нас с мужем (мы вместе уже 25 лет) появилась дочь – наше солнышко, наша Тоня. Мы наслаждались каждым днем, работали, помогали родителям, радовались, наблюдая как растет дочурка. Раньше я работала администратором в развлекательном заведении торгового центра, но еще до начала войны его закрыли из-за пандемии, так что несколько последних месяцев занималась домашним хозяйством.

Новость о начале войны не вызвала паники, может потому, что активные боевые действия в нашем городе еще не начались. Несколько ракетных обстрелов, постоянный приход и уход российских «военных кораблей», один из которых был утоплен (т. е. пошел туда, куда его послали защитники острова Змеиный), постоянные воздушные тревоги, мрачные и не по-одесски серьезные люди, блокпосты, пустые улицы, военные машины – так пришла война в наш город.

Уже в первый день растерянность уступила желанию действовать, делать что-то для защиты города, своей семьи, помочь военным. Мне позвонила знакомая и предложила помочь волонтерской организации с приготовлением еды для наших военных, я сразу согласилась. В молодые годы я работала поваром, даже имела с мужем собственное кафе.

Так с первых дней войны с девяти до пятнадцати мы с дочерью работаем в волонтерской организации «Одесса несокрушимая». Эта организация является частью Общественной организации «Ассоциация поваров юга Украины». Мы – только маленький винтик огромной машины, которая начала действовать для помощи нашей армии, территориальной обороне, детям и пенсионерам в Одессе. Все одесситы сплотились для защиты города. Многие кафе и рестораны полностью перешли на обеспечение вкусными обедами военных и пенсионеров. На рынках плетут маскировочные сетки. Возле торговых центров производят «коктейли Молотова». Супермаркеты и предприниматели бесплатно поставляют продукты волонтерским организациям, жители приносят одежду, лекарства и деньги.

«
Наша организация кормит около пятисот человек, среди которых и военные, и территориальная оборона, и пенсионеры. Обеды очень вкусные – домашние. К нам каждый день приходят женщины и мужчины, а иногда и целые семьи, чтобы помочь...
Даже не помню, когда так объединялись жители нашего приморского города.
»

Наша организация кормит около пятисот человек, среди которых и военные, и территориальная оборона, и пенсионеры. Обеды очень вкусные – домашние. К нам каждый день приходят женщины и мужчины, а иногда и целые семьи, чтобы помочь начистить овощи, а ведь это несколько мешков картофеля, лука, моркови. Одесситы приносят домашнюю выпечку, соленья, сладости. Повара, водители, администраторы – все работают на победу, все готовы тратить время, средства, топливо, предоставлять автомобили. Даже не помню, когда так объединялись жители нашего приморского города.

Тоню в волонтерской организации называют ласково «наш босс» и сажают на почетное место во главе стола во время обеда, когда все волонтеры собираются вместе после рабочего дня. Понимаю, что ей сложно каждый день идти со мной работать, но быть стойкой ей помогает окружение, ведь она находится среди людей с большим сердцем и хорошим чувством юмора. Одесситы шутят даже во время войны – иначе они не могут жить.

Несколько раз мне предлагали уехать в другую страну, но пока мы остаемся работать здесь, ждать победу в родной Одессе. Надеемся, что она уже близко!

Лариса Радкевич

52 года, преподаватель, г. Донецк (до 2014 года), г. Одесса (с 2015 года)

Согласившись описать свой путь в войну и на войне, я серьезно задумалась и даже разозлилась. Как вместить восемь лет жизни в войне в две страницы? Что писать «была», «делала», «испытывала», «думала»? Что-то уже прожито, а что-то до сих пор болит. Болит так сильно, что страшно дотронуться.

Война для меня началась давно. Ровно восемь лет назад с оккупации Крыма – 20 февраля 2014 года. С тех пор, кажется, прошли столетия. Восемь лет жизни на войне и в войне вместили столько всего, что хватило бы на несколько жизней обычного человека. Но выпало на мою долю. На долю моих побратимов и посестер. Моих родных, которых забросило в разные уголки страны – от горящего под авиаударами российских захватчиков Мариуполя до Киевщины, Черкасщины и Одесщины. Нашу семью Война 1.0 разметала по всей стране, а Война 2.0 снова всех нас перетасовала, как колоду карт... Два круга войны. Это как два круга ада. Бесконечный ад внутри и снаружи.

Моя война началась 8 мая 2014 года, когда меня взяли в добровольческое подразделение в городе Днепр. И первой нашей задачей было противодействие попыткам диверсантов проникнуть в город. Звучит громко! Но на самом деле я с «Пилотом» и «Вожатым» фильтровала на въезде машины. Двое суток, без передышки. Это уже потом были казарма, полигоны, отлаживание системы приема в батальон, выезды в АТО, Мариуполь, Новоазовск, на границу с Россией, возвращение из АТО, обеспечение питанием, лекарствами, дежурства, караулы, первые раненые. Пески. Иловыйск. Погибшие. Мамы и супруги погибших Героев. Все сливалось в один большой поток. Поток горя, боли, отчаяния и Надежды.

Мне до сих пор сложно разделить события на отдельные дни. Это был день без начала и конца. Там было только сегодня, а завтра и вовсе не виделось. И в том настоящем были Люди. Достойные, отважные, необычные. Было честью находиться среди них, принадлежать к этому побратимству.

Но однажды утром в июле 2015 года пришло ощущение, что я теряю свою семью. Потому что они где-то там. А я – не с ними. «Итак, пришло время возвращаться с войны, потому что

можно там остаться навсегда», – думала я. Наивная, я и не представляла, что это такое – возвращаться с войны. Возвращение заняло шесть лет.

Шесть лет постоянной работы с собой и над собой. Прожить и оплакать потери побратимов. Искать новые смыслы жизни. Вдруг осознать, что есть завтра, а ты не знаешь, что с этим делать. Учиться чувствовать вкус жизни. Строить свой дом. Сажать розы. Выбирать свое. Отбрасывать лишнее.

24 февраля 2022 все это обнулилось. Российско-украинская война зашла на второй круг. Война 2.0.

Я встретила ее на крыльце своего дома. В 05.45 утра вдалеке я услышала взрывы. Началось... Я вернулась в дом. Собрала рюкзак. Позвонила по телефону мужу. Написала родным. Поняла, что точно никуда не хочу и не буду уезжать. Я важна здесь, где я есть. Потому что Одесса – это мой дом, здесь мои друзья.

Чем я занята сейчас? Рутинной. Тем, что составляет основу повседневной жизни. Тем, что дает мне силы пройти испытания снова. Поддерживаю своего мужа, поддерживаю своих студенток и студентов, которые тоже остались и ходят на учебу. Работаю с теми, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Продолжаю учиться сама. Принимаю тех, кто бежит от опасности в безопасность.

Волонтерствую, потому что есть те, кому в разы сложнее. Забочусь о своих семерых кошках и шести собаках. Забочусь о себе. Жду связи с родными из Мариуполя.

Я дома. Делаю, что умею и что могу. Здесь и сейчас. Для своей страны. Каждый день, приближающий нашу Победу над ордами захватчиков.

«**Д**ва круга войны. Это как два круга ада. Бесконечный ад внутри и снаружи. Я дома. Делаю, что умею и что могу. Здесь и сейчас. Для своей страны. Каждый день, приближающий нашу Победу над ордами захватчиков.»

Ирина Гриджук

44 года, предприниматель, г. Вишневое

24 февраля я проснулась так же, как и большинство украинцев, – от звуков взрывов. Конечно, не хотелось даже верить в то, что началась война. Но...

В тот же день я была свидетелем паники в магазинах, на дорогах, у банкоматов и т. п. Большинство населения оказалось не готово к подобному развитию событий, в первую очередь психологически.

Наш маленький городок за два дня превратился в город-призрак. Выехала большая часть жителей, закрылись кофейни,

магазины, отделения Новой почты, аптеки – вся столь необходимая для нормального существования инфраструктура. Осиротели дворы и площадки, опустели придомовые территории. Лишь у крупных торговых точек – огромные очереди испуганных людей, которые, зайдя в магазин, сметали все с полок. От этого становилось еще страшнее.

Первый день я была в страшном отчаянии. Мы то бегали в бомбоубежище, то стояли в очереди за свежим хлебом или за медикаментами. На второй день оставшиеся в городе жители района создали чат «Соседи» и это позволило вместе решать разного рода бытовые вопросы, а также помогать друг другу кто чем может: те мужчины, которые не попали на фронт, записались в тероборону; ребята вместе с дедушкой Александром в своем дворе из арматуры делали противотанковых «ежей»; собирали подходящие бутылки и «разливали» коктейль Молотова; женщины плели сетки, готовили еду для парней на блокпостах и т. п.

Рядом с моим домом находится наше производство. Мы уже много лет шьем одежду и делаем на ней дизайнерские вышивки. Продаем в Украине и по всему миру. Всю сшитую ранее одежду (свитера, брюки, футболки) мы отдали тем, кто в ней нуждался: на фронт, в госпиталь, на блокпосты и т. д.

«
Когда меня спрашивают, слышим ли мы взрывы, я отвечаю, что стук вышивальных машин их заглушает. Тыл – это неотъемлемая часть фронта. Так что работаем и приближаем Победу!
»

И, конечно, продолжили работать. Каждый день отправляли посылки с нашей продукцией Укрпочтой в разные уголки мира. На мой взгляд, малый и средний бизнес должен сегодня работать! Пора оправиться от потрясений и встать на ноги, доказывая своим примером, что украинцы – сильная и трудолюбивая нация!

Сегодня в нашем ассортименте преобладают изделия с украинской символикой. Экспортируя нашу продукцию мы, с помощью авторских вышивок, стараемся привлечь внимание мира к Украине, к нашей боли, к тому, что сейчас мы оказались один на один с врагом.

Продавая или раздавая наши изделия на внутреннем рынке, мы поднимаем боевой дух украинцев. И очень гордимся этим.

Когда меня спрашивают, слышим ли мы взрывы, я отвечаю, что стук вышивальных машин их заглушает.

Тыл – это неотъемлемая часть фронта. Так что работаем и приближаем Победу!

Все будет Украина!

Евгения Девис

52 года, психологиня, г. Киев

Начало войны не удивило: когда накануне отбыли последние сотрудники российского посольства, поняла, что назревает что-то серьезное и до сих пор невиданное. При первых отдаленных взрывах мозг стремительно очертил ситуацию: мой дом рядом с Южным вокзалом, один из последних этажей предполагает повышенные колебания – это из критически важного; наличие подземного паркинга – единственное, что обнадеживало (очень пригодился опыт землетрясения в Токио, когда впервые осознала, что от скорости и четкости принятых решений зависит моя жизнь). Тем утром у каждого человека начали проявляться глубоко скрытые инстинкты и темные стороны личности. От самосознания и силы внутренней борьбы со своими страхами и устремлениями зависела не только жизнь, но и самоопределение каждого как человека. В такие часы формируется личность, проверяются на прочность принципы отношения к ближнему, человек познает себе.

С первых дней мы с друзьями решили помочь нашим защитникам. Начали с того, что готовили и фасовали еду в ресторане «Сатори», чтоб раздать бесплатно всем нуждающимся. Со временем наладили онлайн-коммуникации для обеспечения нужд военных и территориальной обороны. Сегодня ресторан продолжает бесплатно помогать незащищенным слоям населения. И я очень горда, что мои друзья – владельцы ресторана – оказались настоящими людьми!

По специальности я – врач и психолог с достаточно богатым, как мне казалось, практическим опытом. Однако для общения с людьми, находящимися в кризисных ситуациях, когда трудно предугадать, какие именно поведенческие паттерны и схемы адаптации включатся, даже самой основательной теоретической подготовки оказывается недостаточно. Какие слова подобрать, чтобы успокоить бабушку с внучкой, родители которой не успели вернуться домой из командировки; или пару пенсионеров, всю жизнь проживших в Советском Союзе, для которых сам факт нападения России на их дом – это переворот сознания? Необходимо было делиться именно теплом своей души и излучать уверенность, спокойствие, понимание, оптимизм, стойкость духа, которых многим в первые дни войны очень не хватало!

Окончательно определиться со своей миссией в этой войне мне помогла личная трагедия – мой самый близкий и родной человек, моя тетья, оказалась в Харькове, в эпицентре бомбардировок. С первого дня войны каждые два часа днем и ночью я общалась с ней по телефону. Она, педагог, была растеряна и подавлена от ужасов, происходивших вокруг: пятиэтажки напротив сложились, как карточные домики, вокруг все пылало, дымилось, памятники архитектуры на ее родной улице были разрушены. Я успокаивала, как могла, систематически уговаривала покинуть родной город, на что она до последнего систематически отвечала отказом. И только после того, как в ее квартире выбило стекла, мне удалось уговорить ее уехать, приводя всевозможные доводы, апеллируя к ассоциациям.

С того момента я сконцентрировалась на оказании психологической помощи. Сегодня мое призвание и вклад в будущую победу – поддержка людей в осознании эффективных именно для них индивидуальных паттернов поведения в кризисных ситуациях. Ко мне обращаются разные люди, каждый со своей болью. В особом внимании и поддержке нуждаются дети. Больно смотреть на то, как самый светлый период жизни – детство – окрашивается в черные и серые тона, когда каждый вой сирены ранит детские души. В ближайших планах – реализация детских психологических реабилитационных групповых программ.

Как член организации «Украинский психологический союз» сейчас я с коллегами разрабатываю групповые занятия с волонтерами и военными.

Безусловно, наши консультации предоставляются абсолютно бесплатно. Иногда приходится проводить консультации ночью. Сложно работать с паническими атаками, когда человек находится в убежище во время вражеских обстрелов.

Война меняет нас: делает душу и сердце глубже, объемнее, а людей – еще роднее! Сейчас происходит объединение нашей Украины под флагом мира и свободы в противовес войне и мародерству России.

«
Больно смотреть на то, как самый светлый период жизни – детство – окрашивается в черные и серые тона, когда каждый вой сирены ранит детские души.
»

«
Стого момента я сконцентрировалась на оказании психологической помощи. Сегодня мое призвание и вклад в будущую победу – поддержка людей в осознании эффективных именно для них индивидуальных паттернов поведения в кризисных ситуациях.
»

РАЗДЕЛ VII. В поисках убежища от ужасов войны (истории беженок и внутренне перемещенных лиц)

*Не ожидали мы такого от весны!
Той, что умеет искренне любить.
Те, кто хотел ее убить,
Градами расстреливали наши сны!*
Тамила ШЕВЦОВА

г. Мотыжин. Массовое захоронение. Фото Веры Балацкой

Лариса Дроздова

51 год, специалист по связям с общественностью и СМИ ГП «АНТОНОВ», г. Гостомель

Я оставалась в Гостомеле с начала войны – с 24 февраля 2022 года. Первые взрывы прогремели в аэропорту «Антонов», затем – по всему городу. В тот день я пришла на работу в «Авиалинии Антонова» в Гостомеле в 9 часов утра. Через час начались бомбардировки с вертолетов «Аллигатор», Ми и Су. Мы укрылись в бомбоубежище. Через часа два или три я поняла, что с меня хватит, и решила – пора домой. Под грохот канонады я добралась до своей квартиры, из окна которой были видны «стаи» вертолетов, летящих в сторону аэропорта. В то время на аэродроме находились несколько самолетов,

в т. ч. Ан-225 «Мрия». Именно на утро 24 февраля был запланирован ее вылет, но она не успела подняться в небо, потому что небо «закрыли». Бомбардировки не прекращались. Вскоре мы получили печальное известие о том, что оккупационные войска разрушили нашу гордость – самый большой самолет в мире, нашу «Мрию». Сердце разрывалось. Я рыдала две недели без перерыва, не могла успокоиться. Но потом осознала – теперь у нас есть цель жизни – построить новую «Мрию» и отстроить нашу страну! Это и придало мне сил для возвращения к жизни.

«**В**скоре мы получили печальное известие о том, что оккупационные войска разрушили нашу гордость – самый большой самолет в мире «Мрия». Сердце надрывалось. Я рыдала две недели без перерыва, я не могла успокоиться. Но потом осознала – теперь мы имеем цель зачем жить: чтобы построить «Мрию» и нашу страну!»

Выехать я не успела и осталась в Гостомеле, надеялась переждать, но скоро стало понятно, что эта история не на несколько дней, как думалось с самого начала: отключили электричество, потом воду, а через несколько дней и газ. Не было интернета, так что доступа к новостям тоже не было. Телефоны нам приходилось подзаряжать от аккумуляторов в машинах или от генератора Гостомельской школы №13, который использовали также для приготовления пищи. В школе пряталось много детей и пожилых людей – около семидесяти человек. Все были испуганы, дети постоянно плакали. Пока мы там находились, ее целенаправленно обстреляли!!!

Позже во дворах жилого комплекса «Покровский», где я живу, разместились российская военная техника: бензовозы, танки, БМП и БТР. Бои шли прямо под нашими окнами, и тут же заправлялись вражеские танки. В это время по улицам бежали люди с маленькими детьми, а рядом шли бои не на жизнь, а на смерть. Я видела тела мирных жителей и солдат, лежавших просто на обочинах.

На третью неделю мы решили вместе с соседями попытаться выехать еще раз. Нас было двадцать человек, которые ехали на двух автомобилях с минимумом вещей. Российские солдаты разрешили выехать в тыл. На нашем пути было четыре русских блок-поста. Проверяли все, даже переписку в телефонах.

На несколько дней мы задержались в соседнем селе в частном доме без света и газа, но там были вода и печь – хоть спать было тепло. Однажды мы получили информацию о возможности перехода на украинскую территорию. Надо было перейти реку Ирпень вброд. Мы шли по грудь в воде, а это – середина марта! Но это был единственный путь из оккупированной части Украины в свободную. Люди промерзли, шли дальше в мокрой одежде, но радовались, что спаслись сами и спасли своих детей и домашних любимцев.

Я два дня не могла ни с кем разговаривать, единственное, что сделала, – перезвонила родным и знакомым, которые пытались дозвониться на мой номер пока не было связи. Сказала, что я жива и попросила дать мне время прийти в себя.

Через пару дней я увидела объявление, что набирают группу волонтеров для адресной эвакуации жителей из Гостомеля. То есть нужно было ходить по адресам и забирать людей из подвалов, потому что у них не было связи и они не знали об эвакуации. Нас было три

Отчаяние толкало меня и мою дочь к принятию беспрецедентных решений. Мы попытались выйти из Гостомеля, шли в Пущу через поле, невзирая на то, что там могут быть минные растяжки. Но наткнулись на российские войска, которые не позволили нам покинуть оккупированный Гостомель. Оккупанты все прибывали и прибывали – их было множество. Они заселялись в свободные квартиры – квартиры моих соседей.

«**О**днажды мы получили информацию о возможности перехода на украинскую территорию. Надо было перейти реку Ирпень вброд. Мы шли по грудь в воде, а это – середина марта! Но это был единственный путь из оккупированной части Украины в свободную. Люди промерзли, шли дальше в мокрой одежде, но радовались, что спаслись сами и спасли своих детей и домашних любимцев.»

женщины и один мужчина по имени Михаил, который ехал за своей невестой Светланой. Когда мы дошли до ее дома, местный житель сказал, что там гражданских уже нет – все погибли. На Михаиле лица не было, а я настояла перепроверить подвал. Мы подошли к дому и нашли в укрытии девять человек вместе с невестой Светланой и ее мамой. В глазах Михаила и Светланы стояли слезы все время, пока мы ехали в Киев. Наша колонна была обстреляна оккупантами, и четыре человека из минибуса остались в Гостомеле навсегда. Мы даже не могли их похоронить – колонна продолжила движение, так как необходимо было спасти оставшихся в живых.

Находясь в Гостомеле, я постоянно пыталась кричать властям о том, что женщин с детьми необходимо эвакуировать. Мой крик помощи был услышан поздно. Если меня спросят «что такое ад?», то я скажу, что ад – это когда становится слишком поздно! Слишком поздно сказать «люблю», «прости», поздно насладиться мирным небом, любимым человеком, поздно помочь, поздно эвакуировать, поздно остановить трагедию, поздно спасти жизнь...

Город-герой Гостомель сейчас в руинах. Инфраструктуры практически нет. Школа, садик, детские площадки – все разрушено. Местных почти не осталось – одни погибли от обстрелов захватчиков, другие – покинули свои дома.

Но я очень надеюсь, что вскоре наш город будет свободен и счастлив, потому что Гостомель – это место, где живет Мечта (ред. – Мрия)!

Эльзара

33 года, художница, г. Ирпень

Меня зовут Эльзара. Я – художница. Вот уже несколько дней нахожусь в Польше. Я родом из Крыма, переехала в Киев сразу после оккупации полуострова Россией в 2014 году.

Так получилось, что от России я страдаю всю жизнь, как и вся наша семья, начиная с моих прадедов.

Я – крымская татарка, которая родилась не там, где должна была. Как дочь депортированного народа, я родилась в России. Но все свое детство слушала рассказы моих родственников, мечтавших однажды вернуться в Крым.

Мой дед и вся наша семья каждый год летом туда приезжали. Впоследствии удалось получить крошечный участок земли, где-то очень далеко от цивилизации. И каждый год летом мой дед своими руками, по кирпичику, строил дом.

«
Так получилось, что от России я страдаю всю жизнь, начиная с моих прадедов. Я крымская татарка, которая родилась не там, где должна была.
»

Наконец-то в 2000 году я со своими родителями и новорожденным братом переехала в Крым. Было очень тяжело! Я была подростком. В таком возрасте радикальные изменения даются с трудом. Родители начали жизнь с нуля. Мы пережили все: и бедность, и бытовые трудности, но были терпеливы, потому что у нас была мечта – жить на своей земле. Однако, именно на своей земле я узнала, что такое дискриминация по признаку национальной принадлежности. Россиян в Крыму проживает достаточно много (конечно, их завезли жить в наши дома в 1944 году после депортации крымских татар). Мне постоянно напоминали и подчеркивали, что я – не русская, что я не арийского происхождения. Хорошо, что я с детства была сильной, поэтому не дала себя сломить.

Так мы прожили четырнадцать сложных, но счастливых лет, пока россия снова не пришла в наши дома весной 2014 года.

Пришлось еще раз переезжать, но теперь уже мне с мужем. Мы были только вдвоем. На новом месте не было у нас ни родственников, ни знакомых. Но было огромное желание работать, создавать, строить.

И нам это удалось, без всякой поддержки. Мы создали собственный ювелирный бренд, украшения производили по моим эскизам. Муж сам научился производству. У нас были две мастерские – ювелирная и художественная, где я могла заниматься творчеством. Мы приобрели квартиру, спроектировали каждый сантиметр, продумали каждую деталь.

Но они снова пришли! Они уничтожили мое жилье, которое мы с таким трудом создавали. Мое собственное жилье, на которое мы работали столько лет! Они разрушили весь Ирпень! Как и другие города моей такой родной Украины.

Война.

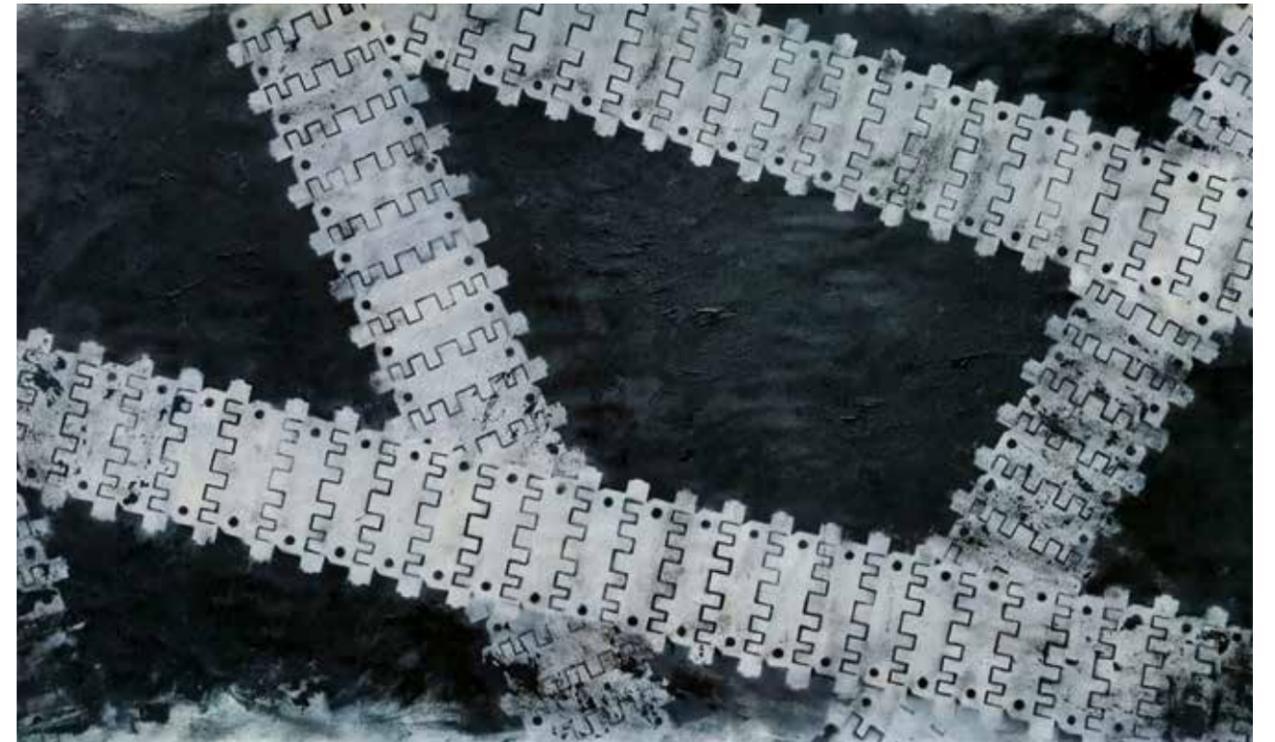
Когда ситуация на границах Украины стала совсем сложной, я уже не сомневалась, что война неизбежна, что это только вопрос времени. Почему я была уверена? Потому что я очень хорошо знаю россиян.

С начала зимы 2021 года я прямо ощущала, как она приближается. Это было заметно даже по моим работам. В них появлялись все больше тревожные нотки и мрачные сюжеты. Я создала несколько полотен, посвященных войне. На последнем, которое я начала 23 февраля и так и не закончила, изображена девушка, снимающая туфли на каблуках, чтобы сменить их на военную обувь. Но надеюсь, что очень скоро я буду писать полотна о нашей победе и силе украинского духа!

Утро 24 февраля остается и, пожалуй, останется самым страшным моментом моей жизни. Момент, когда ты первый раз в жизни слышишь свист падающего снаряда, не забыть. Он до сих пор

« —————
В день, когда я узнала, что россияне уничтожили мое жилье, я поняла, что меня почти больше ничего не держит, поэтому я решила бороться на своем фронте – художественном.

»

слышаться мне. Мы неделями находились в подвалах наших домов, переходя из одного в другой в надежде, что именно этот будет надежнее. Бомбардировки, артобстрелы, снова бомбардировки... Город становился все более похожим на картинки из фильма ужасов, где изуродованные тела убитых валяются прямо на улице, и никто не может забрать их, чтобы похоронить, из-за постоянных обстрелов.

Когда ситуация стала совсем невыносимой, мы выехали в Киев. Это было лучшим решением за все время войны, потому что уже на следующий день наш город был полностью заблокирован.

В день, когда я узнала, что россияне уничтожили мой дом, я поняла, что меня больше ничего не держит. Я решила бороться на своем фронте – художественном. Собрала все, что успела, из своей мастерской и самостоятельно вывезла в Польшу. Было очень тяжело снова начинать поиск нового места для жизни.

Сейчас, во время войны, мои работы принимают участие в выставках за границей, а поступления от продаж идут на помощь Украине и нашей армии.

Я хочу продолжать заниматься творчеством, даже когда кажется, что ни на что нет больше сил, ведь нам необходимо говорить о нашей боли.

« —————
Город становился все более похожим на картинки из фильма ужасов, где изуродованные тела убитых валяются прямо на улице, и никто даже не может забрать их, чтобы похоронить, из-за постоянных обстрелов.

»

Елена Ляшенко

41 год, г. Буча

Моему ребенку 6 месяцев, и когда он спит, я всегда ставлю телефон на виброрежим. В ту ночь я проснулась от постоянной вибрации телефона. Рабочий чат разрывался от сообщений сотрудников:

- Доброе утро. Я сегодня дома, у нас стреляют.
- По радио передают, что военные склады обстреливают, проснулась от звона бокалов в серванте...
- У меня запах дыма в районе.
- У нас обстреляли воинскую часть в двух километрах от меня.
- В Голосеевском районе тоже упал снаряд.
- Только что был взрыв в Киеве.

Еще несколько минут мне казалось, что я сплю. Потом, невзирая на закрытые окна, я услышала серию взрывов. Это бомбили Гостомель и Бучу.

В голове не укладывалось, что это уже начало войны. Сохранялась очень большая надежда, что все быстро закончится. Но на всякий случай решила собрать в рюкзак памперсы и документы.

В этот день мой ребенок был записан на УЗИ и консультацию врача-ортопеда – и мне было очень важно попасть на прием, потому что у ребенка подозрение на дисплазию тазобедренного сустава, и в случае подтверждения необходимо ставить стремена на ножки. Прием клиника отменила.

В течение дня постоянно были слышны взрывы; в двух метрах от крыши одиннадцатипятиэтажного дома летали снаряды – серые, длинные, пугающие. Кто-то толпился возле входа в подвал, кто-то с чемоданами в панике выбегал из подъезда, кто-то уже возвращался из магазина с огромными пакетами продуктов. Я решила, что с малышом, старенькой мамой, да еще во время эпидемии ковида, мы в подвал не пойдём. Но около семи часов утра взрывы стали слышны совсем рядом. Я схватила ребенка и сказала маме, что мы срочно спускаемся в убежище. С десятого этажа мы буквально слетели вниз, а взрывы «подбирались» к нам все ближе и ближе. Так мы очутились в месте, из которого больше в квартиру не вернулись. Но тогда казалось, что это на несколько часов, максимум одну ночь, и мы снова окажемся дома.

Первая ночь в подвале – сыро, холодно и очень страшно. Грохот от взрывающихся снарядов стоял всю ночь. Я нашла поддон из-под строительных материалов, на котором уложила ребенка спать. Мы же с мамой спали, как пришлось. Первый раз раздевать кроху на таком холоде и менять памперсы казалось чем-то диким.

« С 10-го этажа мы пешком бежали в подвал – взрывы были все громче и громче. Так мы очутились в месте, из которого больше в квартиру не вернулись. Но тогда казалось, что это на несколько часов, максимум одну ночь, и мы вернемся домой. »

Все люди, находившиеся с нами в подвале, или не имели транспорта, чтобы уехать, или не хотели покидать дом, или не могли избавиться от страха перед дорогой. С каждым днем становилось страшнее и страшнее. Люди все приходили и приходили – каждый со своей историей, своей болью, кто-то уже лишился дома. Выходить на улицу из подвала стало очень опасно – все чаще были слышны обстрелы и гул проходящей военной техники: свист, вой, грохот... Каждый день я думала: «Хуже, чем сегодня быть не может» – но ошибалась. Я уже не понимала, какой день недели и какая дата в календаре. Связи и интернета в подвале почти не было.

В один из таких невыносимых дней мой ребенок проснулся в четыре утра от того, что был голоден и очень промерз. Доносился грохот «Градов». По соседней улице шли танки, начались уличные бои. Все, кто уместился, стояли в проемах. Говорят, так больше шансов выжить, если завалит. Эти часы тянулись вечно. Я держала ребенка и молилась. У меня уже не было надежды, что мы останемся в живых. Штукатурка с потолка сыпалась, стены ходили ходуном.

В тот день рядом с убежищем загорелся химзавод, горели частные жилые дома. БТР или танк заехал к нам во двор, разгромил аптеку. В нашу многоэтажку «прилетело» три раза – часть окон вылетела. После этого в подвале связь и вовсе пропала. Оправившись от шока, люди начали выезжать, в подвале их становилось все меньше – они убегали, бросая все.

Я понимала, что нам тоже нужно выезжать, но у знакомых, кто мог бы помочь, не было горючего, некоторые боялись ехать под обстрелами. Так что выбираться нам было не на чем, а добраться до нас из других городов было невозможно – людям пришлось бы рисковать своей жизнью. И вот произошло чудо – я встретила человека, который тоже хотел уехать. Мы видели друг друга

впервые в жизни. Он был не местным и совсем не знал дорог Бучи, потому колебался полдня, а я полдня умоляла и настаивала на отъезде. Уже после того, как мы все же решились и доехали до более-менее безопасного места, он признался, что если бы не моя настойчивость, он бы не поехал.

По дороге мы смотрели на наш город, который трудно было узнать. Часть домов разрушена, на обочине лежат тела погибших. Мы выехали на Житомирскую трассу – впереди все было окутано темно-серым дымом. Нам сказали, что там идут бои и туда ехать нельзя. Местные жители развернули нас на встречную полосу. Но я точно знала, что вернуться назад мы тоже не можем.

Мы были единственным автомобилем на дороге, потом съехали на лесные тропинки. Так и добрались до относительно спокойного населенного пункта, хотя в первую нашу ночь там тоже были слышны взрывы со стороны Василькова. Мой новый знакомый дальше ехать с нами не мог – ему нужно было спасти свою семью, которая на тот момент находилась в Харькове. Там тоже было горячо. А я, слыша взрывы уже в Ракитном, понимала, что нужно спасти своего ребенка и двигаться дальше.

Снова с чужими людьми тем же вечером мы выехали в сторону Черновцов. Город встретил нас завыванием сирен, но я сказала: «В подвал мы больше не пойдем!» – вся моя семья уже была очень больна после переохладения в подвале в Буче. К ночи мы уже были в Румынии с ребенком, мамой, котом и фактически без вещей (из вещей у меня было несколько игрушек, чтобы можно было успокоить ребенка).

С начала войны на моем пути встретилось множество добрых людей, которые помогли пройти весь этот путь к спасению. За что я им безгранично благодарна! В настоящее время мы находимся в безопасности в Германии. Я понимаю, что главное – то, что мы живы. Но, к сожалению, не все друзья и родственники уехали – со многими из Мариуполя, Бучи, Ирпеня нет связи уже несколько недель. Очень хочу верить, что они живы.

Сейчас больше всего меня волнует здоровье ребенка. Время идет, прошел почти месяц войны, а вопрос с дисплазией тазобедренного сустава так и остается нерешенным. И как сейчас им заниматься в чужой стране, я до конца не понимаю.

Чаты жильцов многоквартирных домов Бучи превратились в чаты о жизни в подвалах. После вчерашнего сообщения, что нашего соседа расстреляли, все предыдущие новости о том, что чеченцы вскрывают наши квартиры, просто меркнут. Главное – это человеческая жизнь!

Я очень хочу вернуться домой в свое жилье. Моя дочь, хоть еще и очень маленькая, тоже хочет к своим игрушкам, которые остались дома. Она до сих пор не может находиться в темноте – у нее начинается истерика, когда нет света.

А больше всего мне хочется проснуться от этого ужаса...

«
Я очень хочу вернуться домой в свое жилье. Моя дочь, хотя еще пока маленькая, тоже хочет к своим игрушкам, которые остались дома. Она до сих пор не может находиться в темноте – у нее начинается истерика, когда отсутствует свет. А больше всего я хочу проснуться от этого ужаса...»

г. Киев. Фото КГГА.

Антонина Гордовская

48 лет, преподаватель Киевской детской художественной школы № 5. Дочь Кира, 11 лет, г. Киев

Думаю, для многих киевлян война началась одинаково. Утром нас с мужем разбудили взрывы – недалеко от нашего дома проходит дорога на Гостомель. Вдруг многоэтажка словно подскочила. Потом завывали сирены. Возле нас расположена пожарная часть, и в сторону Гостомеля сразу же поехали пожарные машины. Я открыла социальные сети и тут же увидела пост моего друга-журналиста: «Путин, мы никогда тебе этого не простим!». Я поняла, что нас атаквали, что началась война.

Сначала всех охватила паника. Мы бросились писать комментарии в социальных сетях, куда и что упало, где взорвалось. Позже мы узнали, что так поступать ни в коем случае нельзя, потому что это помогает врагу корректировать огонь.

В первые дни киевляне массово выезжали из города – автобусами, машинами, поездами. У меня было ощущение, что город наполовину опустел. Но я решила остаться – мой сын сразу записался в Вооруженные Силы, а муж – в ряды территориальной обороны. Я не представляла, как можно уехать и оставить их на войне. Я хотела чем-нибудь помочь.

Во время воздушной тревоги мы с дочерью Кирой прятались в ближайшем укрытии. Это был грязный подвал, из трубы текла вода. Женщины плакали, дети кричали, выли собаки, мяукали кошки, трещали попугаи, которых кто-то принес в клетке. В какой-то момент я осознала, что нужно обуздать чувство паники самой, а потом успокоить других, иначе мы все провалимся в бездонную паническую яму, а этого нельзя было допустить. Через три дня в наше укрытие пришел мой муж и сказал, что этот подвал не может быть бомбоубежищем, потому что в нём не предусмотрено выходов на случай, если конструкция сверху обвалится. В таком случае мы могли просто оказаться в подземной ловушке. Мы с дочерью перебрались в укрытие одной из школ, но там уже было очень много народа, поэтому на пятый день мы решили просто вернуться домой.

Мы быстро научились по звуку взрыва различать, какой именно снаряд прилетел, как далеко от нас упал – вот это свист падающей ракеты, которая летит к нам, значит надо прятаться, а это работает наше ПВО.

Мой муж и я трудились, как пчелки. Не в том смысле, что очень тяжело, а в том, что нашу работу вроде бы и не было заметно, но эти маленькие дела были частью согласованной работы большого улья. К примеру, я делала бутерброды для защитников, муж их куда-то увозил, кому-то передавал, и так они оказывались там, где нужно. Такая хорошо отлаженная цепочка, в которой каждый выполнял свои задачи в своём звене. Еще я помогала пожилым соседкам, старики часто до последнего никуда не хотят уезжать, сидят в квартирах с собачками; очень страшно за них.

В какой-то момент я решила, что нужно продолжать преподавательскую работу (я – учительница в художественной школе), поскольку дети были напуганы, подавлены, а рисование дает выход эмоциям. Я видела, что Кира рисует “баночки страха”, которые она закрашивала настолько, насколько ей было страшно в тот момент. Потом я увидела, что она ведет дневник и каждый день рисует окошечки, которые закрашивает черным. Меня это очень обеспокоило. Сначала я просто пыталась заниматься с детьми по учебному плану нашей художественной школы. Но поняла, что это не работало, учитывая экстремальные условия и стресс. Поэтому я просто сказала, что мы будем рисовать то, что они сами захотят. Так все вместе мы решили, что будем делать серию рисунков на тему «Силы Добра». Потому что дети верят, что добро обязательно победит того, кто несет смерть и разрушения. Надеюсь, что после войны мы сделаем выставку их работ.

Потом мне начали звонить друзья из Чернигова, Ирпня, Славутича. Там происходили очень страшные вещи. Чернигов сильно бомбили. В Ирпене мои друзья три дня прятались с детьми в холодном гараже, в ремонтной яме. За то время они ни разу оттуда не вышли, потому что взрывы и выстрелы не утихали ни на минуту; они ели сырую гречку, которую заливали холодной водой. Выбрались оттуда чудом – их машину пыталась расстрелять вражеская армия, когда они выезжали. В наш район Киева тоже начали все чаще прилетать снаряды. Я очень хотела остаться в столице и быть там полезной, но на девятнадцатый день войны пришла к выводу, что прежде всего необходимо вывезти в безопасное место своего ребенка.

Волонтер, привезший гуманитарный груз в Киев из западных областей Украины и ехавший обратно пустой, вывез нас с Кирой машиной во Львов. Там нас приютили незнакомые люди, покормили. Кира играет на скрипке, и ее учительница музыки написала нам, что в Польше беженцев принимает пани Анна, основательница музыкальной школы, работающая по методике знаменитого скрипача и музыкального педагога Шуничи Сузуки. Мы отправились туда.

На границе к нам подходили поляки и предлагали одежду, воду, бутерброды, даже конфеты и горячий шоколад. Нас действительно очень тепло приняли, очень искренне. Предлагали донести чемодан до поезда или автобуса.

Анна очень гостеприимна; у нее дома уже живут беженцы, а нас она поселила в своей музыкальной школе, предоставила все необходимое – постель, одежду, шампуни, чистые полотенца. Ей 69 лет, но она очень активная, целый день что-то делает для беженцев. Мы ей так благодарны! Она даже провела сегодня с Кирой урок музыки. С нами в школе живут две учительницы из Луганской области, женщина с ребенком из Коломыи, женщины

из Харькова и Киевской области. Мы из разных регионов, но все едины как нация. Мы все – украинки, мы одинаково переживаем за нашу страну, ее судьбу, наши города, наших родных.

К сожалению, я пока не могу продолжать онлайн-занятия с оставшимися в Киеве учениками, потому что у меня нет постоянного доступа в интернет. Когда решу эту проблему, будем снова рисовать. Также я планирую делать художественный проект с местными (польскими) детьми и нашими детьми-беженцами. Это будет большое Пасхальное панно. Надеюсь, этот проект поможет детям подружиться и больше узнать друг друга и нашу украинскую культуру.

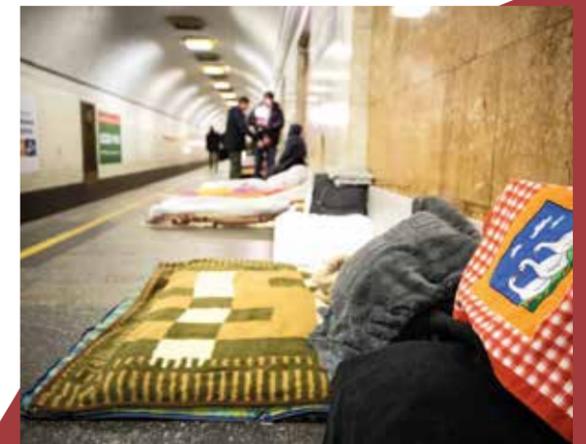
Я очень хочу вернуться домой. Я все время думаю о своем сыне, молюсь, чтобы Бог хранил его. На днях мне удалось ему дозвониться, он простудился и кашлял, но не хотел меня огорчать, сказал, что это кашляет кто-то рядом с ним. Я услышала, как вошел их командир и спросил его: "Ты выпил чай? Выпил сироп от кашля?" И я поняла, что их командир действительно заботится о них. Как матери, мне очень важно это знать.

Ой, луганские девушки зовут нас с Кирой ужинать. Они плакали сегодня, переживают за свой город, за родных. Говорили, что там целые микрорайоны разрушены. Но правда на нашей стороне, и мы все верим, что силы добра победят тех, кто несет войну и смерть на нашу землю.

«
Я просто сказала детям, что мы будем рисовать то, что они сами захотят. Так мы вместе решили, что будем делать серию рисунков на тему «Силы Добра». Потому что дети верят, что добро обязательно победит того, кто несет смерть и войну. Надеюсь, что после войны мы сделаем выставку их работ.
»

г. Киев. Фото КГГА.

Алла Фаридовна

75 лет, пенсионерка, Киевская область

Я родилась через два года после окончания Второй мировой войны в Средней Азии. Думаю, мать уехала во время эвакуации и не вернулась домой. Я ее почти не помню и не знаю точно, как сложилась ее судьба, но из детского дома меня забрали новые родители. Когда мне было шесть лет, мы переехали в Украину, на Родину мамы, которая меня воспитала. Здесь и остались. Здесь и прошла вся моя жизнь.

Хотя я не видела ужасов войны, но видела, как она и после окончания определяет судьбы людей, истории семей, оставляет шрамы в душах, наносит травмы целым поколениям. Как послевоенный ребенок, я никогда не думала, что война определит траекторию моей жизни во второй раз, что я стану свидетельницей такой бессмысленной жестокости, да еще и со стороны кого?

24 февраля дочь проснулась от звуков перехвата ракет, позвонила мне и приказала быстро собрать свои вещи. Я живу от нее в более чем 100 км, так что у меня было несколько часов, чтобы уместить в чемодан семь десятилетий. Собираясь, я понимала, что на самом деле ехать не хочу. Тогда никто не мог вообразить, что россияне способны на такие зверства. Даже сейчас сложно поверить, что все эти массовые убийства, истребление детей, изнасилования, блокады, сирены, бомбардировки – реальность в моей всегда миролюбивой и приветливой стране.

Сначала мы поехали на запад Украины, думали, может, через несколько дней вернемся домой. Никто по настоящему не понимает, что такое война, пока она не коснется человека лично. Мы надеялись, что если план этих убийц по проведению молниеносной операции провалился, то они уйдут и скоро все закончится. Ведь это же 21 век! Это сердце Европы!

У дочери в Польше была подруга, которая пригласила к себе, предоставила бесплатное убежище. В те дни на границе люди стояли в очередях по нескольку дней. Мы и наши двое кошек прожили в машине почти трое суток. Я хочу поблагодарить всех волонтеров, всех, кто раздавал горячий суп, чай... Вы спасаете людей!

«
В самом деле, никто не понимает, что такое война, пока она не коснется именно тебя. Никогда не думала, что война снова определит траекторию моей жизни. Меня снова вырвали с корнями... Каждый день я просыпаюсь с мыслью, что следовало остаться. Надеюсь, что Украина как можно быстрее навсегда победит это российско-фашистское зло, и что мне не придется через несколько лет встретиться с войной в третий раз. Я очень хочу домой!

После пересечения границы посреди ночи ехать дальше уже не было сил. Нас приютили хорошие люди на несколько дней. Вы же понимаете, что в 75 лет то там болит, то там... Наконец-то мы доехали, куда планировали, но дочь из-за работы должна была еще раз переезжать. И мы снова в пути... Я теперь как перекотиполе.

«
Поэтому Россию нужно сейчас полностью денацифицировать и демилитаризовать, чтобы всем в мире жилось спокойно!

Я очень хочу домой! Туда, где я все знаю, где я понимаю как устроен мой маленький мирок, где цветут мои розы.

Мне трудно успевать за современным темпом жизни, а в незнакомой среде, среди людей, чей язык я не знаю, это вдвое, втрое труднее. Здесь нет моих друзей, на работу не возьмут. Я прошу дочь отправить меня обратно, но она отказывается. Показывает новости о том, как в Кременной захватчики прицельно обстреляли из танка дом престарелых, как убили 96-летнего Бориса Романченко, пережившего немецкие концлагеря. Это же изверги!!!

Никогда не думала, что война снова определит мою жизнь. Меня снова вырвали с корнями... Каждый день я просыпаюсь с мыслью, что следовало остаться. Надеюсь, что Украина как можно быстрее победит это российско-фашистское зло, и что мне не придется через несколько лет встретиться с войной в третий раз.

Поэтому Россию нужно сейчас полностью денацифицировать и демилитаризовать, чтобы всем в мире жилось спокойно!!

Я очень хочу домой!

Наталья Якименко

34 года, бухгалтер, г. Миргород / г. Киев

Потеряв работу в Миргороде из-за COVID-19, была вынуждена переехать с детьми в Киев, где около месяца искала новое место. День начала войны я никогда не забуду. Это должен был быть первый день на новой долгожданной работе, поэтому накануне я отдала детей (двойняшки, 10 лет) бывшей свекрови. Встав утром и выйдя с кофе на балкон, я услышала взрывы и увидела внизу людей, в панике бежавших с чемоданами к своим автомобилям. Включив телефон, я узнала, что началась война... Первая мысль – «Увижу ли я еще когда-нибудь своих девочек?». Путь к свекрови помню как в тумане. Прямо перед нашим автомобилем прогремел взрыв и нас подбросило взрывной волной; руки дрожали, слезы катились, в голове только одна мысль – «Увидеть бы дочек». Привычный путь в двадцать пять минут занял почти два часа.

Я понимала, что мне необходимо спасти самое дорогое в моей жизни – дочерей. Не имея сбережений, я воспользовалась возможностью временно поселиться в небольшом селе под Винницей.

После нескольких дней в аду этот старенький сельский домик без удобств, с печкой для приготовления пищи, подарил мне такое необходимое чувство спокойствия и даже покоя. Мне было важно поделиться этим чувством с другими. Много семей выезжали на запад Украины и нуждались в убежище по дороге, я решила, что это может быть моим вкладом в будущую победу. Через несколько дней мне удалось помочь трем семьям. Однако,

4 марта начались ракетные удары по окрестностям Винницы, и мое совсем не гламурное, однако уютное и спокойное, убежище стало просто очередной мишенью для агрессора.

Я ясно осознала, что ни в одном уголке моей родной земли я не смогу сегодня обеспечить безопасное существование своим дочкам. И я приняла решение уезжать из Украины. Быстро вернулась в Киев, чтобы уговорить свою сестру с племянницей. Так мы впятером отправились во Львов эвакуационным поездом. Тринадцатичасовая поездка в электричке оставила у меня очень противоречивые воспоминания: с одной стороны – это единство, вера в победу, желание отдать последний кусок хлеба чужому ребенку, а с другой – мужчины призывного возраста, которые даже не думали уступить место беременным женщинам, куча мусора...

Львов встретил нас еще большим, чем на киевском вокзале, столпотворением. Мне показалось, что львовский вокзал сосредоточил в себе все эмоций, которые испытывают украинцы – боль, отчаяние, гнев, страх перед неизвестностью, – и в то же время там ощущалось единство и вера в победу.

Чтобы пересечь границу, нам пришлось ждать электричку в Шегени; очереди были безумные, а у одной из моих дочерей температура поднялась до 39. Слава Богу, что по пути во Львов мы познакомились с еще одной семьей и могли чередоваться: кто-то стоит в очереди, а кто-то

присматривает за детьми, которым в комнате отдыха настелили на пол картонок – так они хоть немного поспали, наши ангелочки. Через восемь часов нам удалось втиснуться в электричку. У дочери начала идти носом кровь и я ничем не могла ее остановить; позже нас постоянно останавливали для проверок, потому что все вещи сестры и дочери были в крови. До границы мы шли пешком 4 км – с пяти часов вечера до шести утра. Огромное спасибо волонтерам с обеих сторон границы, которые помогли нам: поднесли чемоданы, накормили горячим, завернули в теплые одеяла. Но встречались и другие – люди, готовые отобрать у ребенка, даже украсть у волонтеров, чтобы заграбастать побольше бесплатной помощи.

Сегодня я остановилась во Вроцлаве, благодаря моей институтской подруге – человеку с большим сердцем. Ведь я понимаю, что пять человек, трое из которых мало-

летние дети, – это та еще «радость». Потребовалась почти неделя, чтобы дети перестали вздрагивать от звука проезжающего трамвая, принимая его за взрывы.

Я очень надеюсь на скорейшую победу, чтобы вернуться в Украину, чтобы мои дочери жили в свободной европейской стране. В понедельник наши дети впервые пойдут в польскую школу, а мы с сестрой станем в ряды волонтеров, потому что чувствуем необходимость облегчить такой непростой путь к безопасности другим украинским женщинам и деткам.

РАЗДЕЛ VIII. Наши соотечественницы: защита и поддержка из-за границы

*Не плачь, мама, зарастут окопы травой.
Затянется рана. Заколосится земля.
И отныне разойдутся тучи.
Скажем мы все вместе – «Слава Украине!»*

*(Ирина Федимин,
песня «Прошу у неба»)*

Ирина Земляна

34 года, медиаэкспертка, тренер по теме «Безопасность» для журналистов, Институт массовой информации (ИМИ), Киев

То, чем я занимаюсь с начала войны, – просто продолжение моей деятельности до и во время Майдана. Я была достаточно активна во времена Революции Достоинства. Написала песню-обращение к президенту Виктору Януковичу "Витя, чао!" с предложением уйти. Получила от Президента Петра Порошенко орден Княгини Ольги III степени. После Майдана я восемь лет проводила тренинги по безопасности для журналистов на полигонах, где имитировали все, что может ожидать медийщиков в зоне боевых действий (взрывы, мины, растяжки и т.д.). Мы учили журналистов, как выходить из зоны обстрелов, как оказывать медицинскую помощь, как освещать военные действия этично, как общаться с военными и т.д. Также я написала несколько пособий по безопасности для журналистов.

За несколько недель до начала войны я стала плохо спать из-за бесконечной череды тревожных новостей из РФ. Тревожный рюкзак у меня был собран за месяц до войны. План был тоже разработан, хотя не хотелось верить в то, что война начнется.

Я прекрасно помню последний день мирной жизни – 23 февраля. Днем я встретила с подругой в нашем любимом ресторане, потом с другом выпили кофе в очень уютном кафе. Еще забрала из офиса ноутбук и документы – не хотела, чтобы до них добрался враг. В ночь на 24-е я не сомкнула глаз – знала, что утром начнут бомбить.

Был пятый час, когда раздался первый взрыв. Я подождала пять минут и разбудила своего друга со словами: «Просыпайся! Война!». Уже через полчаса я выезжала из родного города. Сначала в деревню под Киевом. Но когда через несколько часов начали бомбить Гостомель, мы поехали дальше в село в Винницкой области.

Очень скоро мне позвонили знакомые и сообщили, что я нахожусь в расстрельном списке украинских активистов. Так сформировалось решение ехать дальше, в Польшу. Мы простояли на границе 48 часов, зато сейчас мы в Варшаве. В Польше мы встретились с Наталкой Панченко, моей давней подругой из Полтавской области (я оттуда родом), давно живущей в Польше. Мы обе очень активны и всегда шутили: «Хорошо, что не живем вместе в Полтаве, потому что или в Полтаве были бы решены все проблемы, или она бы исчезла с лица Земли – мы бы ее разнесли».

« **Даже если российские военные уйдут из Украины, но в России останется путинский режим, то мы никогда не будем жить спокойно и развиваться. Я осознаю, что борьба будет долгой, изнурительной и трагической, но я так же считаю, что это тот путь, которым мы должны пройти для того, чтобы освободиться от этого путинско-российского нашествия раз и навсегда.** »

И все же мы очутились в одном городе – в Варшаве. Наталья во время Революции Достоинства создала организацию «Евромайдан-Варшава». Хотя сейчас эта организация не функционирует, но остался костяк людей, которые с первых дней войны стали активными участниками акций, организованных нами в Польше.

Мы узнали, что через польско-белорусскую границу едет большое количество фур с товарами в Россию. Эти товары являются либо подсанкционными, либо элитными. Например, водители нам рассказали, что они везут Мартини для того, чтобы сделать жизнь россиян немного более комфортной, потому что те страдают из-за происходящего.

Поэтому мы решили заблокировать границу физически. Я прекрасно помню, как вдвоем с Наташей мы просто вышли из машины возле пропускного пункта и встали на дороге, перекрывая движение фур. Мы стояли, подняв украинские флаги, и физически блокировали проезд. К нам присоединилось еще около тридцати человек. Мы разрешали проезжать только машинам на европейских номерах. Так всем нам удалось продержаться там трое суток.

На третьи сутки польская полиция взяла нас в кольцо и оттеснила с дороги, чтобы пропустить фуры, очередь из которых растянулась уже на тридцати километров.

После этого мы решили организовать украинцев всего мира и призывали их приезжать на границу или просили тех, кто может, кто живет рядом, поддержать нас. Через четыре дня на границе собралось уже почти четыреста человек, которые полностью заблокировали проезд. Очередь растянулась на пятьдесят пять километров.

На эту ситуацию отреагировал премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий. Он сказал, что нас поддерживает и обратился к лидерам Европейского союза с предложением совместно решить этот вопрос. Граница Европейского союза с Беларусью находится в Польше. Пока в ЕС

затягивалось обсуждение возможности прекращения логистического сообщения с Беларусью, фуры продолжали систематически перевозить товары. Поэтому мы решили поехать в Бундестаг, к Федеральному канцлеру Германии Олафу Шольцу. Мы узнали, что было заседание Европейского Совета, где вопрос о закрытии границы был вынесен Матеушем Моравецким на обсуждение. Его позицию поддержали страны Балтии. Главными противниками такого решения стали Федеральный канцлер Германии Олаф Шольц и Президент Франции Эммануэль Макрон. Мы привезли канцлеру письмо, которое подписали несколько десятков общественных организаций из Польши, Украины и других стран, с просьбой закрыть границу. Мы также привезли туфельки погибшей девочки из Мариуполя. Они были совсем новенькие. Предложили их продать, потому что Германия имеет достаточно прочные торговые связи с Россией. На немецкие медиа с их часто умеренной позицией это произвело отрезвляющий эффект.

В понедельник (4 апреля) мы заблокируем границу между Германией и Польшей. Мы понимаем, что эта акция приведет к определенным неудобствам, но это единственный способ повлиять на решение немецких властей по блокированию границы Европейского союза с Беларусью. Думаем, продержимся около двух часов, и по итогу нас оштрафуют. Но когда меня попытаются отправить с границы домой, я скажу, что у меня нет дома и некуда идти – мы беженцы.

Сегодня моя главная задача – сделать так, чтобы европейским политикам не было комфортно и спокойно. Они не могут просто игнорировать общественное мнение. Поэтому мы планируем привлекать внимание европейских медиа и гражданского общества к нашим акциям, которые ставят их политиков в неудобное положение. Таким образом мы хотим побудить европейских лидеров к принятию более жестких мер по отношению к стране-агрессору.

Я мечтаю вернуться и продолжать работать на благо Украины и украинцев так же активно, как и раньше. Знаю, что будет труднее, но я и до этого не воспользовалась ни единой из множества возможностей покинуть Родину навсегда, и сейчас не собираюсь этого делать. Я уверена, что Украину и украинцев невозможно уничтожить.

Верю, что мы обречены на победу. Как эксперт по вопросам безопасности, я понимаю, что это – не быстрый процесс. Я также понимаю, что даже если российские военные уйдут из Украины, но в России останется путинский режим, то мы никогда не будем жить спокойно и развиваться. Я осознаю, что борьба будет долгой, изнурительной и трагической, но я так же считаю, что это тот путь, которым мы должны пройти для того, чтобы освободиться от этого путинско-российского нашествия раз и навсегда.

Марина Ярошевич

32 года, Глава направления по адвокации в Promote Ukraine, Директорка программы Украина-ЕС Совета внешней политики «Украинская Призма», глава адвокации в НПО «Promote Ukraine», г. Брюссель, Бельгия

Не так давно я стала мамой, а сейчас беременна вторым сынишкой, потому привыкла плохо спать и часто просыпаться. Но 24 февраля в пять часов утра меня разбудил звук оповещения. Взяла в руки телефон, а там сообщение от мамы:

- У нас все хорошо, но молись.
- Что произошло?
- Война...

Новости, дозвонили родителям, родственникам, друзьям, обсуждения первоочередных действий, плач проснувшегося сына, которому, наверное, передана наша тревога... Затем – соцсети, звонки в Посольство Украины в Бельгии, где мы живем с семьей, с вопросами о координации действий.

С 2015 года вопросы адвокации украинских интересов в международных организациях были не просто моей работой, а не боюсь этого слова, призванием. Хотя последние годы из-за COVID-19 и декрета я не находилась «на передовой», думать о собственном деликатном положении не было времени. В первые часы после начала полномасштабного вторжения люди выражали готовность выходить на улицы, чтобы продемонстрировать свою солидарность с Украиной.

« —————
П оэтому осознаешь, что работать нужно день и ночь, здесь и сейчас, чтобы в Украине женщинам не приходилось рожать детей в бомбоубежищах и подвалах, а еще хуже – оказываться под завалами разбомбленных роддомов. —————»

Нужно было срочно искать пути, как провести массовые мероприятия с соблюдением всех требований законодательства. Для организации демонстраций нужно иметь разрешение полиции, обычно согласование длится минимум несколько дней. Однако, благодаря командной работе, в тот же день было получено разрешение и проведены манифестации под Посольством РФ в Бельгии и Постоянной Миссией РФ при ЕС. Мы хорошо подготовились – принесли громкоговоритель, флаги, украинскую атрибутику. За три следующих недели войны украинскими активист(к)ами и волонтер(к)ами при мощной поддержке НПО «Promote Ukraine» было организовано более двадцати публичных акций с участием депутатов европарламента, еврочиновников, бельгийских политиков, дружественных неправительственных организаций и этнических общин.

Это, конечно, капля в море, на которой никто из нас останавливаться не собирался. На второй день войны мы стали искать офисное помещение. Вечером уже выясняли все административные вопросы. Так был основан Координационный центр, через который уже прошли более ста волонтеров/ок, включая тридцать иностранцев. С этого времени работа по восьми направлениям продолжается непрерывно.

Через неделю активной деятельности мы пришли к выводу, что координироваться – мало, потому что к нам потянулись новоприбывшие беженцы с бюрократическими и бытовыми проблемами, а переадресовывать их на соответствующие службы, отправляя из Центра по сути только с информацией, нам было не к лицу. Благодаря репутации «Promote Ukraine» оперативно нашли поддержку для создания горячей линии с последующим фоллоу-апом каждого открытого досье.

На третью неделю получили помещение от Европарламента для организации Украинского хаба. Ключи от помещения украинскому гражданскому обществу передала Президент ЕП лично.

Сегодня – воскресенье. Завтра начнется четвертая неделя нашей системной борьбы. Следующий шаг – правильно выстроить работу этого нового фронт-офиса для привлечения еще более мощной поддержки на уровне международных организаций, государств, бизнеса и обычных граждан.

Пишу и понимаю, что мой рассказ может показаться своего рода хвастовством о проделанной работе, таким самопиаром или самооправданием – «мы здесь не бездельничаем, пока идет война». Ведь находясь в безопасной стране, в относительном комфорте, мы стараемся делать вид, что понимаем, как это – прятаться в холодном бомбоубежище с маленьким ребенком или переживать за мужа, который, не имея всего необходимого обмундирования, не говоря уже об оружии, служит в теробороне.

На самом же деле жить в параллельных мирах оказывается тоже нелегко. Разрываешься между собственным ребенком, которому не уделяешь необходимое внимание уже почти месяц, поисками возможностей, чтобы вытащить родителей, родственников и друзей из горячих точек и отправить за границу или хотя бы подальше от обстрелов, усилиями по сбору и передаче гуманитарной помощи, со-организацией манифестаций, проработкой аргументов и требований, чтоб озвучить на двусторонних встречах с теми, кто принимает решения, переадресацией всех, у кого оказались твои контакты, на руководителей новообразованных направлений и тем (внимание!), чтобы прилично выглядеть во время интервью.

Последнее меня раздражает больше всего, но это циничный мир, где прислушиваться к тебе готовы только тогда, когда ты выглядишь и говоришь так, как принято в этом обществе. Нет, конечно, речь не идет о конформизме. Были случаи, когда эмоции побеждали и я плакала, рассказывая о трагедии и борьбе нашего народа. Был даже момент, когда позволила себе крик и упреки в адрес политиков за недостаток понимания, через что мы проходим. Словом, чтобы быть принятой и услышанной, приходится надевать маску, чтобы сорвать ее только тогда, когда будет завоевано доверие собеседника.

Часто от этого всего тошнит, хочется все бросить и просто перебирать вещи в центре сортировки гуманитарной помощи для отправки на фронт или в тыл, но потом вспоминаешь, что ты не случайно имеешь профессиональный опыт, связи и желание быть там, где от тебя будет больше пользы. Проглатываешь слезы, берешь себя в руки и дальше продолжаешь делать то, что в твоих силах, и даже немного больше.

До родов остается все меньше времени, поэтому осознаешь, что работать нужно день и ночь, здесь и сейчас, чтобы в Украине женщинам не приходилось рожать детей в бомбоубежищах и подвалах, а еще хуже – оказываться под завалами разбомбленных роддомов.

Это изматывающее противостояние не только с кровожадным захватчиком, но, отчасти, и с лукавым Западом, который, как мы убедились, готов откупиться деньгами для борьбы с последствиями, но отказывается оказать своевременную действенную поддержку, ограничиваясь в основном только «глубокой обеспокоенностью». Но тем четче осознание того, что это именно наша борьба, а значит, это будет именно наша победа, которую огромной кровью уже совсем скоро одержит наш свободлюбивый, непокорный народ!

Слава Богу! Слава Украине! Героям слава!

Саша Делеменчук

38 лет, правозащитница, со-учредительница волонтерской инициативы «Евромайдан SOS», директорка проекта «Tbilisi Shelter City», г. Киев / г. Тбилиси

23 февраля я проводила большое онлайн-мероприятие почти до вечера, потому следующий день планировала посвятить своей семье. Мне, можно сказать, повезло, что я была не в Грузии (где сейчас работаю), а в Украине. В этот страшный день, когда начались взрывы, я была рядом со своей 78-летней мамой. Мы оставались вместе в Киеве до 15 марта, а сейчас находимся в Тбилиси.

Как только началась война, мы снова собрались нашей командой «Евромайдан SOS» и начали работать с разными запросами. Еще во время Революции Достоинства мы объединяли людей, которые нуждались в помощи, с теми, кто ее мог оказать, так что с 24 февраля мы просто вернулись к этой работе. Кроме того, мы волонтерили: кормили стариков, доставали лекарства больным. Параллельно с коллегами из других правозащитных организаций мы начали заниматься адвокацией и привлекать все наши международные контакты, через которые раньше работали в области прав человека, чтобы рассказывать о ситуации в Украине.

Работу все время прерывали воздушные тревоги, приходилось по нескольку раз в день спускаться в бомбоубежище, и я поняла, что системно работать в таких условиях мне очень сложно, поэтому приняла решение вывезти маму в Грузию, чтобы более эффективно использовать свои силы для помощи в Украине.

С мамой мы ехали из Киева во Львов, из Львова в Ужгород, из Ужгорода в Будапешт и из Будапешта мы вылетели в Тбилиси. Дорога заняла шесть дней. Нам встретилось множество добрых и отзывчивых людей, поэтому этот путь не казался настолько тяжелым, насколько был на самом деле. Наиболее утомительным этапом этого испытания для меня было пересечение границы между Украиной и Венгрией, которую мы переходили ночью пешком. Я пыталась одновременно нести чемоданы и помогать маме передвигаться. Отвозила их немного вперед и возвращалась за мамой. Когда к нам подошел украинский пограничник, я начала объяснять, что это мои чемоданы и в них нет ничего подозрительного. Но он просто взял наши вещи и донес их до пункта пропуска, за которым к нам подбежал венгерский пограничник и донес их уже до машины, которая нас встречала.

С 2005 года я занимаюсь правозащитной деятельностью. Работаю с рядом правозащитных организаций в Украине, среди которых Центр гражданских свобод, Украинский хельсинский союз по правам человека и другие. Сотрудничаю с международными организациями, например ОБСЕ и Глобальный фонд для женщин.

«
У меня есть ясное видение будущего – победа будет за нами! Хотя и достанется очень дорогой ценой. После победы начнется восстановление, требующее больших ресурсов – как для физического восстановления городов, так и для психологической реабилитации наших людей. Нельзя допустить, чтобы в послевоенный период произошел определенный регресс в области прав человека.

В 2016 году я и мои коллеги из Украины, Грузии и Германии основали проект в Тбилиси под названием «Tbilisi Shelter City», которому я посвящаю себя последние шесть лет. Это проект помощи для правозащитников, активистов, журналистов, которые либо находятся в своих странах с риском для жизни или свободы, либо профессионально «выгорели». Мы помогаем им восстановить свои силы – перевозим в безопасное место на три месяца для реабилитации и получения психологической и медицинской помощи. Через наш Центр прошло уже более трехсот человек. Сейчас, мы уже принимаем украинских правозащитников, особенно тех, кто находился на линии разграничения и в серой зоне.

Также мы начинаем инициативу UA_Rehab. Это будет программа массовой помощи украинским правозащитникам, активистам, волонтерам, чтобы они могли восстанавливаться, получать психологическую и/или медицинскую помощь, а также выехать в безопасное место. Кроме того, мы планируем развертывать выездную помощь для людей из этих групп. Это программа рассчитана на двенадцать месяцев. После войны, когда начнется восстановление, мы планируем не оставлять без помощи людей, которые во время войны помогали другим.

В Грузии всегда действовала и сейчас еще больше активизировалась мощная украинская община. Мы помогаем собирать гуманитарную помощь и средства для Украины. За последнюю неделю из разных источников нам удалось собрать около миллиона евро. Сейчас наша община планирует открыть в Тбилиси украинскую школу, чтобы приезжающие дети имели возможность учиться на украинском языке.

У меня есть ясное видение будущего – победа будет за нами! Хотя и достанется очень дорогой ценой. После победы начнется восстановление, требующее больших ресурсов – как для физического восстановления городов, так и для психологической реабилитации наших людей. Нельзя допустить, чтобы в послевоенный период произошел определенный регресс в области прав человека. Наши защитники из рядов органов правопорядка, храбро защищающие страну, сейчас привыкают применять оружие, убивать оккупантов. Но после наступления мира им нужно будет возвращаться к работе с задержанными. Потому важно проконтролировать, чтобы не ухудшилась ситуация с правами этих людей, чтобы не применялись пытки или жестокое обращение, не ухудшилась ситуация с недискриминацией и толерантностью. Сейчас мы очень толерантны друг другу, а после победы могут возникать конфликты. Например, отношение воевавших к тем, кто в это время работал или был волонтером; или дискуссии о том, какие области заплатили более высокую цену за защиту страны; беженцы, вернувшиеся в Украину могут также сталкиваться с осуждением.

Победа должна стать прорывом для Украины. Потому что благодаря этой войне Украина обрела, наконец, субъектность в международных отношениях. И как бы ужасно это не звучало: Украина должна воспользоваться открывшимися возможностями. И она должна одержать не только военную победу на полях сражений, но и на международной арене, и на дипломатическом фронте, и в области прав человека.

Анна

*35 лет, искусствовед, писательница,
штат Мичиган, США*

Для меня война в Украине началась уже давно. Хотя моя взрослая жизнь связана с Киевом и позднее с эмиграцией в Америку, родилась и выросла я на Донбассе.

Именно с Донбассом связаны мои детские воспоминания. Там жили и до сих пор живут дорогие сердцу люди. Когда я была школьницей, я начала вести семейный архив, просила бабушку и дедушку рассказывать семейные истории. В этих историях – сильный, героический, улыбающийся, поэтический и всегда украинский Донбасс. Моя Родина, которую захватчики украли у меня еще в 2014 году.

Я очень любила своих бабушку и дедушку. Они заменили мне родителей, которые много работали в те годы, они вырастили и воспитали меня. Они были самыми родными для меня людьми. В последний раз я виделась с ними в 2013 году, обещала, что приеду через полгода из Америки и что снова будем вместе. Я даже подумать не могла, что больше никогда не смогу их обнять – началась война, разлучившая нас навсегда.

« **Все украинское общество Мичигана сплотилось и работает для победы... Всегда надеюсь, что дойдет что-то и до пожилых людей, таких, какими были мои бабушка и дедушка, потому что знаю на их опыте, как страшно во время войны быть старым, больным, немощным.** »

Во двор дома, где я выросла, попал снаряд. Осколки другого снаряда повредили балкон квартиры, в которой находилась моя бабушка. Я умоляла ее уехать, но было много случаев, когда эвакуационные коридоры обстреливали, поэтому бабушка очень боялась выезжать. А потом из-за стресса у нее почти полностью отнялись ноги, и стало понятно, что никуда она уже не доедет. Сначала умер дедушка, ему нужна была качественная медицинская помощь, которую в условиях оккупации ему никто не мог оказать. А потом не стало и бабушки.

То, что я так никогда больше их не увидела – моя незаживающая рана. Они часто снятся мне, и я плачу по ночам все эти годы.

Сейчас я в отчаянии смотрю как стирают с лица земли Мариуполь. Там родился мой прадед. Он был инженером и стоял у истоков строительства легендарного завода «Азовсталь». Там, в Мариуполе, в заводской столовой, он познакомился с моей прабабушкой. Сегодня я читала, что от «Азовстали» почти ничего не осталось после бомбардировки. Ничего не осталось и от самого города. Мой прадед был ветераном, он воевал во Второй мировой войне, в составе Первого украинского фронта, за мирное будущее. Не представляю, что бы он чувствовал, если бы знал, что русская армия пришла войной на наш родной Донбасс.

Мой дед тоже был инженером, проектировал электронное оборудование для шахт в Горловке. Теперь все эти шахты стоят затопленные из-за войны. Моя бабушка сорок лет самоотверженно работала врачом, спасала жизни людей. А в старости, когда ей самой требовалась медицинская помощь, она

не могла ее получить. В местах, где я родилась и выросла, уже несколько лет идут боевые действия. Там большие разрушения. Люди бросили свои дома и выехали, целые улицы опустели. Вот такие страшные истории я должна теперь вносить в наш семейный архив – истории о том, как вражеская армия уничтожает все, что целые поколения моей семьи строили на донецкой земле.

Когда война закончится, я очень хочу поехать по родным местам Донбасса – в Горловку, Донецк, Мариуполь. Я знаю, что не узнаю их. И все же я хочу приехать, хотя бы посадить цветы на могилах бабушки и дедушки.

Сейчас, когда вся Украина в опасности из-за полномасштабного российского вторжения, я с утра до вечера занята сбором гуманитарной помощи и медикаментов. Только на прошлой неделе мы отвезли на упаковочный склад шесть машин с гуманитарным грузом – лекарствами, хирургическими материалами, одеждой, детским питанием, средствами гигиены, фонариками, спальными мешками, одеялами и т. д. Для воинов покупаем полевые аптечки, бронжилеты, тактические перчатки и рации. Также я перечисляю средства на организацию «Пицца Жизни», которая кормит беженцев, людей на улицах, тех, кто скрывается в харьковском метро. Всё украинское общество Мичигана сплотилось и работает для победы. Наши грузы и пожертвования идут на украинский Красный Крест, фонд Сергея Притулы, фонд «Вернись Живым» и разные благотворительные организации. Всегда надеюсь, что дойдет что-то и до пожилых людей, таких, какими были мои бабушка и дедушка, потому что знаю на их опыте, как страшно во время войны быть старым, больным, немощным.

Мы, украинцы Америки, пишем письма сенаторам и представителям Конгресса, чтобы Украине была предоставлена вся возможная помощь. Требуем, чтобы они закрыли небо над Украиной, начали принимать украинских беженцев, вспомнили, наконец, о Будапештском меморандуме. Еженедельно проводим митинги, разъясняем американцам текущую ситуацию, рассказываем об истории Украины, ведь информационный фронт, по моему мнению, очень важен.

Сегодня узнала, что несколько дней назад взрывной волной выбило окна в доме моей тети – снова рядом упал снаряд. Хорошо, что они все живы, никого не было в комнате в тот момент. Мечтаю услышать однажды, что кровопролитие закончилось, что наступил мир, и что мой родной Донбасс возвращен под контроль Украины.

Виктория Никитина

33 года, глава компании Blue Sky Windows, вице-президент Украинско-Австралийской торгово-промышленной палаты, г. Мельбурн (Австралия)

Я родилась в Одессе. В теплом, ласковом приморском городе прошло мое детство и юность. Когда мне исполнилось 22 года, мы с родителями эмигрировали в Австралию, в город Мельбурн. Там мы занялись производством металлопластиковых окон, создав свое предприятие, которое сейчас я и возглавляю. С нами работает много украинцев, как тех, которые также эмигрировали в Австралию, так и тех, которые живут в Украине и работают онлайн. Прошло уже десять лет, как мы переехали из Одессы, но с этим городом у меня очень сильная связь – там мои родственники, друзья, близкие люди. Я прилетаю в Одессу каждый раз, когда разрешает плотный рабочий график.

Здесь, в Мельбурне, есть украинская диаспора – «Ассоциация украинцев штата Виктория». Сначала мне было сложно общаться с ее представителями. Они довольно настороженно относились к украинцам с юга и востока, которые разговаривали преимущественно на русском. Но ситуация начала быстро меняться после 24.02.2022, с началом войны. Эти страшные события объединили не только украинцев в самой Украине, но и диаспоры в Австралии.

Когда в Украине началась война, в Мельбурне было 2 часа пополудни. Один из моих сотрудников, родом из Харькова, подошел ко мне и сказал, что россияне бомбят Харьковский авиационный институт. У меня началась паническая атака – я не могла дышать, не могла стоять, при этом начала плакать. Когда я немного успокоилась, то сразу позвонила своей бабушке, которая проснулась в пять утра по украинскому времени и сначала приняла звуки взрывов за грозу. Потом я позвала своих сотрудников из Черкасс и Житомира и сообщила им ужасные новости.

Помню, что я чувствовала: сначала отчаяние, когда несколько дней слились в один непрерывный поток информации и событий; я не могла спать, есть, чем-либо заниматься. Затем меня охватила злость – ненависть к тем, кто это начал и заставляет миллионы людей страдать; потом – бессилие от понимания, что ты не можешь изменить ситуацию. Я звонила близким и друзьям, помогала финансово, но чувствовала, что могу сделать больше как для них лично, так и для Украины.

« Я слышала разные истории, как австралийцы помогают украинцам. Через две недели после начала войны я приняла решение поехать в Германию и работать волонтером. Неделю назад я села в самолет во Франкфурт. В аэропорту не было ни одной волонтерской организации, поэтому я поехала на железнодорожный вокзал, подошла к волонтерам и сказала: «Здравствуйте! Я говорю на немецком, английском и хочу помочь. Буду помогать, сколько смогу. Моя мечта – мир в Украине. »

Я слышала, что австралийцы помогают украинцам. Некоторые вылетали забрать своих родственников, некоторые перечисляли средства украинской армии. Один бизнесмен из Квинсленда, родом из Ахтырки, прилетел в Германию, приобрел новый «бусик», загрузил туда Старлинки, модемы и другое необходимое военное оборудование и отвез все это в горячие точки в Украину.

Через две недели после начала войны я приняла решение поехать в Германию и работать волонтером. В студенческие годы я училась полгода в Германии по программе двойных дипломов, поэтому хорошо знаю немецкий и ориентируюсь в стране. Бизнесом я планировала управлять на расстоянии, мои партнеры и коллеги отнеслись к этому с пониманием. Германию я выбрала еще и потому, что многие мои знакомые из Украины искали там прибежище. Они рассказывали, что не могут найти жилье, зарегистрироваться, как трудно им без знания языка... так я и увидела свой фронт.

Неделю назад я села в самолет во Франкфурт. В аэропорту не было ни одной волонтерской организации, так что я поехала на железнодорожный вокзал, подошла к волонтерам и сказала: «Здравствуйте! Я говорю на немецком, английском и украинском; хочу помочь. Где мне можно поставить свои чемоданы?». После быстрого теста на коронавирус я сразу начала помогать беженцам из Украины.

Кроме того, я передавала контакты поставщиков амуниции и бронезилетов из Австралии и Германии. У меня есть бизнес-контакты в этих странах, поэтому предприниматели согласились помогать украинцам, которые мужественно сопротивляются российской агрессии.

Когда я начала заниматься волонтерством, я поняла, что у украинских беженцев возникают проблемы с порядком регистрации в разных землях Германии. Сейчас я работаю над тем, чтобы создать универсальный буклет с полной информацией о том, что и в каком порядке необходимо для получения регистрации и поселения в разных землях Германии. Это поможет беженцам снизить стресс, сделать все быстро и правильно.

За это время я поволонтерила уже во Франкфурте-на-Майне и в Гейдельберге. Буду помогать, сколько смогу. Моя мечта – мир в Украине.

Марина Л.

41 год, менеджер по развитию бизнеса, г. Париж

«Маринка, дочурка, мне так страшно. Я боюсь!».

Новость о войне меня застала ночью около 4 утра по парижскому времени. Раздался ночной звонок. Я ненавижу ночные звонки, я их боюсь! Мне позвонила мама. Она плакала. Она была напугана, плакала тихо, я впервые такой плач слышала, как беззащитный ребенок... Я почувствовала себя настолько беспомощной во всей этой ситуации.

Папа оказался в этот момент со мной в Париже. 23 февраля он ко мне прилетел на пару дней, погостить. У нас были планы – поездка в Нормандию, выставка в Париже.

Мама оказалась абсолютно одна на даче, мой младший брат в Киеве на Оболони тоже один. Всех раскидало по разным уголкам Украины и мира. Мы звонили им каждый час. Общались, планировали, поддерживали друг друга разговорами по телефону. Это все, что у нас было. Интернет связь и телефонная связь, уже неплохо.

Узнав о войне, у меня не было слез, паники или ненависти. Ничего. Пустота. Туман. Я совсем не помню первую неделю войны. Что кому писала. Что говорила.

Моя семья, это мेलанж культур. Один родитель украинец, второй русский. Я росла в атмосфере двух культур и обе мне были дороги. Это мое детство. Родные мне люди. С начала войны связь потерялась с родственниками из россии. Не было ссор или разговоров. Мы разошлись тихо! Хорошо, что моя бабушка Маня не дожидала до этого момента – предательства близких! Ничего. Переживу.

Стал вопрос, как папе добраться до мамы. Мы с папой разработали план, как нам добраться до Киева. Я дошла до границы, куда могла себе позволить дойти, а дальше он пошел сам. У меня есть маленький сын, с которым мы живем в Париже уже 8 лет, вдвоем. Моя ответственность перед ребенком вернуться целой и невредимой.

Сложно было отпускать родного человека туда, где стреляют и где война. Но мои родные не покинут Украину. Они не уйдут с родной земли. Украина – их дом! Сейчас наши разговоры с мамой и папой, это планы на лето, на осень. Мы планируем много всего прекрасного. Мы не заходим в разговорах за черту «посмотрим, что будет дальше». Я верю в победу Украины! Точка!

«
Моя семья, это меланж культур. Один родитель украинец, второй русский. Я росла в атмосфере двух культур и обе мне были дороги. Это мое детство. Родные мне люди. С начала войны связь потерялась с родственниками из россии. Не было ссор или разговоров. Мы разошлись тихо! Хорошо, что моя бабушка Маня не дожидала до этого момента – предательства близких! Ничего. Переживу.
»

Мои друзья из разных стран мира присылали мне слова поддержки, предлагали дома для беженцев и деньги. Это стало толчком к моей волонтерской работе. Спасибо им за помощь!

Французское общество очень солидарно и поддерживает Украину – активно участвует в митингах, предлагает жилье беженцам, активно помогает продуктами, вещами, медикаментами.

Правительство Франции запустило онлайн-портал **parrainage.refugies.info** для граждан, которые готовы оказать любую помощь беженцам из Украины: временное расселение, набор волонтеров для помощи беженцам с прохождением бюрократических процедур, сбор гуманитарной помощи.

Франция, как и остальные 27 стран Евросоюза, утвердили решение о временной защите в ЕС беженцев из Украины. Получение статуса дает право на работу, бесплатную медицинскую помощь и пособие ADA.

Я стараюсь быть максимально полезной для родных мне украинцев: оказываю информационную поддержку ново-прибывшим в организационно-бюрократических вопросах, перевожу для них; подсказываю, как организовать запись в школу для ребенка, на курсы изучения французского языка и т.д.; регулярно хожу на митинги в поддержку Украины; а также координирую и сотрудничаю с организациями Secours populaire, Association l'abbé Pierre (фонд для обеспечения жильем), обеспечиваем необходимым: одежда, медикаменты, игрушки.

23 марта 2022 будет проводится сбор средств для Украины в нашем городе.

Конечно, есть мои личные контакты и всем кому нужна помощь, я открыта и помогаю. Я здесь! Делаю все, что от меня зависит.

В школе моего сына по приглашению руководства школы провожу открытые уроки об истории Украины для детей. Мой сын будет помогать ново-прибывшим украинским детям адаптироваться в школе. Переводить. Подсказывать. Все, чтобы дети чувствовали себя комфортно.

Я решаю вопросы в области своих возможностей и компетенции. Всех люблю и желаю всем мира! Всем нам мира! Победа за нами! За нами, правда, сила, воля и самый смелый народ!

Евгения Гриппа

37 лет, предприниматель, г. Донецк-Киев-Токио

Для меня, как для любой другой жительницы восточной Украины, война идет с 2014 года. Она отняла мой родной город – Донецк. Многим украинцам тогда пришлось по кирпичику выстраивать новую жизнь, привыкать к другим городам, залечивать пробитые насквозь войной души. Мне удалось устроить свою жизнь в Киеве: купить квартиру, наладить бизнес по продаже японской косметики и бытовой химии. Я не могу сказать, что время залечило мои раны, однако мне удалось найти себя в новой жизни и постепенно перестать вскакивать ночью от кошмаров.

24 февраля я находилась в Токио. Накануне встретила с подругой, с которой подружились еще в довоенном Донецке. Мы прекрасно провели время, гуляя по улочкам Киото. А уже во второй половине следующего дня (ведь у Украины с Японией разница в 7 часов) узнали, что началась война. Я не помню, что тогда чувствовала, – меня словно парализовало.

Первые двое суток я непрерывно читала новости и находилась на связи с близкими и друзьями. Слезы не высохали на моем лице.

26 февраля знакомая сообщила, что пройдет митинг против войны в Украине. Я написала своим знакомым украинцам, чтобы они присоединились. Пришло много равнодушных людей, не только украинцев, но и японцев, а также иностранцев. В тот момент ощущение бессилия, с которым я жила предыдущие два дня (ведь я находилась за тысячи километров от близких мне людей, от своего уже родного города) понемногу отступило. Я поняла, что участие в митингах и организации различных акций в поддержку Украины – реальная возможность сделать свой личный вклад в будущую победу.

На одном из митингов, где я присутствовала в качестве волонтера и собирала средства на гуманитарную помощь Украине, мы договорились об организации одной из, на мой взгляд, самых зрелищных акций в поддержку нашей страны. Вместе с флористами была создана инициатива «Цветы для Украины». Известный японский производитель цветов безвозмездно передал флористам триста декоративных подсолнечников. Такая инициатива была мгновенно поддержана другими производителями, и во второй раз нам передали уже тысячу подсолнечников. Это

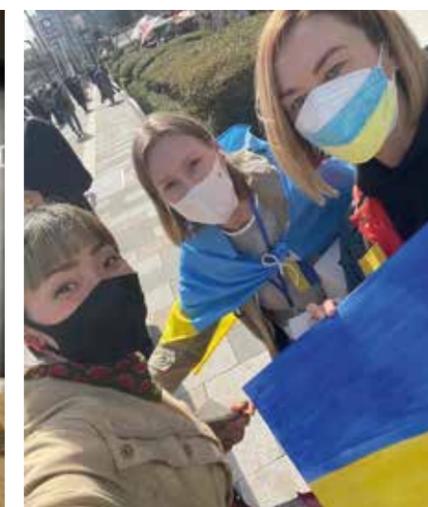
«
В такие минуты благодарность переполняет мое сердце! Ведь простые люди со всего мира готовы сплотиться и помочь Украине выстоять против агрессора, которого мир не видел со времен Второй мировой войны. Того же хотелось бы и от стран-лидеров, ведь Украина нуждается в реальной помощи!
»

беспрецедентная для японцев история! Мы упаковываем подсолнухи, представляем их как символ независимой и сильной Украины и продаем. Все полученные средства передаем на гуманитарные нужды. Инициатива постепенно набирает популярность – ждем новой, еще большей, партии цветов и надеемся, что со временем подобные акции пройдут во всех городах Японии.

Бесценно отношение народа Японии к нашей беде. Когда мы продавали цветы, японцы по своей инициативе просто давали деньги: молодые, в возрасте, даже подростки и дети. В такие минуты благодарность переполняет мое сердце! Ведь простые люди со всего мира готовы сплотиться и помочь Украине выстоять в борьбе с агрессией, которой мир не видел со времен Второй мировой войны. Хотелось бы такого же отношения и от мировых лидеров, ведь Украина нуждается в реальной помощи!

Я верю в нашу победу! Верю, что мы отстроим Украину еще более сильной и красивой! Понимая, что Россия нанесла значительные разрушения многим украинским городам, стоит уже сейчас задуматься о будущем. Именно поэтому в составе инициативной группы я веду переговоры с компанией, занимающейся переработкой мусора и готовой помочь Украине перерабатывать строительный мусор. Сейчас также ищем партнеров в Украине.

Сегодня, находясь в Японии, я – с Украиной, не только мыслями, но и делами!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЗС** – автозаправочная станция
- Академия ГПтС** – Академия Государственной пенитенциарной службы
- БДИПЧ ОБСЕ** – Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе
- БМП** – боевая машина пехоты
- БТР** – бронетранспортер
- ВМС** – Военно-морские силы Украины
- ВПЛ** – внутренне перемещенные лица
- ВСК** – временная специальная комиссия
- ВСУ** – Вооруженные Силы Украины
- ВСУ** – Вооруженные Силы Украины
- ГПтС** – Государственная пенитенциарная служба Украины
- ГСЧС** – Государственная служба по чрезвычайным ситуациям
- ДЦП** – детский церебральный паралич
- ЕП** – Европейский парламент
- ЕС** – Европейский Союз
- КГГА** – Киевская городская государственная администрация
- КНУ** – Киевский национальный университет
- ЛДНР** – Луганская и Донецкая Народные Республики
- МГП** – международное гуманитарное право
- НАБУ** – Национальное антикоррупционное бюро Украины
- НАПК** – Национальное агентство по вопросам предотвращения коррупции
- НАТО** – Организация Североатлантического договора
- НПО** – неправительственная организация
- НУПТ** – Национальный университет пищевых технологий
- ОБСЕ** – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
- ООН** – Организация Объединенных Наций
- ОТГ** – объединенная территориальная громада
- ОШ** – общеобразовательная школа
- ПВО** – противовоздушная оборона
- ПГТ** – поселок городского типа
- ПДР** – предполагаемая дата родов
- РФ** – Российская Федерация
- САП** – Специализированная антикоррупционная прокуратура
- СБУ** – Служба безопасности Украины
- СМИ** – средства массовой информации
- СССР** – Союз Советских Социалистических Республик
- ТрО** – территориальная оборона
- УХСПЧ** – Украинский Хельсинский союз по правам человека
- ХНР** – Херсонская народная республика
- ХПГ** – Харьковская правозащитная группа
- ЦГС** – Центр гражданских свобод

ПУБЛИКАЦИЮ ПОДГОТОВИЛИ

Елена Бучинская, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга им. А.Ф. Павленко Киевского национального экономического университета им. В. Гетьмана

Елена Давликанова, доктор философии, координатор проектов Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Украине

Ирина Лилик, президент ОО «Украинская Ассоциация Маркетинга», кандидат экономических наук, доцент

Оксана Яшкина, доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга Одесского национального политехнического университета

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто помогал собирать истории: Татьяне Забаштанской, Татьяне Мехед, медиа «Общественное Чернигов» Наталье Савицкой, Анне Милашевич, Любви Стаценко, Елене Коноваловой, ВМС Украины

«ОБПАЛЕНА МАЛЬВА» 33-го За мотивом однойименного твору композиторки Галини Овчаренко

*Развязывая грубую агрессию,
Пообещав врагов "поставить
раком",
Отпраздновать своё победобесие
Не терпится отчаянным воякам.*

*Неважно, что в пути время от
времени
В их адрес посылаются проклятья,
Скорей освободить они намерены
Вовсю сопротивляющихся братьев.*

*Палят из пушек, танков,
истребителей,
Оставив сплошь руины и завалы,
А граждане, кляня освободителей,
Скрываются в метро и по
подвалам.*

*В дома освободители врываются,
Невероятный хаос оставляя,*

*Где перед тем по-братски
наживаются
Добром освобождаемых хозяев.*

*И продолжают яростно
преследовать:
Учить упрямых братьев – дело
чести!
Кто не согласен в русский мир
последовать,
Тотчас уничтожается на месте...*

*Усердствуют, что даже
содрогаются
Давно истлевший прах почивших
дедов...
А на алтарь Отчизны
возлагается...
Позором заклеимённая победа.*

© Анна Волчок

Взгляды, выраженные в этой публикации, не обязательно отражают взгляды Фонда им. Фридриха Эберта.

Коммерческое использование всех публикаций и других материалов, изданных Фондом им. Фридриха Эберта (ФФЭ), без разрешения запрещено.

**FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG**